

КИРГИЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н. КУРБЕКОВ

34
Н-90.

История

Государства

и права

СССР

Киргизской

СССР

21

27

АРУ

ЛЕКТЕП 1965

К. НУРБЕКОВ

К $\frac{34}{H90}$

История
государства
и права
Киргизской
ССР

Выпуск I

ура

ОТ АВТОРА

Предлагаемая вниманию читателей работа является началом по созданию курса «Истории государства и права Киргизской ССР».

«Всякое начало трудно,— эта истина справедлива для каждой науки» (К. Маркс). Трудность при написании этой работы была связана с крайне слабой разработкой государственно-правовых проблем Киргизстана, т. е. отсутствием специальной литературы.

В связи с этим работу пришлось построить в основном на первоисточниках и на архивных материалах. Приходилось подбирать материалы кусочками, иногда весьма незначительными, пришлось тщательно выискивать, отбирать и накапливать материал по отдельным документам, из второстепенной литературы, из художественных произведений,— народных эпосов больших и малых и даже из устных высказываний стариков. Ко всем использованным источникам автор старался относиться критически.

Киргизский народ обрел свою национальную государственность только при Советской власти, в составе Советской России. Отсюда, разумеется, настоящий курс истории киргизского государства и права берет свое начало с Великой Октябрьской социалистической революции, обеспечившей киргизскому народу создание и развитие своей советской национальной государственности в составе Союза ССР. Поэтому основным стержнем курса в целом будет советский период.

Однако для того, чтобы глубоко понять своеобразный сложный процесс становления и развития советской государственности и социалистического права Киргизстана, мы считали необходимым вначале охарактеризо-

вать основные черты общественно-политического строя и права Киргизстана дооктябрьского периода. В основном этому разделу и посвящается настоящий выпуск. В работе мы стремились по возможности обосновать «Историю государства и права Киргизской ССР» и пытались убедить читателей, что такая новая отрасль юридической науки в республике зарождается. Цель будет достигнута, если удалось в какой-то степени убедить читателей в этом. В науке нет догматов, все в ней движется, совершенствуется и обновляется, в ней выявляются с каждым днем все новые и новые задачи. Исходя из этого, мы далеки от мысли, что наша скромная работа чиста от недостатков, что все в ней изложено удачно и что вопросы рассмотрены правильно. Наоборот, при изложении некоторых вопросов, особенно тех, которые поднимаются впервые, мы могли допустить неточности. Опасение возможности ошибки не отвращало от исследований.

Автор с благодарностью примет все критические замечания для дальнейшей работы над проблемой.

Работа рекомендуется в качестве учебного пособия для преподавателей и студентов юридического и исторического факультетов вузов и преподавателей средней школы.

В В Е Д Е Н И Е

§ 1. ПРЕДМЕТ И МЕТОД ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА КИРГИЗСКОЙ ССР

Для правильного исследования истории государства и права Киргизской ССР как новой отрасли науки в республике прежде всего необходимо обосновать ее предмет. От этого зависит определение объема, содержание и структура курса, исключение из него вопросов, относящихся к общенсторическим и смежным юридическим дисциплинам, выяснение его специфических особенностей.

История государства и права Киргизской ССР является органической частью науки истории государства и права СССР. Следовательно, при определении ее предмета нужно руководствоваться задачами и целями, поставленными перед историей государства и права СССР. История государства и права СССР имеет своей основной задачей исследовать возникновение и развитие государства и права народов СССР по историческим периодам.

Отсюда понятно, что история государства и права Киргизской ССР имеет своей основной целью исследовать общественно-политический строй и систему права киргизов дооктябрьского периода, а также возникновение и развитие советской государственности и социалистического права Киргизстана в конкретно исторической обстановке. В соответствии с этой целью и исходя из того, что «правовые отношения так же точно, как формы государства, не могут быть понятны не из самих себя, не из так называемого всеобщего развития человеческого

духа», данная отрасль науки прежде всего ставит своей задачей раскрыть материальные условия жизни, которые обуславливают те или иные правовые отношения и различные формы государственной жизни общества.

Марксизм-ленинизм учит, что через изменения экономического строя общества, через борьбу классов изменяется надстройка, политический строй, государственные и правовые формы. Однако в изменении общества, в укреплении и дальнейшем развитии экономики и культуры огромную организаторскую роль играет государство и право. Следовательно, предметом истории государства и права Киргизской ССР является также изучение определяющей роли экономических отношений в возникновении и развитии государства и права. Характер и формы взаимодействия государства и права друг с другом, а также с базисом проявляются неодинаково на различных этапах. Так, в период перехода от феодализма к социализму киргизская государственность и право оказывали огромное воздействие на сложный процесс ликвидации патриархально-феодалных отношений и пережитков родового быта и процесс создания материально-технической и духовной базы социализма.

Советское государство и право киргизского народа развивались поступательно, прогрессивно. Киргизский народ очень внимательно и осторожно выбирал форму своей национальной государственности. Он прошел почти все формы советской национальной государственности — от автономной области до суверенного социалистического государства.

В 1924 году была создана Киргизская Автономная область — первая национальная государственность киргизского народа. Она явилась той переходной формой, в рамках которой были созданы предпосылки, позволившие ему сначала перейти к высшей форме советской автономии — Киргизской АССР (1926 г.), а затем образовать суверенную Советскую Социалистическую республику (1936 г.). В этом длительном и сложном процессе играли огромную роль активные действия народных масс. Следовательно, наука история государства и права изучает также степень, характер и формы деятельности народных масс в возникновении, развитии и укреплении государства и права на различных этапах.

Исходя из всего сказанного, предмет истории государства и права Киргизской ССР можно определить следующим образом: История государства и права Киргизской ССР изучает основные черты общественно-политического строя и системы права киргизов в дооктябрьский период, возникновение и укрепление советской государственности и социалистического права Киргизстана и их развитие от государства диктатуры пролетариата к общенародному государству и праву, конкретные формы проявления их на разных этапах. Она изучает активнотворческую, организующую роль Советского государства и права в создании материально-технической и духовной базы социализма и коммунизма.

Данное определение не исчерпывает всего содержания предмета науки истории киргизского государства и права. Оно лишь выражает его существо.

История государства и права Киргизской ССР есть частица общественных наук. Отсюда понятно, что при изучении этой отрасли науки применяется тот же метод, как и для всех общественных наук. Она должна разрабатываться на основе учения марксизма-ленинизма об общественно-экономических формациях, о классах и классовой борьбе, о революции и о диктатуре пролетариата, о нациях и о самоопределении наций, о государстве и праве.

Марксизм-ленинизм, как наука, не может стоять на одном месте — он развивается и совершенствуется. В своем развитии он не может не обогащаться новым опытом, новыми знаниями, — следовательно, отдельные его формулы и выводы не могут не заменяться новыми, соответствующими новым историческим задачам. Это положение должно быть полностью учтено при изучении науки истории государства и права Киргизской ССР.

При изучении истории государства и права Киргизской ССР особенно необходимо руководствоваться директивами и решениями партии и правительства о праве наций на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного национального государства. Надо руководствоваться «Декларацией прав народов России» (1917 г.), где были провозглашены основные принципы деятельности Советского правительства по национальному вопросу: о равенстве и суверенности наро-

дов, о праве нации на свободное самоопределение, об отмене всех и всяких национальных привилегий и ограничений, о свободном развитии национальных меньшинств¹: «Декларацией прав трудящихся и эксплуатируемого народа», где были закреплены основные принципы советской федерации и автономии основными положениями второй Программы партии (1919 г.), где указывалось, что для развития национальности «необходимо уничтожение всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы, полное равноправие наций, признание за колониями и неравноправными нациями права на государственное отделение»².

Исключительное значение для истории государства и права Киргизской ССР имеют решения XX съезда КПСС. XX съезд, вскрыв и осудив чуждый духу марксизма-ленинизма культ личности, открыл широкий простор творческим силам партии и народа, дальнейшему правильному осуществлению в государственной жизни ленинского принципа демократического централизма. Съезд взял курс дальнейшего всестороннего развития советской демократии и подчеркнул необходимость расширения прав союзных республик, записав в своем решении: «В своей национальной политике партия исходит и исходит из ленинского положения о том, что социализм не только не устраняет национальные различия и особенности, а наоборот, обеспечивает всестороннее развитие и расцвет экономики и культуры всех наций и народностей».

При изучении истории государства и права Киргизской ССР важно учитывать теоретические выводы XXI съезда КПСС о том, что социализм одержал в нашей стране полную и окончательную победу, что «Советский Союз вступил в новую полосу исторического развития — в период развернутого строительства коммунизма». «В современных условиях, — говорится в резолюции съезда, — главным направлением в развитии социалистической государственности является всемерное развитие демократии, привлечение всех граждан к участию в руководстве хозяйственным и культурным строительством, в

¹ История Советской Конституции, сб. документов, 1917—1956 гг. М., 1957 г., стр. 58.

² КПСС в резолюциях и решениях... ч. I, изд. 7-е, М., 1953 г., стр. 416.

управлении общественными делами»¹. Весьма важное значение имеет решение съезда о том, что многие функции, выполняемые в настоящее время государственными органами, должны постепенно переходить в ведение общественных организаций. Это расширит и укрепит политическую основу социалистического общества и обеспечит дальнейшее развитие социалистической демократии.

Особо важное значение для науки истории государства и права Киргизской ССР имеет XXII съезд КПСС и новая Программа партии.

В Программе КПСС выдвинуто и обосновано новое в науке марксизма-ленинизма теоретическое положение о перерастании государства диктатуры пролетариата в общенародное государство, в орган выражения интересов и воли всего народа, о характере и задачах этого государства и его судьбах. В Программе указывается, что «Государство, как общенародная организация, сохранится до полной победы коммунизма».

В Программе партии выдвигается задача — «...полностью использовать и совершенствовать формы национальной государственности народов СССР» и указываются перспективы развития советских национальных республик. Опыт Советского государственного строительства показал, что созданные ранее формы советской национальной государственности полностью себя оправдали. Они являются орудием реального осуществления суверенитета нации.

В дальнейшем в условиях общенародного государства еще больше укрепится взаимное доверие и дружба между народами. В новый период развития советского государства, на основе дальнейшего всестороннего и широкого развертывания советской демократии, расширения прав национальных республик, произойдет еще большее сближение наций, возрастет их экономическая и идейная общность. Учитывая все это, Программа партии записала, что «границы между союзными республиками в пределах СССР все более теряют свое былое значение...»².

Громадное значение для исследования истории возникновения и развития государства и права Киргизстана

¹ Материалы внеочередного XXI съезда КПСС, Госполитиздат, 1959 г., стр. 155.

² Материалы XXII съезда КПСС, Госполитиздат, 1961 г., стр. 405.

имеет положение новой Программы партии о том, что «развернутое коммунистическое строительство означает новый этап в развитии национальных отношений в СССР, характеризующийся дальнейшим сближением наций и достижением их полного единства».

Таким образом, применение марксистско-ленинского диалектического метода открывает широкую творческую дорогу для дальнейшего изучения истории государства и права Киргизской ССР.

При изучении науки истории государства и права Киргизской ССР, применяя марксистский диалектический метод, следует вести непримиримую борьбу с проникновением буржуазной идеологии, разоблачать всякие клеветнические измышления, распространяемые буржуазными «учеными» — юристами, философами, историками, экономистами о советской действительности в республиках Средней Азии. Отсюда понятно, что история государства и права Киргизской ССР должны быть проникнуты глубокой партийностью и развиваться в непримиримой борьбе со всякой враждебной марксистско-ленинизму идеологией.

§ 2. ПЕРИОДИЗАЦИЯ И СИСТЕМА ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА КИРГИЗСКОЙ ССР

Важным в изучении истории государства и права Киргизской ССР является разработка ее периодизации. Правильная периодизация дает возможность полно отразить особенности истории государства и права, как самостоятельной науки, отличной от общегражданской истории. Это непременное условие исторического исследования. Без правильной периодизации нельзя раскрыть специфику организации и деятельности государства, особенности отраслей права на различных этапах развития.

В. И. Ленин в своей лекции «О государстве» предупреждал, что самое важное в вопросе общественной науки «это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило...»¹.

В основе периодизации истории государства и права

Киргизской ССР прежде всего лежит учение основоположников марксизма-ленинизма об общественно-экономических формациях, о главных этапах развития общества, о главных фазах коммунистического общества. Главным основанием для периодизации истории государства и права является экономическое развитие страны. Кроме экономики, при периодизации истории государства и права надо учитывать еще и другие факторы, имеющие относительную самостоятельность и непосредственно влияющие на развитие государства и права, например классовую борьбу, изменения формы государства и внешнюю обстановку. Все эти факторы, действующие вместе, придают соответствующему периоду характер определенного целого, т. е. создают то, что мы называем историческим периодом.

При периодизации истории государства и права Киргизской ССР следует обратить внимание на основные этапы развития советской государственности в Киргизии, которые характеризовали, показывали переход киргизской государственности в новое состояние, в результате коренных изменений в экономическом базисе. Исходным методологическим рубежом при периодизации истории Советского государства и права Киргизстана являются теоретические положения Программы КПСС по вопросу о классовой природе, основных этапах развития и исторических судьбах диктатуры пролетариата в СССР.

Поскольку Великая Октябрьская социалистическая революция кладет начало новому периоду в истории народов, особенно в истории киргизского народа, то историю государства и права Киргизской ССР необходимо разделить на две части, характеризующие государственное-правовое строительство Киргизстана до и после Октябрьской Социалистической революции.

Первая часть — феодализм — посвящается общественно-политическому строю и праву киргизов дореволюционного периода.

Вторая часть — социализм — состоит из трех главных этапов, соответствующих главным этапам развития диктатуры пролетариата в СССР. В свою очередь, каждый этап в зависимости от конкретных задач, стоящих перед киргизским народом, разделяется на отдельные периоды.

Следует подчеркнуть, что не может быть периодизации истории киргизского Советского государства и пра-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 436.

ва, резко отличающейся от периодизации истории Советского государства и права в целом. Главным критерием ее безусловно является периодизация истории развития советского общества в целом, так как развитие всех народов нашего Великого Союза, в том числе киргизского народа, при Советской власти происходило на общей базе становления и развития социалистического способа производства, в условиях советского строя, под общим руководством Коммунистической партии.

Однако это не означает, что периодизация истории Советского государства и права отдельных национальных республик должна целиком совпадать с периодизацией истории Советского государства и права. Наоборот, научная периодизация истории государства и права народов СССР должна ориентировать историков-юристов на глубокое исследование закономерностей и особенностей социалистического строительства, возникновение и развитие национальной государственности у отдельных народов, на раскрытие содержания многообразной формы советской национальной государственности.

Конечно, этапы, отражающие общие закономерности развития советского общества, совпадают всюду, а периоды — более дробные подразделения могут существенно различаться в истории отдельных народов. Так, первый этап истории советского государства и права Киргизстана соответствует периоду государства диктатуры пролетариата. Это был период перехода Киргизстана от феодализма к социализму, минуя капитализм, период революционных преобразований и социалистического строительства в Киргизии, период возникновения в истории киргизского народа национальной государственности и ее развития. Это был период решительной борьбы за ликвидацию пережитков феодализма и родового быта в Киргизии. На этом главном этапе киргизское государство прошло несколько периодов, подчиненных задачам главного этапа:

а) Великая Октябрьская социалистическая революция и установление Советской власти в Киргизии (октябрь 1917—1918 гг.). В этот период перед Советским государством стояла задача совершить социалистическую революцию в крае, установить Советскую власть на территории Киргизии, сломать старый колонизаторский

государственный аппарат и создать органы советского государства и основы советского права;

б) советская государственность и право в Киргизстане в период создания и развития советской автономии в Киргизии (1918—1925 гг.). В этот период стояла задача ликвидировать до конца внутреннюю контрреволюцию (басмачество) и в дальнейшем укрепить Советскую власть на местах, проводить НЭП в крае, восстановить народное хозяйство, поднять экономику и культуру национальностей Средней Азии, преодолеть национальную вражду и трения между народами Средней Азии и недоверие к русским, таким образом, создать предпосылки для практического претворения в жизнь ленинской национальной политики о праве наций на самоопределение, создать впервые в истории национальную государственность киргизского народа и завершить правовое оформление ее;

в) государство и право Советского Киргизстана в период строительства основ социализма в республике (1926—1935 гг.). В этот период перед советским государством стояла задача обеспечить не только правовое равенство, но и фактическое равенство Киргизстана — равенство в области экономики и культуры, добиться экономического, политического и культурного возрождения киргизского народа, окончательно ликвидировать сопротивление остатков эксплуататоров, широко привлечь трудящиеся массы киргизов к социалистическому строительству, создать материально-техническую и духовную базу социализма в Киргизии, а также предпосылки для провозглашения Киргизстана суверенной социалистической республикой.

Второй главный этап истории советского государства и права Киргизстана соответствует периоду перерастания государства диктатуры пролетариата в общенародное государство. Это был период провозглашения, правового оформления Киргизской суверенной социалистической республики, период участия Киргизстана в справедливой войне как суверенного государства, период укрепления и развития суверенитета Киргизстана.

В этом главном этапе киргизского советского государства и права следует различать следующие периоды:

а) государство и право советского Киргизстана в период образования суверенной социалистической респуб-

лики и принятия ее Конституции (1935—1940 гг.). Задачей советского государства в этот период было продолжать работу по завершению строительства социализма, образовать киргизское суверенное государство и завершить его правовое оформление;

б) государство и право советского Киргизстана в период Великой Отечественной войны Советского Союза (июнь 1941—1945 гг.). В этот период деятельность киргизского государства была направлена на мобилизацию сил и средств республики для участия в разгроме коварного врага и обеспечения победы;

в) государство и право советского Киргизстана в период восстановления и развития разрушенного войной народного хозяйства и завершения строительства социализма в условиях образования и развития мировой социалистической системы и дальнейшего развития советской демократии (1946—1958 гг.). Задачей киргизского Советского государства в этот период явилось постановить и поднять промышленность и сельское хозяйство республики, укрепить свой суверенитет и широко развернуть социалистическую демократию.

Третий главный этап истории советского государства и права Киргизстана соответствует периоду Советского общенародного государства. Это есть период полной и окончательной победы социализма, период развернутого строительства материально-технической и духовной базы коммунистического общества, период дальнейшего всестороннего развития советской демократии, период постепенного перерастания Советского общенародного государства в коммунистическое общественное самоуправление.

Этот главный этап начинается с XXI съезда КПСС (январь 1959 г.) как период развернутого строительства коммунистического общества.

Таковы основные моменты истории государства и права Киргизской ССР, на основе которых строится ее периодизация.

В изучении науки истории государства и права Киргизской ССР важным является правильное определение системы курса на каждом данном этапе ее развития. Четкое определение системы курса, схемы изучения дисциплины по каждому конкретно-историческому периоду об-

легчает теоретическое исследование и практическое преподавание.

Правильное определение системы истории государства и права Киргизской ССР по каждому историческому периоду дает правильную ориентировку историко-правового исследования, облегчает изучение этой науки и оберегает нас от вторжения в сферу других исторических и правовых наук.

Исходя из задачи и цели истории государств и права и руководствуясь марксистским учением о том, что «экономическая структура общества каждой данной эпохи образует ту реальную основу, которой и объясняется в последнем счете вся надстройка правовых и политических учреждений, ...каждого данного исторического периода»¹, исследование и изучение курса истории государства и права Киргизской ССР надо начинать с научного анализа социально-экономического строя по каждому историческому периоду. Развитие материального производства, — учат классики марксизма-ленинизма, — отражается на изменении государственных и правовых форм через изменение экономического строя общества, через борьбу классов. Следовательно, экономический строй и развитие классовых отношений лежат в основе политических и правовых реформ общества на той или иной стадии его развития. Однако социально-экономические отношения изучаются лишь в том объеме, в каком это необходимо для уяснения причин возникновения и развития форм государства, а также систем права. Экономическое развитие того или иного общества и сам ход классовой борьбы во всем их многогранном проявлении глубоко и всесторонне прослеживаются экономическими науками и общегражданской историей.

В соответствии с изложенным история государства и права Киргизской ССР по каждому историческому периоду в связи с конкретными историческими условиями должна исследоваться и изучаться по следующей системе (схеме): а) социально-экономическое развитие; б) государственное строительство и в) история развития отдельных отраслей права.

Таким образом, во введении мы пытались вкратце обосновать и дать определение предмета истории государства и права Киргизской ССР, показать ее место в си-

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1957 г., стр. 26.

стеме других гуманитарных наук, рассмотрели периодизацию и систему исследования и изучения этой науки по каждому историческому периоду.

Все эти вопросы являются отправными пунктами в исследовании истории государства и права Киргизской ССР.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ И ПРАВО ДЕРЕВОЛЮЦИОННОГО КИРГИЗСТАНА

§ 1. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

а) Особенности социально-экономического строя.

Общественный строй киргизов дореволюционного периода изучен далеко недостаточно. Тем не менее от правильной марксистско-ленинской разработки и глубокого научного освещения социально-экономических отношений зависит правильное освещение таких важнейших вопросов, как политический строй и право дореволюционного Киргизстана, специфические особенности исторического развития киргизского народа, самобытность его культуры, а также решающая роль народных масс Киргизии в историческом процессе.

В литературе дореволюционного периода, а также в первые годы социалистического строительства в нашей стране, особенно в период, предшествовавший коллективизации сельского хозяйства, господствовал взгляд, что якобы общественный строй киргизов дореволюционного периода характеризовался переходным периодом от родового строя к феодальному. Были даже утверждения, что якобы у киргизов господствовал родовой строй.

К числу защитников теории родового строя можно отнести дореволюционных ученых социологов и этнографов — А. Харузина¹, Тахтарева². Ее отстаивали провод-

¹ А. Н. Харузин, К вопросу о происхождении киргизского народа, М., 1895 г.

² К. М. Тахтарев, Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм, ч. I, 1924 г., Ленинград, стр. 280.

1149831

ники колонизаторской политики царизма — Туркестанский генерал-губернатор Кауфман¹, генералы — Гродеков², Терентьев³, Румянцев⁴ и другие.

Все они писали о социальном строе кочевых народов, исходя из разных теоретических предположений и ставя перед собой различные цели и задачи, но все сходились в одном мнении, что у таких кочевых народов, какими являются киргизы, казахи и др., господствовали родовые отношения, родовое начало, родовой строй.

Такое мнение имело место и среди наших ученых, особенно в первый период существования Советской власти. Это принесло немало вреда не только в деле изучения истории киргизского народа, но и в практике социалистического строительства в Киргизии.

На основании этой, по-настоящему никем не доказанной теории заявлялось, что у народностей с кочевым и полукочевым скотоводством — киргизов, казахов, туркмен, хакасов и др. — до Октябрьской социалистической революции господствовали родовые общинные отношения, не было эксплуатации, отсутствовали классы и классовая борьба. На эту теорию опирались буржуазные националисты, правые оппортунисты и прочие идеологи и защитники обреченных на ликвидацию эксплуататорских классов, пытаясь сорвать или затормозить социалистическое переустройство хозяйства, культуры и быта Киргизии.

Сторонниками теории, согласно которой киргизы пережили переходный период от родового строя к феодальному, являются С. А. Абрамзон и проф. П. Кушнер. П. Кушнер, обследовавший районы кочевого хозяйства Киргизии в 1925 году, пишет, что «...это одна из самых ранних фаз феодализма, и в то же время последняя фаза разложения родовых отношений у киргизов. Это грань двух социологических эпох⁵. По Кушнеру получается,

¹ К. Кауфман, Проект всеподданейшего отчета К. Фон Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства, С. Петербург, 1885 г., стр. 42.

² Н. И. Гродеков, Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области (юридический быт), т. 1, Ташкент, 1889 г.

³ М. А. Терентьев, История завоевания Средней Азии, СПб. 1906, т. I—III.

⁴ П. П. Румянцев, Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства в Семиреченской обл., т. VII, вып. 2. СПб, 1915 г.

⁵ П. Кушнер, Мананство в горной Киргизии, журн. «Революционный восток», № 2, 1927 г., стр. 152.

что киргизы перед Октябрьской революцией находились на начальной стадии феодального развития, «рубеже» между родовым строем и процессом феодализации.

С. Абрамзон пишет, что «господствующим в киргизском обществе (дооктябрьский период — К. Н.) оставался полупатриархально-полуфеодальный уклад. Феодальные отношения в ту пору еще окончательно не сложились и не представляли собой определенной системы»¹. В настоящее время все эти неверные положения полностью опровергнуты. Объединенная научная сессия, созванная по инициативе ЦК КПСС и Академии наук СССР, совместно с Академиями наук республик Средней Азии и Казахстана, посвященная истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, проходившая в феврале—марте 1954 года в гор. Ташкенте, полностью опровергла буржуазно-националистическую теорию родового строя у кочевников и разоблачила лже-научные утверждения о том, что кочевые народы в силу специфических особенностей кочевого скотоводства не могут подняться в своем историческом развитии выше первобытно-общинного, родового строя².

Сессия доказала, что кочевым народам свойственны общие закономерности общественно-экономического развития, что зарождение феодальных отношений у народов Средней Азии и Казахстана относится примерно к VI веку³.

Таким образом, взгляды на социально-экономический строй киргизов дооктябрьского периода можно разделить на три группы:

а) у киргизов господствовал родовой строй, т. е. они жили в доклассовом обществе;

б) киргизы находились в переходном от родового к феодальному строю периоде;

в) у киргизов господствовал феодализм, с присущими ему производственными отношениями, классовыми различиями, с определенным уровнем развития производительных сил в обществе, с пережитками родового быта и зачатками капитализма. Эту точку зрения разделяем и мы.

¹ С. А. Абрамзон, Очерк культуры киргизского народа, Фрунзе, 1946 г., стр. 42.

² Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, Ташкент, 1955 г., стр. 582.

³ Там же.

В XIX и в начале XX века в социально-экономическом строе киргизов имели место указанные В. И. Лениным признаки, которые характеризуют феодальные отношения. В. И. Ленин, отмечая основные признаки феодализма, писал: «Во-первых, господство натурального хозяйства, ...во-вторых, для такого хозяйства необходимо, чтобы непосредственный производитель был наделен средствами производства вообще, ...в-третьих, условием такой системы хозяйства является личная зависимость крестьянина от помещика... Необходимо, следовательно, «внеэкономическое принуждение»... Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина. Наконец, в-четвертых, условием и следствием описываемой системы хозяйства было крайне низкое и рутинное состояние техники...»¹. Эти указанные В. И. Лениным условия феодализма в основном наблюдались у киргизов.

Одной из существующих черт феодальной системы хозяйства киргизов в дооктябрьский период является господство натурального хозяйства. В дооктябрьский период киргизы в основном занимались кочевым скотоводством. Существование у киргизов вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции кочевого скотоводства как главного занятия объясняется, во-первых, низким уровнем развития производительных сил, которые не смогли создать необходимых материальных предпосылок для развития общественного разделения труда, для развития товарно-денежных отношений, во-вторых, наличием огромного пастбищного пространства, пригодного для содержания скота на подножном корму в течение круглого года, в-третьих, незаинтересованностью киргизской феодальной знати в переходе на оседлость и ее нежеланием потерять своих «сородичей», т. е. зависимых бедняков, бесплатно обслуживавших байско-манапское скотоводческое хозяйство.

Скотоводческое хозяйство киргизов, хотя и медленно, все же развивалось. Улучшались способы пастьбы и водопой скота, совершенствовались из поколения в поколение производственные навыки в скотоводстве. Киргизы-скотоводы в известной степени улучшали породность ско-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 158—159.

та путем индивидуального отбора производителей и маточного поголовья. Они пользовались народной ветеринарией, лечили больных животных и вырабатывали определенные приемы в выращивании молодняка. Прав С. Зиманов, который пишет, что «было бы серьезной ошибкой объяснять отсталость того или иного общества только характером форм общественного производства. То, что земледелие является более прогрессивной формой производства, чем скотоводство, относится в первую очередь к сфере хозяйствования, но отнюдь не к сфере и характеру отношений людей между собою. Рабовладельческие общества могли быть земледельческими по характеру преобладающей формы производства. Наоборот, феодальные отношения могли господствовать и в скотоводческих обществах»¹.

Скотоводство в Киргизии дореволюционного периода базировалось на постоянной зимовке в одном месте и имело тесную связь с земледелием. Оно являлось кочевым и полукочевым, а не исключительно кочевым, как это было в Казахстане, в частности в его пустынях.

Утверждение многих дореволюционных исследователей о том, что киргизы исключительно вели кочевой образ жизни, не имели отношения к земледельческому хозяйству, является неправильным. Киргизы знали земледелие. «Хлебопашеством занимаются почти все черные киргизы» — писали Воронин и Нифантьев², «хлебопашество составляет общее занятие дикокаменных киргизов», — подчеркивает М. Венюков³.

Земледелие сравнительно хорошо развивалось в долинах Ферганы, Чу, Таласа и в котловинах Иссык-Куля.

В долинах и равнинах Киргизии земледелие являлось искусственно орошаемым. Система и способ орошения были довольно простыми. Из горных рек отводились небольшие каналы, из них вода, распространяясь по мелким арыкам, орошала поля. Население горных районов вело богарное земледелие — кайрак. Кайраки не нуждались в искусственных поливах. На кайраках сеяли ячмень, просо и частично пшеницу. На юге Киргизии выра-

¹ С. З. Зиманов, Общественный строй казахов первой половины XIX века, А-Ата, 1958 г., стр. 27.

² Воронин и Нифантьев, Сведения о дикокаменных киргизах, «Зап. РГО», кн. 5, СПб, 1851 г., стр. 151.

³ М. Венюков, Очерки Зап. Кавказского края и Причуйской страны, «Зап. РГО», кн. 4, СПб, 1861 г., стр. 109.

щивали кукурузу, хлопок, рис, бахчу и люцерну¹.

Киргизы не удобряли пахотную землю. Приемы и способы обработки полей, а также сбор урожая и его обмолот были примитивными и отсталыми.

Земледелие развивалось слабо. Причину слабого развития земледелия в киргизском обществе следует искать не в психике, нравах народа, не в климатических условиях, как утверждают некоторые исследователи, а в том, что в Киргизии при наличии огромного пастбищного пространства, необходимого для производства и воспроизводства скота, определенного навыка в ведении скотоводческого хозяйства, а также при рутинном состоянии техники кочевое скотоводство было более производительным, чем примитивное земледелие.

Кроме того, это главное, киргизы были лишены плодородных земель, наиболее благоприятных для развития земледелия и находящихся в долинах, и оттеснены в горы. Плодородные земли были захвачены колонизаторами.

Земледелие у киргизов носило подсобный характер и не успело отделиться от скотоводства. Оно не могло удовлетворять самых насущных потребностей киргизов в хлебе. Следовательно, основным источником питания были продукты скотоводства.

В экономике киргизов известную роль играло ремесло, разные промыслы и промышленность по обработке и переработке животноводческой продукции и сырья.

Ремесленно-кустарное производство, обслуживающее потребности кочевого быта и хозяйство Киргизии, было развито слабо. Производство и отделка керамики мало были известны киргизам. Гончарного производства почти не было. По-видимому, это во многом объясняется кочевым образом жизни народа, при котором основное внимание обращается на прочность и легкость инвентаря и хозяйственно-бытовых принадлежностей.

Столярные работы применялись в основном при изготовлении принадлежностей кочевой юрты и предметов домашнего обихода. В этой части были более или менее искусные мастера.

Потребление металла в феодальных обществах обычно является незначительным. В Киргизии оно было совсем небольшим. Металлические предметы в хозяйстве

¹ А. Ф. Мидендорф, Очерки Ферганской долины, СПб, 1882 г., стр. 350.

киргизов имели в основном бытовое назначение, а не производственное. Более или менее сложные металлические изделия, которыми пользовалось население, ввозилось, например чугунные котлы, посуда и др.

В источниках, относящихся к концу XIX века, много встречается упоминаний о существовании у киргизов элементов металлургии. Г. Бардышев сообщает, что «железо для выделки оружия и для домашних принадлежностей черные киргизы добывают в небольших размерах и весьма первобытными способами из черного крупного песка, собираемого на берегах Иссык-Куля»¹.

На обработку железной руды киргизами обратил свое внимание Н. А. Северцов².

Ювелирное и кузнечно-слесарное дело имело в Киргизии также незначительное распространение. Кузнец одновременно являлся и слесарем и ювелиром, т. е. эти отрасли ремесла еще не успели полностью отделиться друг от друга.

Более или менее хорошо развивалось ювелирное дело. Киргизские ювелиры изготовляли золотые и серебряные бляхи, кольца, серьги и многие другие тончайшие женские украшения, а также производили инкрустацию на седлах, конских сбруях, женских и мужских поясах. Обычно ювелиры обслуживали аилы богачей, и фактически наиболее искусные из них являлись придворными ремесленниками. Известны случаи, когда отдельные крупные феодалы приглашали в свои владения чужеземных мастеров.

Кузнецы-слесари изготовляли хозяйственные предметы и делали военное оружие: ружья, шлемы, кольчуги, сабли, копья, луки, колчаны со стрелами, пики и др.

В целом ремесленное производство в дореволюционной Киргизии было развито слабо. Оно еще не выделялось из сельского хозяйства, имело преимущественно домашний характер. Его судьба зависела от характера и потребностей скотоводческого хозяйства. Слабое развитие ремесла и его придаточный характер объясняются

¹ Г. Бардышев, Заметки о дикокаменных киргизах, Ежегодник, «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. III, СПб, 1874 г., стр. 388, «Туркестанский сборник», т. 95.

² Н. А. Северцов, Путешествие по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня, СПб, 1873, стр. 162.

господством натурального хозяйства и кочевым образом жизни киргизов.

Однако нельзя не отметить влияние русских мастеров-умельцев, живших в Киргизии на состояние ремесленного производства.

Промышленность дореволюционного Киргизстана была связана с обработкой и переработкой животноводческой продукции и сырья. Все то, что поступало от скотоводства в той части, в которой нуждалось кочевое хозяйство, обрабатывалась силами и средствами каждой отдельной семьи, т. е. промышленность имела домашний характер. При недостатке рабочей силы привлекались соседи, родственники в порядке оказания взаимной помощи. В феодальных хозяйствах это превратилось в одну из форм эксплуатации общинников-сородичей.

Следует сказать, что на территории дореволюционного Киргизстана действовали некоторые предприятия первичной обработки сельскохозяйственного сырья. Но эти предприятия были малочисленны, к тому же они не принадлежали киргизам. Они обслуживали скотопромышленников, крупных русских купцов, оптом закупувавших у киргизов и вывозивших в Россию и соседние страны скот и скотоводческую продукцию.

Это были мелкие предприятия с очень узкой производственной базой, и начали они создаваться в основном только к концу XIX и в начале XX веков. Так, в 1883 году в Пржевальском уезде было три кожевенных, 9 маслобойных заводов, в Ошском уезде — 6 кожевенных, 4 овчинных завода, в 1912 году в Пишпекском уезде — 3 кожевенных, 17 маслобойных заводов¹.

Несмотря на то, что указанные предприятия не принадлежали киргизам, они со временем стали играть известную положительную роль в распространении среди киргизского населения более высоких и совершенных форм переработки скотоводческой продукции. Некоторые крупные скотоводы-киргизы начинают заводить у себя предприятия по переработке продуктов сельского хозяйства.

Кроме промышленных предприятий по обработке сельскохозяйственной продукции, на территории Киргизии действовали: пивоваренные, фруктовые, кирпичные, кра-

¹ Труды института Истории АН Кирг. ССР, вып. II, Фрунзе, 1956 г., стр. 25—26.

сильные, шелкомотальные, хлопко-очистительные предприятия фабрично-заводского типа, а также существовали и горнорудные предприятия. Например копи Кызыл-Кня, принадлежавшие Батюшкову, Алмалыкские копи, принадлежавшие Артемову, Майли-Сайские нефтепромыслы и др.¹

Киргизы с давних времен имели торговые сношения с соседними среднеазиатскими ханствами, Китаем и Россией. Кокандские, китайские и русские купцы ввозили в Киргизию хлопчатобумажные ткани, шелковые материалы, кожу, обувь, чай, сахар, соль, посуду, металлические изделия, сушеные фрукты, хлеб, рис, мед, табак и другие предметы.

Из Киргизии вывозили главным образом скот, пушнину и продукты животноводства. Торговцы целыми караванами поднимались в горы, и торг производился непосредственно в киргизских кочевьях. Торговля велась путем обмена товара на скот, шкуры и шерсть. Единичей при торговых сделках обычно служил баран. Крупные купцы обычно имели дело с определенными аилами, в которые они приезжали каждый год и оставались там до тех пор, пока не продадут свой товар. Они старались лучше закрепить эти аилы за собой как рынок сбыта. С этой целью купцы завязывали дружественные связи с манапами и аксакалами данных аилов, делали им ценные подарки и отпускали товары местным жителям в долг. Это давало возможность купцам-ростовщикам получать большие проценты и огромные прибыли, приводившие мало-мощных скотоводов к обнищанию.

Внутренняя торговля в Киргизии развивалась слабо. Прав К. Усенбаев, который говорит, что «торговые отношения (киргизов — Н.К.) проявлялись в своеобразных формах, а именно: в виде тартуу (приношений) или других видах обмена»².

Однако в связи с усилением влияния России в конце XIX века товаро-денежные отношения в Киргизстане значительно развились. Царское правительство стремилось превратить Киргизию в обширный рынок для реализации

¹ Статистический обзор Ферганской области за 1914 год, приложение № 10.

² К. Усенбаев, Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства, Фрунзе, 1961 г., стр. 85.

низкосортных товаров и в источник сырья для русской промышленности.

Как уже отметили, внутренний обмен был слаб и не развит. Экономическая специализация отдельных районов шла медленно. Ремесло еще окончательно не отделилось от скотоводства, не выделялись города как центры промышленного производства и на всей территории Киргизии доминирующей была одна отрасль хозяйства — скотоводство. В этих условиях для складывания класса купцов и ростовщиков из представителей киргизского населения не было необходимых, вполне назревших внутренних условий. Класс торговцев среди киргизского населения не оформился. Правда, некоторые киргизские баи постоянно участвовали в товарообмене, обладали значительным влиянием в местных рынках, оптом покупали товары у иноземных купцов для перепродажи в аилах по более высоким ценам, но они не выделялись из скотоводов в особую социальную группу.

Несмотря на наличие внутренней и внешней торговли, хозяйство киргизов продолжало носить натуральный характер. «При натуральном хозяйстве, — указывал Ленин, — общество состояло из массы однородных хозяйственных единиц, ...и каждая такая единица производила все виды хозяйственных работ, начиная от добывания разных видов сырья и кончая окончательной подготовкой их к потреблению»¹. Такова была экономика дореволюционного Киргизстана.

Однако во второй половине XIX века с дальнейшим развитием товаро-денежных отношений натуральное хозяйство у киргизов начало постепенно разлагаться.

В. И. Ленин указывал, что в каждом обществе всегда имеются остатки прошлого, основные признаки настоящего и зачатки будущего. Так, общественный строй киргизов дореволюционного периода характеризуется господством феодального способа производства с сильными пережитками патриархально-родового быта и с постепенным проникновением капиталистических отношений.

Киргизия, как считают многие видные ученые — историки, экономисты, этнографы, лингвисты, миновала рабовладельческую стадию развития. На развалинах общинно-родового строя возникло феодальное общество, которое и явилось непосредственным преемником всего того,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 15—16.

что выработал этот строй. Поэтому в киргизском обществе больше сохранились пережитки доклассового, т. е. первобытно-общинного строя.

Социально-экономические отношения киргизов дореволюционного периода были глубоко пронизаны патриархально-родовыми пережитками. Эти пережитки значительно срослись с феодальными отношениями и бытом киргизского населения.

Патриархально-родовые пережитки проявлялись прежде всего в сохранении родо-племенных делений. Киргизские племена и роды, хотя уже давным-давно утратили свое экономическое содержание, довольно четко сохранили внешние признаки. Родоплеменная генеалогия киргизов получила хорошее освещение в работах историков¹. В дооктябрьский период киргизы делились на два крыла (племенное объединение) — оң и сол. Крыло состояло из нескольких племен, а племена в свою очередь подразделялись на роды, подроды и подродовые группы. Самым низовым подродовым подразделением являлось бир атанын балдары (дети одного отца).

Киргизские племена и роды, несмотря на общность языка, культуры, не объединялись еще в единую киргизскую нацию вследствие слабых экономических связей и территориальной разобщенности между отдельными ханствами и государствами. Трудно найти киргизские племена, роды и подродовые деления, в состав которых не входили бы люди иноплеменного происхождения. Это положение лишней раз подтверждает, что родовой строй у киргизов распался давно и сохранились только его пережитки. В долгом сохранении пережитков родового деления была заинтересована киргизская феодальная знать, так как она, превращая родоплеменную генеалогию киргизов в генеалогию своей фамилии, обосновывала свои права в данном племени и роде.

Племена и роды, хотя и потеряли свое былое значение, все же сохранили родовые внешние признаки, как ураан (боевой клич родов), туу (родовое боевое знамя), тамга (родовое тавроклеймение скота), намыс (честь рода), жардам (помощь между членами рода), аксакал (родовой старшина). Ураан произносили,

¹ Б. Джамгерчинов, Из генеалогии киргизов, Сборник статей. Фрунзе, 1947 г., Его же, Присоединение Киргизии к России. М., 1959 г., стр. 14—72.

когда принимали участие в конских скачках, во время сайыш (поединок на пике), эдиш (состязание на лошадах) и других народных состязаний, а также во время междоусобиц). Г. С. Загряжский писал: «каждый род или отдел имеет свой особый боевой крик, одинаковый большей частью с родовым именем. По этому крику кара-киргизы отличают врагов от друзей»¹.

В каждом роде имелся аксакал, и к нему обращались как к опытному, умудренному жизненным опытом человеку. Аксакал, как знаток адата, давал советы во время судебных споров, он во время празднества вместе с влиятельными людьми представлял то или иное объединение. Однако, если в период первобытнообщинного строя аксакал стоял во главе рода и управлял им, то позднее полностью лишился этой власти. Теперь аксакалом мог быть не каждый старик, отличившийся личными качествами, а прежде всего тот, кто был состоятельным. Аксакал потерял свою родовую сущность.

Оскорбление какого-либо из членов родового объединения, особенно из его влиятельных лиц, задевало самолюбие и честь всего рода. В таких случаях весь коллектив должен был стать на сторону своего обиженного сородича и за него мстить. Это называлось өч. Род должен был не только заступаться за своих членов, но нести моральную и материальную ответственность за их проступки. В уплате куна, айыпа, калыма и в расходе по организациям похорон, тоя и аша должны были принимать участия все члены рода.

Патриархально-родовые пережитки особенно сильно сохранились в области семейно-брачных отношений киргизов. В случае смерти жениха невеста доставалась одному из членов рода умершего. Если умирала невеста, то замуж за жениха выходила ее ближайшая сестра. На вдове имел право жениться только ближайший родственник мужа. Отец считался главой семьи. Власть отца была почти неограниченной. Он мог наказывать, бить, изгнать любого члена семьи.

Патриархально-родовые пережитки и их институты у киргизов в ходе развития феодального способа производства коренным образом преобразились, приспособились к новым социальным условиям, органически срослись с

¹ Г. С. Загряжский, Кара-киргизы (этнографический очерк), «Туркестанские ведомости», 1874 г., № 45.

феодальными производственными отношениями. В этом заключается своеобразие феодальных отношений у киргизов.

Феодальная знать в своих классовых целях была заинтересована в сохранении доклассовых пережитков. По этому поводу Н. И. Гродеков писал, «что носители родовой идеи суть богачи и старейшины. Бедные не знают, кроме названий, своих прямых предков из своего рода и колена»¹.

Киргизские феодалы использовали патриархально-родовые пережитки для того, чтобы крепче держать трудящихся в покорности и повиновении. Они всячески культивировали пережиточные представления о родовой общности, «о единстве» интересов всех членов рода в целях притупления классового сознания трудовых масс и ослабления классовой борьбы

В общественном строе дореволюционного Киргизстана имелись зачатки капиталистического способа производства. Элементы капиталистических отношений проникали в Киргизию в основном после добровольного вхождения в состав России, под влиянием русского капитализма.

После добровольного вхождения в состав России были ликвидированы феодальные междоусобицы, домашнее рабство, был нанесен сильный удар пережиткам родового деления, киргизы начали переходить к оседлому образу жизни и в результате этого стала неуклонно подниматься находившаяся в упадке экономика.

Зачатки капитализма проникали в Киргизию и в промышленность, и в торговлю, и в сельское хозяйство.

Доказательством проникновения капиталистических отношений в Киргизию является возникновение и развитие промышленных предприятий. Так, например, в 1883 году в Пржевальском уезде насчитывалось три кожевенных завода с 15 рабочими, 9 маслобойных заводов с 30 рабочими, 4 мыловаренных заводов с 4 рабочими², а в Ошском уезде было 6 кожевенных заводов с 20 рабочими, 5 гончарных с 9 рабочими, 10 красильных с 10 рабочими, 5 шелкомотальных с 10 рабочими, 5 бумаго-прядильных

¹ Н. И. Гродеков, Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской обл., т. 1 (юридический быт), Ташкент, 1889, стр. 12.

² Обзор Семиреченской области за 1912 год., стр. 79.

с 16 рабочими, 80 хлебопекарен с 85 рабочими и другие¹.

В 1912 году в Пишпекском уезде было 3 кожевенных завода с 12 рабочими, 2 пивоваренных завода с 25 рабочими, 3 завода по изготовлению манной крупы с 22 рабочими, 17 маслобойных заводов с 34 рабочими и другие².

В дальнейшем промышленность Киргизии, хотя и медленно, но развивалась. Так, в 1914 году в Ошском уезде действовали 151 промышленное предприятие с 276 рабочими³.

Кроме промышленных предприятий кустарного типа (фабрик и заводов, как они именовались тогда), в Киргизии существовали и горнорудные предприятия. Например, каменноугольные копи в урочище Бурганды Араванской волости, принадлежащие французской кампании общества «Чиммон» с 6 рабочими, копи Кызыл-Кия, принадлежавшие Батюшкову с 400 рабочими⁴.

В Киргизию проникает торговый капитал, доказательством чему является наличие на территории Киргизии торговых точек, рынков и ярмарок. Например, в 1914 году в Семиреченской области, куда входила вся Северная Киргизия, насчитывалось 40 торговых пунктов. Из них более крупными считались в Пишпекском уезде — г. Пишпек, селения Токмак, Беловодск; в Пржевальском уезде — г. Пржевальск, село Сазановка, укрепление Нарын (ныне город Нарын). Самой крупной считалась Каракаринская ярмарка. Там продавали по преимуществу скот, хлеб и продукты животноводства, а также обувь, мануфактуру и бакалейные товары⁵.

Кроме этого, ярмарки организовывались летом в селении Токмак, а осенью — в г. Пишпек. В Пржевальском уезде существовала Атбашинско-Нарынская ярмарка. Отдельные торговцы проникали в самые отдаленные уголки и кочевья, реализуя свои товары. В городах и крупных селениях работали постоянно действующие магазины с промышленными товарами. Все это оказывало влияние на хозяйство баев, в котором зарождаются чер-

¹ ЦГИА Узбекской ССР, фонд ферганского областного управления, дело 1170, лл. 181—182.

² Обзор Семиреченской области за 1912 год., стр. 79.

³ Статистический обзор Ферганской области за 1914 год, приложение № 10.

⁴ Там же, стр. 55.

⁵ Сельскохозяйственный обзор Семиреченской области за 1914 г., вып. III.

ты капиталистических отношений. Среди киргизских баев появляются торговцы, ростовщики, комиссионеры и предприниматели.

Постепенно бай превращался в скотопромышленника. Бай начинает вывозить за пределы края сотни и тысячи голов скота для продажи. Например, в 1913 году за пределы края вывезено по пишпекскому уезду — 1944 лошади, 6914 голов крупного рогатого скота, 64795 овец и коз; по Пржевальскому уезду — 2385 лошадей, 47218 овец и коз¹.

К октябрю 1914 года функционировали в Пишпекском уезде — 6, в Пржевальском — 5 кредитных товариществ и ссудно-сберегательных пунктов².

Все это говорит о том, что перед Октябрьской революцией в Киргизии начали постепенно развиваться товаро-денежные отношения и разлагаться натуральное хозяйство.

Свидетельством проникновения капитализма в Киргизию является также усиление в конце XIX века специализации отдельных районов. Потребность рынка и природные условия Киргизстана способствовали специализации хозяйства. Например, в конце XIX века на юге, в Ферганской долине, начинает развиваться хлопководство, на севере, в Чуйской долине и в Иссык-Кульской котловине, усиливается зерновое хозяйство, в горных районах Тянь-Шаня, Алая и Таласа получает широкое развитие животноводство.

Под непосредственным влиянием промышленного капитализма развиваются капиталистические отношения в сельском хозяйстве Киргизии. Происходит дифференциация хозяйства, социальных групп. Бай и манапы начинают широко применять наемный труд малаев. Феодалы обуржуазиваются.

Больше и больше разоряются бедняцкие хозяйства. Бедняки, не имея ни земли, ни скота, в поисках заработка вынуждены идти в малаи (наниматься) к баям и манапам. Таким образом, малаи постепенно превращаются в сельских пролетариев.

Так, со второй половины XIX века в Киргизию началось проникновение зачатков капиталистических отноше-

¹ Сельскохозяйственный обзор Семиреченской области за 1914 г., вып. III, стр. 98—100.

² Там же, стр. 104—105.

ний. Однако прав профессор Джамгерчинов Б., который пишет, что «...степени развития капитализма в Киргизии переоценивать не следует»¹, так как Киргизия в целом не прошла полную капиталистическую стадию развития общества.

Общественный строй киргизов в дооктябрьский период, несмотря на проникновение капиталистических отношений, оставался феодальным с сильными пережитками патриархально-родовых отношений в быту.

б) Формы собственности

Среди исследователей существуют различные мнения о земельных отношениях и формах собственности на землю у киргизов дореволюционного периода. Одни считают, что манапы-феодалы имели право монопольной собственности на землю², другие видят в земельных отношениях киргизов общинную форму землепользования³. «Положение об управлении Туркестанским краем» 1886 года (ст. 270) подчеркнуло, что «земли, занимаемые кочевьями, предоставляются в бессрочное общественное пользование кочевников⁴ согласно существующему адату, т. е. оно установило общинную собственность на землю. Это объ-

¹ Б. Джамгерчинов, Важный этап из истории киргизского народа, Фрунзе, 1957 г., стр. 82.

² Б. Джамгерчинов, К вопросу об общественно-экономическом строе киргизов накануне присоединения Киргизии к России (середина XIX века). Первая научная сессия АН Кирг. ССР., Фрунзе, 1955 г., стр. 429—430; С. П. Толстов, Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах, Сборник «Основные проблемы генезиса и развитие феодального общества», М.—Л., 1934 г., стр. 191; Л. П. Потапов, О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана (доклад), Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, Ташкент, 1955 г., стр. 38; К. Усеинбаев, Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства, Фрунзе, 1961 г., стр. 89.

³ С. И. Ильясов, К вопросу о вакуфах на территории Южной Киргизии, Изв. АН Кирг. ССР, вып. I, 1955 г., стр. 147; его же «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, Ташкент, 1955 г., стр. 44; А. Ф. Лачко, Из истории общественно-экономических отношений у киргизов в конце XIX века и начале XX века «Труды ИЯЛИ Кир. ФАН СССР», вып. III, Фрунзе, 1952 г., стр. 187.

⁴ Положение об управлении Туркестанским краем. Материалы по истории политического строя Казахстана., т. I, А-Ата, 1960 г., стр. 373.

ясняется тем, что царское правительство, стараясь найти больше «свободных земель» и создать из них колониационный фонд, провозгласило общинную собственность на землю.

Несмотря на юридически кажущееся отсутствие частной собственности у киргизов, феодальная собственность на землю прослеживается довольно легко. Собственность на землю в Киргизии выступала в своеобразных условиях, связанных со скотоводческим хозяйством и кочевым образом жизни, причем в различных районах она проявляется не в одинаковой степени. Более или менее ярко она наблюдалась в долинах, особенно на юге, и более скрыто в горных районах.

Объединенная научная сессия, посвященная истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, на основе тщательного анализа источников, пришла к выводу, что «...в основе феодализма у кочевников лежат общие экономические законы, свойственные феодализму у всех народов, что основой феодализма у кочевников, как и повсюду, являлась феодальная собственность на землю, которая реализовалась в различных формах присвоения земельной ренты»¹.

К. Маркс, Ф. Энгельс писали, что «первым земельным участком, перешедшим в частную собственность отдельного лица, была усадебная земля. Неприкосновенность жилища — этот фундамент всякой личной свободы — перешла с кочевой кибитки на бревенчатый дом оседлых крестьян и постепенно превратилась в полное право собственности на усадьбу»². Примерно так и происходило в киргизском обществе. Киргизские феодалы в первую очередь сосредотачивали в своих руках права распоряжения зимовками (кыштоо) и зимними пастбищами, имевшими жизненно важное значение для скотоводческого хозяйства, а также захватили себе хорошие, плодородные, наиболее удобные пахотные земли. Манапы, захватывая лучшие зимние пастбища, определяли каждой подвластной им семье место для зимования и участок для пашни.

¹ Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, Ташкент, 1955 г., стр. 582.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 632.

Каждая семья, имея определенную зимнюю стоянку, отведенную ей феодальным правителем-манапом, соорудила помещение для скота (короо) и иногда возводила жилища. Зимовка находилась во владении отдельных семей. Она передавалась по наследству от отца к сыну. Н. И. Гродеков писал, «что зимовки занимают кара-киргизами на правах потомственного пользования. По земельное пользование распределено неравномерно и находится в руках зажиточных людей, у которых бедные состоят работниками»¹.

За зимние пастбища и вообще за кочевья часто происходили споры, даже групповая междоусобица. Нередки случаи, когда крупные феодалы, согнав несостоятельные семьи с кочевий, занимали их места. Самовольный захват чужих кочевий или пашен был очень часто объектом судебных тяжб. За это с виновной стороны взыскивался айып — штраф в пользу манапа и пострадавшей стороны. Эти факты также говорят о существовании феодальной собственности на пастбищную и пахотную землю. Г. С. Загряжский, неоднократно бывавший в киргизских кочевьях, в 1869 году писал: «земля, занимаемая кара-киргизами, имеет хорошие луга и пашни... Каждый род и отдел имеют свой определенный участок, обозначаемый течением реки или направлением ее щели. На этом пространстве известный отдел имеет свои пашни, свои летовки и зимовки, родичи ревниво следят за тем, чтобы никто из другого отдела не занимал их земель»². Этой землей монополично распоряжались феодалы-манапы. Рядовые скотоводы кочевали не там, где им хотелось, а там, где им разрешалось главенствующим феодалом.

Монопольное право феодальной знати в земельных отношениях киргизов нашло яркое выражение даже в поговорках и пословицах. Например, киргизы говорят: «Кимдин жерин жердесен, анын ырын-ырдайсың» — «Чьей землей пользуешься, того и песню поешь».

Итак, феодальная собственность на землю в условиях подвижного скотоводческого хозяйства выражалась в монопольном праве главенствующего феодала распоряжаться земельными угодьями, регулировать движение

¹ Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, т. I, юридический быт, Ташкент, 1889 г., стр. 102 и 108.

² Н. С. Загряжский. Очерки Токмакского уезда, «Туркестанские ведомости», 1873 г., № 10.

кочевников, наделять их зимними стойбищами и перераспределять кочевья. Правда, внешне земля, особенно пастбища, являлись как бы общинными, так как юридически земля не была закреплена за феодалами.

Киргизские манапы давали формально общинные кочевья и пастбища друг другу в качестве приданого, за пастыбу на них брали натуральные и денежные поборы, сдавали в аренду, брали плату за прогоны скота через территорию манапа.

Правда, у кочевых народов, в том числе и у киргизов, не существовало феодальной собственности на землю в ее «чисто» классической форме. Но это не значит, что основой феодализма у кочевников является не земля, а скот. Здесь важно то, что при всем разнообразии форм феодальной собственности общим и определяющим для них является тот факт, что земля в руках феодала служит орудием закабаления и эксплуатации трудового народа.

Отрицание феодальной собственности на землю у кочевых народов, в том числе и у киргизов, ведет к отрицанию у них феодальной эксплуатации, не дает возможности понять процесс формирования класса эксплуататоров и класса эксплуатируемых, лишает вообще всякого смысла само понятие «Патриархально-феодальные отношения»¹.

Социальный строй и экономическое развитие того или иного народа определяются не видом хозяйства — земледельческое — оседлое, скотоводческое — кочевое, а характером существующих форм собственности и основанных на них производственных отношений. Поэтому совершенно неправильно мнение о том, что кочевые народы не в состоянии перейти к феодализму до тех пор, пока они не перейдут от скотоводства к оседлому земледелию.

Необходимо отметить, что при кочевом скотоводстве земля как средство производства используется не посредством ее обработки, а путем выпаса на ней скота. Если наделение земель непосредственного производителя-крестьянина было условием существования феодализма у оседлых земледельческих народов, то выделение в пользование рядовых кочевников пастбищных участков являлось условием существования феодализма у кочевых народов. Феодальная аристократия у коче-

¹ Журн. «Вопросы истории», № 1 за 1956 год, стр. 77.

вых народов, обладая фактически правом собственности на землю, правом распоряжения и распределения пастбищных угодий, использовала патриархально-родовые пережитки, традиции для еще большего ограбления и эксплуатации трудящихся кочевников.

Монопольное право феодалов на пастбища было правом фактическим, а не юридическим.

Такое положение способствовало тому, что в земельных отношениях наиболее резко проявлялось господство богатых. Богатые, влиятельные представители знати обладали большими возможностями, а мелкие феодалы — меньшими возможностями в осуществлении своих интересов в земельных отношениях. Следовательно, не все представители феодальной знати пользовались одинаковыми правами в распоряжении землей. Иначе говоря, над мелкими земледельцами стояли средние, над средними — крупные, над крупными — верховные. Существовал вассалитет — сюзеренитет.

Экономической формой реализации феодальной собственности на землю является рента. Земельная рента предполагает земельную собственность¹.

К. Маркс в «Капитале» указывает на три основные формы феодальной ренты: отработочную, натуральную и денежную. Иначе они называются — барщина, натуральный оброк и денежный оброк. Каждая из этих форм ренты соответствует определенному уровню экономического развития производительных сил общества. Смена одной формы земельной ренты другой означала развитие феодализма от низшей стадии к высшей. Она отражала усиление феодальной эксплуатации и углубление социального антагонизма. Первоначальную и наиболее простую форму феодальной земельной ренты представляла барщина. Она существовала в ранний период феодализма. Натуральный оброк соответствовал более развитой стадии, а денежная рента — более поздней ступени феодализма.

В феодальном обществе земельная рента может выступать в самых разнообразных видах: трудовой повинности, отработки, поставок продуктов в натуре, приношения феодалам денежной ренты². Феодальная земельная рента проявляется во всех отраслях сельского хозяйства.

¹ См. К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 646.

² Б. Ф. Поршнев, Очерк политической экономики феодализма, М., 1956, стр. 59—69.

Она создается не только земледельцами на пашне, но и скотоводами на пастбище, кустарями в ремесленных заведениях. Натуральная рента или рента продуктами, произведенными непосредственными производителями, может присваиваться феодалами в виде скота, мяса, шерсти, шкуры, ремесленных изделий, промысловых предметов, пушнины, хлеба, овощей, фруктов и др.¹.

В дореволюционной Киргизии, как и во всех феодальных странах, прибавочный продукт труда непосредственных производителей присваивался господствующими классами в виде натуральной ренты.

Значительное место занимала также отработочная рента. Следует отметить, что земельная рента в Киргизии имела свою специфическую особенность, обусловленную характером скотоводческого хозяйства и пережитками дофеодальных отношений. У киргизов феодальная рента выступала под видом оказания «родственной помощи», как продуктами, так и отработкой.

Представители феодальной знати, взимая поборы и подати с рядовых скотоводов-кочевников и заставляя их нести различные повинности, выдавали себя за родственников и защитников интересов данного кочевого коллектива.

Таким образом, в дореволюционном Киргизстане реально существовала феодальная собственность на землю со всеми присущими ей формами, хотя она здесь не проявилась так ярко и четко, как у оседлых земледельческих народов. Земля у киргизов, используемая в виде пастбищ для скота, являлась главным условием, основным определяющим средством общественного производства.

Поскольку главным условием, определяющим средством производства, была земля, то решающее значение в классовых отношениях имело не владение скотом, а владение землей.

Безусловно, в условиях киргизского кочевого хозяйства роль скота была существенна. Скот составлял основное богатство киргиза и был основным источником существования. Скот являлся одним из существенных орудий феодалов, при помощи которого можно было эксплуатировать бедноту. Скот способствовал присвоению

¹ Г. Б. Башарин, История аграрных отношений в Якутии, М., 1956 г., стр. 119.

прибавочного продукта труда, усилению личной зависимости непосредственных производителей от феодалов.

Однако его нельзя считать основой феодализма у киргизов, так как земля играла определяющую роль в появлении, в воспроизводстве и развитии животноводства. Без больших пастбищных просторов не было бы самого скотоводства, указывал К. Маркс¹. Итак, в дореволюционной Киргизии господствовала феодальная собственность на землю. Феодальная собственность на землю была экономической основой патриархально-феодальных отношений в Киргизии. Скот как средство производства был объектом частного присвоения отдельными семьями.

в) Классовое строение киргизского общества.

1. Класс эксплуататоров-феодалов.

Как было отмечено выше, дореволюционные исследователи, даже некоторые советские ученые характеризовали социально-экономические отношения кочевых скотоводческих народов, в том числе киргизов, как патриархально-родовые и тем самым отрицали существование классов, классовой борьбы и эксплуатации. Несостоятельность и политическая вредность такой антинаучной теории по отношению к общественному строю кочевых народов доказаны в работе советских историков, экономистов и юристов.

Киргизское общество в дооктябрьский период было феодальным. Киргизы, хотя в пределах отдельных кочевых аильных общин еще были связаны внешне формами родства, но по своим экономическим отношениям представляли собой общество, в котором имело место развитая форма классовых отношений.

Это отмечали в начале XX века даже представители буржуазии. О. А. Шкапский писал: «Социальный уклад кара-киргизов заключается в том, что весь народ разделялся на два класса. Главную массу кара-киргизского населения составляла так называемая букара или фукара (правильно букара — это чернь), что вполне соответствует старорусскому понятию о «подлом» народе. Над этой букарой стоял класс властителей киргизов — манапов, между которыми была поделена вся бу-

кара, как были поделены крестьяне между русскими помещиками»¹.

Основную, привилегированную феодальную аристократию составляли манапы и датхы. Наряду с ними к эксплуататорскому классу феодалов относились — баи, беки, бии, аткаминеры и представители духовенства. Эксплуатируемый класс составляли трудящиеся массы, непосредственные производители — букара, находившаяся в подчинении того или иного манапа.

Многие ученые и исследователи: А. Левшин², Б. Д. Джамгерчинов³, С. И. Ильясов⁴, К. Усенбаев⁵ и др. делят киргизов на аксуэк — белая кость, благородных, и карасуэк — черная кость, простых, а некоторые, например М. Ф. Гаврилов⁶, отрицают существование среди киргизов такого деления.

Нам кажется, обе точки зрения имеют свои основания. Ибо у северных киргизов деление на аксуэк и карасуэк имело место. Здесь крупные манапы в целях отличия от биев, баев себя называли аксуэками — благородными. Южные же киргизы и киргизы Таласской долины таких делений не знают. Деление на аксуэк и карасуэк было у казахов, которые потомков Чингизхана называли аксуэками, а всех остальных — карасуэками. Возможно, на северных киргизов оказывали влияние соседние казахи.

Манапы — привилегированная верхушка феодальной аристократии у киргизов. В связи с отсутствием писаной истории киргизского народа в дореволюционный период трудно определить пути и источники происхождения манапства, а также их социальную сущность.

Губернатор Сыр-Дарьинской области Н. Гродеков

¹ О. А. Шкапский, «Киргизы-крестьяне» (из жизни Семиречья), СПб, 1905 г., стр. 6.

² А. Левшин, Описание киргиз-казахских или киргиз-кайсацких орд и степей., т. II, 1932 г.

³ Б. Д. Джамгерчинов, «К вопросу об общественно-экономическом строе киргизов накануне присоединения Киргизии к России (в сер. XIX века), в кн. Первая научная сессия АН Кирг. ССР, Фрунзе, 1955 г.

⁴ С. И. Ильясов, Пережитки патриархально-родовых и феодально-буржуазных отношений у киргизов до проведения сплошной коллективизации. Труды ИЯЛИ Кирг. ФАН СССР, вып. 1945 г., стр. 134.

⁵ К. Усенбаев, указанная работа, стр. 121.

⁶ М. Ф. Гаврилов, Манап, «Современный аул Средней Азии», вып. X, Ташкент, 1927 г., стр. 203.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. I, стр. 188.

связывает происхождение манапства с категорией наследственных биев, «манапы у кара-киргизов лучшие люди, происходившие от целого ряда биев. Манапами стали те, которые выделялись из народа, отличались храбростью и щедростью и предводительствовали народами во время безначалия. Во время неприяельствования нашествий собирали весь народ и предводительствовали им»¹.

Профессор Джамгерчинов придерживается такого же мнения. Он указывает, что до XIX века функции манапа носили представители феодально-родовой верхушки в лице биев. С развитием феодальных отношений в киргизском обществе происходило дальнейшее усиление власти феодальной верхушки, с одновременным ростом зависимости от них трудящихся масс — непосредственных производителей. Со временем усиление власти биев и закрепление ее потомственно приводит в середине XIX века к появлению манапства как правящей аристократической прослойки².

К. Усенбаев пишет, что по легенде Манап был сыном Доолоса из племени сарбагыш. Он стоял во главе племени и отличался от остальных правителей своей жестокостью, самочинством, храбростью и некоторой щедростью. Вскоре старшины других племен и родов в своих поступках начали подражать Манапу и постепенно приняли его имя как звание. Впоследствии привилегированная верхушка киргизской знати стала называть себя манапами. Эта легенда не лишена некоторых оснований³. Термин «манапство» возник в XIX веке.

Манапы являлись высшей ступенью киргизской социальной лестницы. Они обладали определенными привилегиями и всячески охраняли свой манапский круг от вхождения посторонних. Манапы «...ревниво оберегали свое манапское звание, — пишет М. Гаврилов, — и старались родниться только в своей среде... Дети известных манапов исключительно роднились между собой, как между равными, не пуская в свою среду бедную букару»⁴.

¹ Н. Иродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, т. I. (юридический быт) Ташкент, 1889, стр. 6.

² Б. Джамгерчинов, К вопросу об общественно-экономическом строе киргизов накануне присоединения Киргизии к России (в сер. XIX века). В кн. Первая научная сессия АН Кирг. ССР, Фрунзе, 1955 г., стр. 427.

³ К. Усенбаев, указанная работа, стр. 119—120.

⁴ М. Гаврилов, Манап, журн. «Современный аул Средней Азии», Ташкент, вып. X, 1927 г., стр. 211.

Среди киргизов бывали люди более богатые, чем некоторые манапы, но они не имели и десятой доли манапской власти. Значительная часть манапов имела мало скота, а некоторые из них совсем его не имели. Это объясняется тем, что манапы полностью распоряжались землей и букарой.

«Манапу, а не кому-либо другому, принадлежало право переселять в пределах своего влияния целые группы хозяйств, он же определял и земельные границы для общин... он мог, наконец, передавать целые группы хозяйств в сферу влияния другого манапа или пускать их после откупа на волю на свободные поиски мест для заселения»¹.

Непосредственный производитель — букара имел в своем владении скот и вел индивидуальное хозяйство, он занимал пастбища с разрешения и по велению своего манапа. Производительный процесс труда букары протекал и осуществлялся на той территории, над которой манап имел право верховной феодальной собственности. Это обстоятельство являлось основанием для осуществления внеэкономического принуждения.

«Манап, — пишет профессор П. Кушнер, — властный распорядитель киргизской жизнью. Он владеет родовыми территориями, судит и правит, он собирает налоги, он распределяет кочевья, он разбирает недоразумения, он наказывает виновных»². Однако следует отметить, что после добровольного вхождения Киргизии в состав России они лишились некоторой доли власти, в частности лишились права арестовывать, наказывать и казнить и стали воздействовать на трудовой народ другими мерами — экономическими, в виде саана, лишают своей поддержки, ущемляют интересы при отводе кочевий и т. д.

Манап обладал также судебными функциями. Он рассматривал все уголовные и гражданские дела и назначал наказание по адату — обычному праву. За осуществление судопроизводства манап получал бийлик — судебную пошлину, приносившую манапу огромный доход.

Власть манапа над букарой строилась не по принци-

¹ Л. Погорельский и В. Батраков, Экономика кочевого аула Киргизстана», М., 1930 г., стр. 116.

² П. Кушнер. (Кнышов), Горная Киргизия (социологическая разведка), М., 1929, стр. 107.

пу родственной принадлежности букары с манапами к одному роду, а по территориальному принципу. На территории, подвластной манапу, проживал не один только род — род манапа, а множество родов, а также представители других национальностей. Это положение ясно подчеркивает феодальную природу манапства, а не родовую, как утверждают некоторые исследователи. Феодальную природу манапства еще подчеркивает то положение, что власть манапов укреплялась при непосредственной поддержке духовенства. Мусульманское духовенство, бродящее по аилам, в целях распространения и укрепления ислама, проповедовало необходимость подчинения манапу.

Власть старшего манапа переходила по наследству. Она не могла отчуждаться или дариться и была властью феодального монарха.

Каждый манап стремился расширить сферу влияния, свою политическую гегемонию и в результате этого часто происходили междоусобицы между манапствами. Это тяжело отразилось на экономическом положении киргизского народа.

Стремясь расширить свою политическую гегемонию, отдельные представители феодально-родовой знати в дооктябрьский период попытались объединить раздробленные киргизские земли в одно политическое целое. Такую попытку сделал главный манап Ормон Ниязбек Улу (1790—1853 гг.)¹.

Однако попытка Ормона не увенчалась успехом ввиду того, что местная феодальная верхушка киргизского общества сильно сопротивлялась этому, отстаивая патриархально-феодальную раздробленность.

Манапы осуществляли свою власть при помощи джигитов, постоянно находившихся подле них, и аткаминеров в аилах. Джигиты, находясь постоянно около манапа, являлись исполнителями манапской воли. У каждого манапа были 10—40 джигитов, которые ходили вместе с манапами на войну, выполняли ряд административных и полицейских функций.

Манапы полностью распоряжались подвластной букарой. Букара не имела права переходить от одного манапа к другому. Переход был очень трудным, бежали

¹ Б. Джамгерчинов, Киргизы в эпоху Ормон хана, Труды ИЯЛИ Кир. ФАН СССР, вып. I, 1945 г., стр. 118.

тайно ночью, иногда даже теряя юрты и скот. Бежавшие букары преследовались, возвращались и наказывались. Об этом свидетельствуют многие факты из книг исследователей, из художественной литературы, из народного эпоса, из высказываний стариков.

Проф. Б. Джамгерчинов¹, Л. П. Потапов², Л. Погорельский и В. Батраков³, А. Ф. Лачко⁴ высказываются за наличие у киргизов своеобразной формы закрепощения непосредственных производителей, С. Ильясов⁵ это категорически отрицает.

Мы полагаем, что в рассматриваемый период закрепощение непосредственных производителей за феодалами у киргизов имело место, но оно маскировалось родовыми отношениями, т. е. выступает в форме прикрепления родового кочевника к родовой общине. Этот вопрос пока остается спорным и требует специального исследования.

В результате дальнейшей феодализации манапство не могло не породить иерархическую лестницу, на ступеньках которой оно располагалось, по своему авторитету и положению.

В зависимости от своей власти, занимаемого положения в обществе манапы делились на старших и рядовых:

а) Чоң-манап (старший манап), стоявший во главе какого-либо племенного союза или племени и объединяющий под своей властью несколько рядовых манапов. Такой манап пользовался большим авторитетом и властью, его звание переходило по наследству. От него были зависимы остальные манапы.

б) манапы рядовые, стоявшие во главе небольшого племени или большого рода. Звание манапа присваивалось только им лично, и они не имели права передавать это звание по наследству. Их власть распространялась

¹ Первая научная сессия АН Кирг. ССР, Фрунзе, 1955 г., стр. 432.

² Л. П. Потапов, О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, В кн.: Материалы научной сессии, Ташкент, 1955 г., стр. 38.

³ Л. Погорельский и В. Батраков, Экономика кочевого аула Киргизстана, М., 1930 г., стр. 151.

⁴ А. Ф. Лачко, Из истории общественно-экономических отношений у киргизов в конце XIX — нач. XX века, Труды ИЯЛИ Кир. ФАН СССР, вып. III, 1952 г., стр. 190.

⁵ «Формирование и развитие Киргизской социалистической нации», Фрунзе, 1957 г. стр. 23.

только среди одного большого рода. Авторитет и влияние таких манапов среди населения не были высокими. Они находились в известном подчинении чоң манапа и выполняли ряд функций по управлению киргизами с ведома и по указанию его. Чоң манап стоял во главе племенного союза и племени, подчиняя своей власти всех остальных манапов. Иногда чоң манапы именовали себя ханами. Так, например, называл себя ханом в середине XIX века старший манап племени сарыбагыш Ормон, в конце XIX века — старший манап племени сарыбагыш Шабдан, а в начале XX века — сын Шабдана Мокуш.

Чоң манапы имели своих вассальных манапов и являлись сюзеренами по отношению к вассальным. Вассальные манапы выполняли распоряжения сюзеренов: собирали войска во время неприятельских нашествий и различные сборы в пользу чоң манапа. Вассал освобождался от налогов и получал военное покровительство.

После добровольного вхождения Киргизии в состав России манапы почти не потеряли свое влияние. Царское правительство опиралось на манапство. Подкупая и обласкивая их, обеспечивало поддержание власти в крае. Манапы и бай занимали посты волостного управителя, аильных старшин, судей-биев и т. п.

Манапство не потеряло своего социального значения в кочевых районах даже в первые годы Советской власти и просуществовало вплоть до начала сплошной коллективизации сельского хозяйства и было ликвидировано как эксплуататорский класс в 1927—1930 годах.

Следует отметить, что на юге Киргизии крупных феодалов т. е. верхушку феодальной аристократии, называли не манапами, а датхами, а рядовых — беками. Появление званий «датха» и «бек» связано с кокандским завоеванием. Кокандские ханы с целью привлечения на свою сторону представителей киргизской феодальной знати давали им эти звания. Звание «бек» постепенно стало наследственным и передавалось от отца к сыну. Правовое положение их не отличалось от правового положения манапов.

Бии также относятся к эксплуататорам. Исторически бии у киргизов предшествуют манапам. Первоначально бии были правителями отдельных племен. Впоследствии постепенно меняется социальное содержание бийства и в последующий период они ограничиваются только выполнением судебных функций. После вхожде-

ния киргизов в состав России бии были облечены полномочиями творить суд и расправу на основе адата — обычного права киргизов.

Бии как феодальная верхушка существовали, кроме киргизов, и у ряда других народов Средней Азии. Более подробно о правовом положении биев будет сказано при изложении судеустройства киргизов в дооктябрьский период.

Бай также относится к имущим классам. Все крупные скотовладельцы назывались баями. «Киргизский бай — с избытком обеспеченный человек»¹. Эта прослойка встречается у всех тюркоязычных народов.

Бай появились давно, в период разложения патриархально-родовых отношений и возникновения феодального способа производства. Бай — богач, имеет много скота.

По своей знатности, родовитости, именитости бай также подразделялись на группы:

а) курдөөлүү бай — потомственный, авторитетный бай. Такой бай обладал не только излишком материальных благ, но и имел определенный вес и влияние в народе. Манапы считались с ними. Такие бай старались завоевать симпатию у народа, поэтому пытались проявлять щедрость на тоях (пирах), аш (поминках), активно участвовали в общественной жизни, во многих случаях бывали советчиками манапов;

б) сасык бай — скупой, жадный, трусливый, тупой, невежественный богач. Он занят исключительно накоплением скота и совершенно не принимает участия в общественной жизни. В насмешку за свое скряжничество он и назван «воночий».

После вхождения Киргизии в состав России под влиянием развития товаро-денежных отношений и проникновением зачатков капиталистических отношений изменяется социальное содержание бая. Появились новые группы баев. Отдельные бай начали обуржуазиваться, приспосабливать свое хозяйство к рыночным капиталистическим отношениям.

Появилось новое название баев: бай — соодагер (купец), бай — суткор (ростовщик), бай — далдал (комиссионер-посредник). Теперь бай не только крупный ско-

¹ М. Ф. Гаврилов, Классовый состав Букары Горной Киргизии, журн. «Современный аул Средней Азии», вып. X. Ташкент, 1927 г., стр. 198.

товладелец, но и также торговец, ростовщик и коммерсант. Все большее число баев ведет экономически мощное многоскотное хозяйство, частично вовлеченное в орбиту товаро-денежных отношений, осуществляет присвоение прибавочного продукта от непосредственных производителей путем найма рабочей силы из букары. С увеличением богатства баев усиливается эксплуатация трудового народа, а это привело к разорению дехкан и рядовых кочевников. Таким образом, букара из своей среды постепенно выделяет сельских пролетариев — малый и чайрикер.

Баатыр. В архивных материалах и других источниках по Киргизии представителей знати называют также баатырами. Баатыр — военный вождь, смелый и храбрый человек, отличившийся в борьбе с врагами. Баатырами могли быть храбрые, люди отваги и доблести, как из простого народа, так и из представителей феодальной верхушки.

До вхождения Киргизии в состав России киргизы вели непрерывные войны. На них часто нападали соседние государства, а также происходили часто междоусобицы. В таких условиях баатыры со своей дружиной организовывали оборону.

Потом, в процессе дальнейшей феодализации киргизского общества, баатыры оформились в представителей феодальной знати. Они теперь являются не только военными вождями, но и крупными феодалами. Нам известно немало случаев, когда многие знатные люди называли себя и баатырами. Например, баатырами именовались старшие манапы племени сарыбагыш — Ормон, Джантай, Шабдан, манап племени солто — Байтик и др.

Баатыры очень часто выступали в качестве послов, выполняя различные дипломатические поручения. Они нередко являлись представителями и управителями крупных родов, часто пользовались большим политическим весом, иногда даже большим, нежели рядовые манапы.

Аткаминеры — это наименование соответствует не вполне оформившимся русским дворянам. Будучи правой рукой манапа, аткаминер присваивал себе немало продуктов труда бедняка и середняка.

Наиболее правильно описывает положение аткаминеров проф. П. Кушнер: «Вокруг манапа всегда есть несколько именитых, богатых киргизов. Все они имеют приличную родословную, соответствующую родословной иму-

щество. Прямой зависимости от манапов эти именитые люди не имеют, но так как они кочуют на территории манапа и пользуются его охраной, то все же чувствуют себя связанными с манапом какими-то обстоятельствами. Манап выделяет их из среды остальных киргизов, чаще дает им подарки, чаще приглашает к себе в гости»¹.

Манап аткаминерам поручал все дела на местах. Аткаминер уговаривал, напоминал обычаи, призывал к родовой солидарности, угрожал гневом аллаха и доказывал необходимость подчинения манапу. Аткаминеры во многих случаях были советчиками манапа. Деятельность аткаминеров была очень разнообразной.

Духовенство. В Киргизии ислам не получил такого распространения, как, например, у соседних земледельческих народов Средней Азии — узбеков и таджиков. Это объясняется отдаленностью Киргизии от центра исламской религии, кочевым образом жизни и сильными пережитками патриархально-родового быта. Киргизские феодалы слабо использовали в своих интересах ислам, так как патриархальная идеология, имевшая значительную силу в киргизском обществе, в достаточной степени обеспечивала их интересы.

В киргизском обществе значительное место занимал шаманизм. Известный казахский ученый и просветитель Чокан Валиханов указывал, что «мусульманство среди народа неграмотного, без мулл, не могло укорениться, оно оставалось звуком, фразой, под которыми скрывалась прежняя шаманская монархия»². Киргизы поклонялись духам усопших, верили предсказаниям разного рода знахарей и колдунов — бюбу, бакшы и т. д. Преклонение перед силами природы было сильно распространено. Очевидец А. К. Завадский отмечал, что кочевники, «боготворят видимые предметы из мира вещественного. Огромное стоящее уединенно в степи дерево, гигантский камень... вызывают в кочевнике чувство поклонения. Ни один киргиз не проедет мимо их, не слезши с коня и не совершивши молитву, причем в жертву обитающему здесь духу он оставит лоскут одежды или клочок конских волос»³.

¹ П. Кушнер, Манапство в горной Киргизии, журн. «Революционный Восток», № 2, 1927 г., стр. 172.

² Ч. Валиханов, Соч., т. I, СПб, 1904 г., стр. 9.

³ А. К. Завадский, Русское царство, Приаральский край. СПб, 1874 г., стр. 16.

Киргизы были весьма неважными магометанами, а коран был для многих неграмотных книгой непонятной и даже подозрительной.

Духовенство в Киргизии состояло из коджо¹, эшенов, калпа и мулл. Все они относятся к группе эксплуататорского класса. Коджо и эшены представляли аристократическую верхушку духовенства. В Киргизии коджи и эшены не сложились в влиятельную в политическом отношении феодальную прослойку. Они выступали на общественной арене в союзе с другими влиятельными феодальными группами, чаще всего с манапами, в покровительстве которых они нуждались. Они не создавали своих сословных органов управления, были малочисленны и рассеяны по аилам.

Другую группу духовенства составляли муллы. В Киргизии муллой именовался каждый грамотный и знающий выдержки из корана и могущий руководить отправлением религиозных обрядов. Муллы находились в подчинении у светских феодалов, жили при них, кормились у них и получали жалованье. Каждый зажиточный киргиз имел при себе муллу для молитв и обучения детей грамоте и корану.

Муллы — проповедники реакционной мусульманской религиозной идеологии — в большинстве своем являлись шарлатанами и большими невеждами. Пользуясь культурной и политической отсталостью населения в целях наживы, весьма далекие от религии лица выдавали себя за святых избранников аллаха, хотя многие из них знали только знаки арабской письменности и отдельные догмы корана. Они пристраивались к аилам богатых, «учили» детей грамоте, совершали молитвенные обряды, толковали коран. Постепенно они стали участвовать в рассмотрении споров и жалоб в области семейно-брачных и имущественных отношений. Однако, несмотря на все это, в политической жизни общества представители духовенства, в том числе муллы, имели серьезный вес.

Ислам, как феодальная идеология, воспитывал трудящиеся массы в покорности ханам, манапам, эшенам, коджам, приучал верующих регулярно платить зякет, аккуратно нести повинность, слушаться своих хозяев.

Муллы представляли собой самую многочисленную

¹ Коджо — люди, считавшие все свое поколение святым, происходившим от святых людей или пророка Мухамеда.

ненасытную группу духовенства, открыто грабившую народ. Духовные лица обладали большими правами и привилегиями. Они имели право собирать с населения различные религиозные подати — пожертвования аллаху: ушур, битир, доорон, джанаса и др. «Заезжие из Коканда и других городов ханства, — пишет А. П. Хорошкин, — муллы набирают в кара-киргизских кочевьях за свои молитвы много разного добра»¹.

Ушур взимался с земледельцев в размере 1/10 части урожая, а со скотоводов — по одной голове с каждой сотни голов скота. Битир собирали натурой во время уразы (пост). Его размеры не были установлены. Доорон и жанаса получали муллы за молитву над гробом умершего и т. д. Путем различных поборов с народа представители духовенства сколачивали большие богатства.

Ислам в Киргизии отравлял мистическими представлениями сознание трудящихся масс, вводил их от действительности, ослаблял волю их в борьбе за лучшую жизнь.

2. Класс непосредственных производителей — букара.

В Киргизии основным производителем материальных благ являлась букара. Букара — основная масса киргизов, находившаяся в политическом и экономическом подчинении того или иного манапа-феодала, т. е. феодально-зависимые люди. А. Хорошкин писал, что «кара-киргизы называют себя рабами манапов, сопровождают их в наездах и умирают за них в барантах»².

Разумеется, взаимоотношения между манапами и букарой были господство и подчинение, носили антагонистический характер.

В состав букары входили: кедей или джарды — бедняк, малай-джалчы — наемный сельскохозяйственный рабочий, батрак; джатакчы, лишенные средств существования. Следует отметить, что в составе букары числились и среднезажиточные хозяйства, из которых иногда вырастали бан, со всеми присущими им чертами феодалов.

Кедей или джарды — социальная группа, имеющая в

¹ А. Н. Хорошкин, Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, СПб, 1876 г., стр. 25, «Туркестанский сборник», т. 116.

² А. П. Хорошкин, Байтук-батур (рассказ из кара-киргизской жизни, 1867 г.), «Туркестанские ведомости», 1872 г., № 23, 31.

своим хозяйстве 1—3 коров, 1—5 лошадей, десяток голов мелкого скота, а нередко и того меньше. Кедеи в какой-то степени обеспечены средствами передвижения, перекочевки и молочным скотом, поэтому не отделяются от кочевого и полукочевого коллектива и не оставляют надежду на возможное увеличение своих средств существования и переход в разряд обеспеченных хозяйств. Кедеи, несмотря на свою бедность, не теряют хозяйственную обособленность и право собственности на свое личное имущество. Кедей имеет свою кибитку, хозяйственные и бытовые принадлежности, пользуется личной и имущественной свободой в такой степени, в какой ею пользуются другие члены общины.

Но, имея мало скота, кедей не может полностью удовлетворить потребности своей семьи. Его скота далеко не достаточно для нормального существования. Кроме молока, нужно мясо, зерновые продукты, промышленные товары, которые можно приобрести лишь в порядке обмена на скот. Но эти хозяйства не только не имели излишки скота для обращения его в меновую стоимость, но его даже не хватало для непосредственного потребления семьи.

При таком положении кедеям приходилось изыскивать дополнительный источник добывания средств существования. Кедеи частично занимались земледелием, охотой, нанимались на сезонные и разовые работы в русских селах, на горные разработки, в различных промысловых пунктах, купеческих караванах, занимались извозничеством и т. д.

Кедеи, особенно беднейшие, не имевшие необходимого количества скота, были вынуждены кочевать вместе с манапом или баями и обслуживать их хозяйство. Они назывались коңшу—сосед. Внешне назывались коңшу, а в сущности они были закабалены феодальной знатю. В отношении коңшу Грум-Гржимайло сообщает: что «они как-то сами собой группируются вокруг богатейших, которые в конце концов третируют их как слуг и управляют ими вполне бесконтрольно, хотя наружно такие отношения не проявляются резко»¹.

Коңшу со своими семьями, кочуя вместе с баями, выполняли у них всевозможные виды хозяйственных работ,

¹ Г. С. Грум-Гржимайло, Очерк Припамирских стран, Изв. РГО, т. XXII, 1886 г., стр. 99, «Туркестанский сборник», т. 405.

даже пасли скот и охраняли его. Жены коңшу доили овец, коров и кобыл, стирали белье, собирали топливо, готовили пищу, дети ухаживали за байскими ягнятами и телятами. За все это коңшу получал дойный скот, с правом временного пользования молоком, объедки с хозяйского стола и пользовался рабочим скотом при перекочевке.

Кедеи были той частью населения, которая решительно выступала против произвола и несправедливости баев, манапов и колониальной администрации, чаще всего прибегая к неуплате налогов, неподчинению приказам и т. д.

Джатакчы. Слово «джатакчы» означает лежачий, в смысле неkochующий, оседлый. Джатакчы становятся лица, лишённые средств кочевания. Они оставались на зимовках, не имея возможности перекочевать на джайлоо. А перед Октябрьской революцией джатакчы называли не вообще более или менее оседлых бедняков, а определенную социальную прослойку крестьян, осевших в основном в районе населенных пунктов и в значительной степени оторвавшихся от кочевых коллективов. Трудно назвать род занятий, которым больше всего занимались джатакчы. Они обычно занимались всем, что могло доставить им средство существования.

Джатакчы какими-то специально оговоренными правами не пользовались. Киргизское обычное право не выделяет их в особую социальную категорию. На них распространялись все те нормы, которыми регулировались отношения рядовых общинников. Вообще провести строгую границу между отдельными социальными группами киргизского общества очень трудно, так как раньше не делалась классификация. Поэтому в конкретных вопросах можно допустить неточность, можно даже ошибиться при классификации социальных слоев киргизского общества.

Джатакчы представляли собой социальную прослойку, непосредственно связанную с земледельческим хозяйством, но еще не окончательно оторвавшуюся от скотоводства. Их нельзя считать оседлыми. Они дома не строили, продолжали жить в юртах, летом перекочевывали на бөксөө—на близкие невысокие горы. Зиму проводили в зимних пастбищах, при первой возможности переходили к кочевому образу жизни. Джатакчы не ограни-

чивались обработкой своих посевов. Они ухаживали за пашнями своих богатых кочевников-сородичей, убирали их хлеб. «Здесьние кара-киргизы,—писал П. Зенков,—еще настоящие номады...

Землепашество же исполняется у них исключительно отдельной корпорацией джатаков, рабски работающих на маіапов и баев»¹.

За свою работу джатакчы получали от сородичей саан — молочный скот на временное пользование и күч или унаа, — тягловый скот на время «Положение подобных джатаков,—писал П. П. Семенов,—крайне тягостно, и большинство их являются бесплатными и бессрочными работниками у своих богатых родичей»². Тяжелое положение джатакчы ухудшалось еще и феодальными поборами и повинностями. Они терпели лишения, бедствия и нужду.

Взаимоотношения джатакчы и феодалов носили патриархальную форму. Джатакчы, работая на феодала-кочевника, думал, что он оказывает помощь в хозяйстве своего сородича, а феодал, предоставляя джатакчы саан и күч, выдавал себя за родственника-добродетеля.

Джатакчы были первыми среди киргизов, которые впервые имели непосредственное прикосновение с русским населением и тем самым объективно явились носителями важной исторической миссии — связи между киргизским и русским народом. Это было крупным прогрессивным явлением в истории киргизского народа. Джатакчы, находясь в тесном соприкосновении с русским населением, учились у него вести земледельческое хозяйство, жить оседло, перенимали культурные навыки.

Таким образом, в среде джатакчы зародился оседлый образ жизни киргизов, произошел распад кочевой айльной общины, родовых отношений, укрепилась связь с русским населением.

Малаи и джалчы — их можно отнести к наемным сельскохозяйственным рабочим. Несостоятельные бедняки вынуждены были наниматься сами или всей семьей на

работу к баю за определенную плату, обычно биркара (одна корова или одна лошадь), или же несколько овец. Нанимались в основном чужеродцы, лишенные средства существования.

Малаи и джалчы были годовые и сезонные. Малаи годовые обычно со всем семейством располагались в айле бая, пользовались столом, часто жильем и сааном хозяина. Они выполняли разнообразную работу по хозяйству, привлекая туда других трудоспособных членов своей семьи. Малаи и джалчы в основном пасли скот и охраняли его. За работу они получали в натуре скотом. Часто малаи влезали в долг к баю и вынуждены были отработать этот долг. В результате малаи превращались в постоянных работников у феодалов.

Сезонные работники обычно назывались джалчы. Они нанимались для выполнения работ на определенные сроки. На юге Киргизии, где земледелие получило заметное развитие, имел место наем рабочих на весь хозяйственный сезон или на период уборки урожая. Сезонных, временных работников держали также богатые скотоводы. Сезонные после окончания договорного срока возвращались с заработком к своему очагу.

Труд малаев и джалчы был тяжелым. Они днем пасли скот, убирали урожай, вечером охраняли их, к тому же помогали в домашнем хозяйстве баев. Им приходилось работать почти круглые сутки. Малаи и джалчы влачили полуголодное существование. Хозяин мог наказывать их по своему усмотрению, бить за малейшие проступки. Применение наемного труда в феодальных хозяйствах представляло еще не массовое явление. Однако оно обладало перед Октябрьской революцией заметной тенденцией к росту и расширению. Сам факт применения наемного труда, хотя еще в незначительных размерах, уже говорит о том, что в недрах киргизского феодального общества начали возникать элементы новых капиталистических отношений.

С проникновением капиталистических отношений в Киргизии появляется новая социальная прослойка — джумушчулар. Джумушчулар — первые киргизские полупролетарии, занятые в промышленности. Во II половине XIX века на территории Киргизии начинают возникать промышленные предприятия. Медленно и вяло развивается капиталистическая промышленность в феодальной экономике Киргизии и связанный с этим пролетари-

¹ П. Зенков. Экономические заметки по киргизской степи от Иртыша до Иссык-Куля, «Туркестанские ведомости», 1874 г., № 46.

² Россия, Полное географическое описание нашего отечества. Под редакцией П. П. Семенова-Тяньшанского, т. XXI. СПб., 1913 г., стр. 378.

ат. Появление первых киргизских рабочих было связано, таким образом, с процессом проникновения капиталистических отношений.

Труд киргизских джумушчулар—пролетариев использовался на горнорудных предприятиях, на разработках полезных ископаемых и в основном на мелких предприятиях по первичной обработке скотоводческой продукции.

Киргизские джумушчулар в основном выходили из кедеев, джатакчы и малаев. Они пока еще не консолидировались в класс, но уже становились в известной степени носителями высоких морально-политических качеств передового общественного класса — пролетариата.

В дореволюционном киргизском обществе находим элементы рабства. Киргизский народ в своем историческом развитии, как и другие народы Средней Азии и Казахстана, не прошел стадию рабовладельческого развития. Однако рабовладение в киргизском обществе было. Рабство имело патриархальный характер. Рабы, работая у хозяина, через некоторое время обзаводились семьей, пользовались правом иметь скот. В то же время лично они находились в полной зависимости от хозяина. Хозяин мог их наказывать, заложить, продать, дарить. Кулы (рабы) и куну (рабыни), как вещи, перепродавались из одних рук в другие; их ставили на байте (на скачках) во время праздника, давали как калым. Рабами становились военнопленные, преступники и экономически закабаленные бедняки. «Кулы составлялись из военнопленных чужих родов и, кроме того, из преступников», — пишет А. Талызин¹. Дети рабов также становились рабами. После смерти хозяина кулы переходили в собственность его сыновей. Кулы были почти бесправными. Они не могли быть свидетелями, хозяин имел неограниченное право их наказывать. Рабовладелец рассматривал раба как свою собственность со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Рабовладение было запрещено официально после вхождения Киргизии в состав России.

В условиях скотоводческого хозяйства и при наличии пережитков патриархально-родового быта форма эксплуатации в Киргизии имела некоторую свою особен-

¹ А. Талызин, Пишпекский уезд. Исторический очерк (1855—1868). Памятная книжка Семиреченской области за 1898 г., Верный, 1898, стр. 28.

ность. В Киргизии важным средством эксплуатации трудящихся служил скот, сосредоточенный в руках баев. Эксплуатация прикрывалась пережитками общинно-родового быта, она проводилась под видом «родовой помощи».

Все подати и повинности являлись добровольными, но фактически существовали как обязательные. Основным натуральным налогом являлся салык — покибиточный налог, взыскиваемый с хозяйства букары. Размер салыка устанавливался в зависимости от ряда местных условий и обстоятельств.

Союш — натуральные поборы, взимаемые для обеспечения манапского стола. Союзом облагались не только рядовые скотоводы, но и баи, ибо они пользовались теми пастбищами, которыми распоряжались манапы. Под видом покрытия разных расходов, произведенных манапами, якобы в интересах аильной общины, с букары собирали чыгым, который не имел определенного размера. Это давало манапам возможность чинить полный произвол. Феодалами часто устраивались аш (пминки), той (пиршество). В их организации и расходах должны были принимать участие все сородичи. Например, по случаю поминок манапу Джантаю только в качестве приза ставили 1000 лошадей, 30 верблюдов, 30 коров и 5000 баранов¹. Все это собиралось в порядке кошумча (взаимопомощь). Кошумча организовывали также по случаю свадьбы и уплаты калыма.

Феодалы с целью поднятия своего авторитета и расширения влияния часто организовывали праздники, длившиеся обычно месяцами, куда приглашались многочисленные гости. Эти гости распределялись между сородичами, членами общины, которые обязаны были до окончания праздника кормить гостей и их лошадей, давать гостям жилища, постель и т. д. Это называлось — конок алуу (прием гостей). На такие праздники заезжали иногда несколько сот и тысяч гостей. Все это тяжелым бременем ложилось на плечи букары. Манапы полностью распоряжались пастбищами. За пользование ими они взимали всевозможные сборы: чеп ооз — сбор за траву, туякат — подкопытная подать, за прогон через подвластную манапу территорию.

¹ Г. С. Загряжский, Киргизские очерки, Аш или тризна по умершим, «Туркестанские ведомости», 1873, № 1.

В Киргизии была также своеобразная барщина, т. е. отработочная рента в виде саана и куча, сильно замаскированных родовыми пережитками, а по существу являющихся формами и методами эксплуатации манапов и баями обедневших общинников.

Саан. Суть этой формы эксплуатации заключается в том, что бесскотный обедневший кедей берет дойный скот у богатого скотовода — бая или манапа во временное пользование и обязуется исполнять любую работу по поручению лица, давшего скот, т. е. на условиях отработки.

При помощи саана бай и манапы могли не только иметь бесплатных пастухов, табунщиков, но держать в кабальной зависимости обедневших общинников.

Саан брали, во-первых, лица, имевшие кое-какое хозяйство, недостаточное для удовлетворения потребностей. В таком случае саан выступает как приработка в целях покрытия нужд хозяйства в продуктах питания — молока и шерсти; во-вторых, не имеющие возможности вести самостоятельное хозяйство. У такого пролетария не было перспектив создать свое новое хозяйство через саан, и он ставил себя в тяжелую кабальную и долговую зависимость от баев и манапов.

Существовали три категории саана: а) саан, даваемый джигитам и вообще за придворные услуги; б) саан, получаемый беднотой, живущей постоянно с баями и манапами, за работу по уходу за скотом преимущественно и за другие разнообразные работы. Здесь сам бедняк или его подросток пасут скот, собирают топливо, а жена его доит овец, прядет шерсть, носит воду и т. п.; в) саан, получаемый джатаком, не выходящим на джайлоо (летнее пастбище) за отсутствием скота, преимущественно за работу по земледелию (охрана и полив полей, уборка урожая, сенокос и приготовление кормов для скота).

Таким образом, саан являлся формой, используя которую бай и манапы принуждали кедеев к выполнению в их пользу своеобразной отработочной ренты. Он был одной из основных форм феодальной эксплуатации у киргизов.

Куч — помощь зажиточного скотовода бесскотному и малоскотному хозяйству выючным скотом во время перекочевки. По существу это один из видов отработок, представляющих собой разновидность отношений кабальной

зависимости. За эту помощь кедей должен отработать в хозяйстве феодалов, на пашне или по уходу за скотом. Малообеспеченные выючным скотом хозяйства были вынуждены обращаться к богатым за предоставлением куч, ибо в условиях киргизского пастбищного скотоводства перекочевки с места на место были обязательными для всякого хозяйства, имеющего сколько-нибудь скота. Кроме того, бедняки брали куч для поездки на базар, на той (пиршество), на аш (поминки) и т. д. за отработку.

Куч широко применялся киргизскими феодалами для закабаления бесскотных и малоскотных кочевников.

В южных районах Киргизии, где более или менее было развито земледелие, феодалы эксплуатировали бедняков в форме чайрикерства (ортокчулук, т. е. издольщины)¹ — своеобразной форме феодальной аренды. К такой форме аренды прибегали маломощные хозяйства, не имеющие ни семян, ни инвентаря. Чайрикеры, получая от баев семена и инвентарь, сами своими силами обрабатывали землю, засевали участок, собирали урожай и львиную долю этого урожая отдавали феодалу.

Чайрикерство в основном было распространено в южной Киргизии, но хотя и в меньшем размере существовало и в северной части Киргизии.

Говоря об отработочной системе, В. И. Ленин отмечал, что крестьяне иногда работали на помещика «просто из чести, т. е. даром, за одно угощение, чтобы не лишаться других «заработков» от земледельца»². Такой вид отработки имел место и в Киргизии. Так, например, во время сбора урожая, для стрижки овец, сооружения хозяйственных построек и т. д. феодалы могли пригласить к себе соседей, накормить их и предложить им сделать все это бесплатно. Этот вид выполнения работы назывался ашаром.

Манапы, бай, беки, бии, пользуясь живучестью патриархально-родового быта, прикрывая ими феодальную сущность эксплуатации, жестоко угнетали трудовые массы — букару. Букара часто проявляла в различной форме свое недовольство жестокой эксплуатацией со стороны манапов, выступала в классовой борьбе против манапов.

¹ А. Ф. Лачко чайрикерство называет издольщиной. На наш взгляд, это не совсем соответствует действительности, ибо чайрикеры получали только определенную долю, а не половину. См. труды ИЯЛИ Кирг. ФАН СССР, вып. III, Фрунзе, 1952 г., стр. 185.

² В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 164.

Эта классовая борьба выражалась в неуплате податей, в уклонении от выполнения феодальных повинностей, в откочевке с целью освобождения от насилия и произвола того или иного феодала, в убийстве наиболее ненавистных феодалов. А в конце XIX века борьба народных масс против манапов и царизма приобретает открытый характер. К ним относятся: восстание южных киргизов 1873—1874 гг.¹, Андижанское восстание 1898 г., восстание 1916 г. и т. д. Широко распространенной формой борьбы являлась откочевка букары от аила манапов. Часто случалось, что мадаи и джалчы в поисках лучших условий убегали от своих хозяев и уводили скот, особенно лучших лошадей.

Возмущение, протесты, негодование и борьба киргизских трудовых масс против господствующего класса не проявлялись ярко и четко. Это объясняется слабым развитием производительных сил, разобщенностью трудящихся и характером кочевого хозяйства, а также неграмотностью и забитостью трудящихся, живучестью патриархально-родовых пережитков и силою ислама и шаманизма, одурманивших классовое сознание народных масс.

Таким образом, из всего вышензложенного вытекает, что социально-экономический строй киргизов дооктябрьского периода был феодальным с пережитками патриархально-родового быта, с постепенным проникновением элементов капиталистических отношений.

§ 2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

Социальные и политические вопросы «во все времена... неотделимы друг от друга»². Социально-политические отношения предопределяются в конечном счете материальными условиями существования и развития данного общества.

К. Маркс в письме П. В. Анненкову 28 декабря 1848 года писал: «Предположите известную степень развития производительных способностей (facultes) людей—и вы получите определенную форму обмена и потребления. Предположите известную стадию развития производства, обмена, потребления — и вы получите определенную фор-

¹ К. Усенбаев, Присоединение Южной Киргизии к России, Фрунзе, 1960 г., стр. 47—65.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 262.

му общественного устройства, определенную организацию семьи, сословий или классов, словом — определенную форму гражданского общества. Предположите данную форму гражданского общества,— и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества»¹.

Отсюда ясно, что сущность политического строя определяется базисом. Наряду с внутренними факторами на политический строй общества оказывают существенное влияние и внешние условия его существования. Раскрытие соотношения внутренних и внешних факторов, влияющих на политический строй общества, важно для характеристики системы власти и управления, ее форм и сущности.

Киргизстан в дооктябрьский период не представлял, единого целого, веками находился под игом чужеземных захватчиков, был экономически разобщен, политически и территориально раздроблен.

Киргизы в дореволюционный период не раз подвергались разорению со стороны многочисленных врагов. Они испытывали нашествия гуннов, тюрков, монголов, ойротов, китайцев, Тамерлана и др. Киргизскому народу приходилось в течение столетий в ожесточенной борьбе отстаивать свою свободу и независимость.

Гунны, тюркские каганы, монгольские ханы, калмыцкие тайши, кокандские ханы и русский царизм — вот неполный перечень завоевателей и покорителей, которые в течение десятков веков поработали киргизский народ. Борьба киргизского народа с этими поработителями велась не на жизнь, а на смерть, ибо киргизскому народу грозила опасность не только потерять свободу и независимость, но и полностью исчезнуть. Многие из тех народов, которые выступали на историческую арену одновременно с киргизами или после них, исчезли с лица земли. Так было с гуннами, жужанами, киданами, половцами и др.

Беспрерывные феодальные столкновения, территориальная раздробленность и политическая разобщенность, крайняя экономическая, политическая и культурная отсталость не могли создать реальных условий для самостоятельного государственного существования народов

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 284.

Средней Азии, в том числе Киргизстана. В такой обстановке единственным средством выхода из состояния векового застоя и разложения, пагубной для страны феодальной раздробленности и междоусобиц явилось более тесное сближение народов Средней Азии с Россией, с которой ранее существовала постоянная экономическая и культурная связь. Киргизия добровольно вошла в состав России во второй половине XIX века¹.

После добровольного вхождения в состав России, Киргизия вошла в состав Туркестанского генерал-губернаторства, образованного указом императора 11 июля 1867 г., состоявшего из пяти областей: Сыр-Дарьинской, Ферганской, Самаркандской, Семиреченской и Закаспийской. В административном отношении генерал-губернаторство делилось на области во главе с военным губернатором, на уезды во главе с начальником, на волости во главе с волостным управителем и на айлы (села) во главе со старшинами.

Территория Киргизии была раздроблена между отдельными областями Туркестанского края. Северная Киргизия вошла в состав Семиреченской области (Пишпекский, Пгжевальский уезды), Таласская долина — в состав Сыр-Дарьинской (Аулие-Атинский уезд), южная часть Киргизии — в состав Ферганской и Самаркандской областей (Андижанский, Ошский, Наманганский, Ходжентский уезды и Памирский район).

Административное деление края не соответствовало ни экономическим, ни национальным интересам края, а было построено в интересах колониальной политики. Царизм не только пренебрежительно относился к национальным интересам народов окраин, но и стремился помешать их национальной консолидации.

Южная часть Киргизии и Таласская долина управлялись на основе «Положения об управлении Туркестанским краем», утвержденного 12 июня 1886 г., а Северная часть — на основе «Степного положения об управлении областями Акмолинской, Семипалатинской, Семиречен-

¹ Подробно см. Б. Джемгерчинов, Присоединение Киргизии к России, М., 1959 г.; его же: Добровольное вхождение Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963 г.; К. Усенбаев, Присоединение южной Киргизии к России, Фрунзе, 1960 г.; А. Хасанов Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50—70 гг. XIX века, Фрунзе, 1961 год.

ской, Уральской и Тургайской», утвержденного 25 марта 1891 г.¹.

Для непосредственного управления киргизы делились на волости и айлы, во главе с волостным управителем и айльным старшиной, так называемой туземной администрацией. Туземная администрация подчинялась уезду во главе с уездным начальником, в функции которых входило «...наблюдение за действиями туземной администрации и суда»².

Уездное управление. Во главе уезда стоял уездный начальник, назначаемый и увольняемый генерал-губернатором по представлению военных губернаторов. В руках уездного начальника сосредотачивалось все административно-полицейское управление уезда.

Ему принадлежало право надзора над всеми общественными управлениями «инородцев» в пределах уезда, он производил ревизию туземной администрации, как по собственному усмотрению, так и по поручению областного управления, осуществлял надзор за айльными или сельскими сходами, за волостными съездами, за выборами должностных лиц из туземцев и за исполнением ими своих обязанностей. Он производил исчисление податных единиц, наблюдал за правильностью раскладки сборов, ведал делами по устройству дорог, мостов, заведывал казенными землями, делами по земельному устройству населения, осуществлял надзор за судами биев.

В отношении выборов должностных лиц туземного «самоуправления» на обязанности уездных начальников лежали определение места и времени волостного съезда, присутствие на выборах волостного управителя, представление выбранных кандидатов в волостные управители на утверждение губернатора, утверждение айльных старшин и их кандидатов, утверждение решений айльных съездов о размере жалования айльным старшинам, рассмотрение жалоб на неправильные действия волостных управителей и айльных старшин по наложению ими административных взысканий. Ему принадлежало право

¹ Положение об управлении Туркестанским краем с разъяснениями правительствующего сената, приказами и циркулярами Туркестанского генерал-губернатора, составленное И. Ф. Абрамовым, Ташкент, 1916 г., стр. 1, ст. 1, или Материалы по истории политического строя Казахстана, т. I, А-Ата, 1963 г.

² Граф К. К. Пален, Уездное управление. Отчет по ревизии Туркестанского края, С-Петербург, 1910 г., т. 14, стр. 4.

увольнения от должности айльных старшин и их помощников и временного отстранения волостных управителей, право налагать административные взыскания как на должностных лиц туземного «самоуправления», так и простых туземцев, а также подвергать их аресту до 7 дней за непочтение и грубость к лицам, облеченным властью. Уездным начальникам подчинялись и воинские части, находящиеся на территории уезда.

В отношении биев на уездного начальника были возложены: наблюдение за ведением книг, назначение срока созыва волостных съездов для выбора биев, назначение судей в состав чрезвычайных съездов судей, наблюдение за работой чрезвычайных съездов судей, наблюдение за приведением в исполнение решений биев. Он мог подвергать биев, не прибывших на чрезвычайный съезд судей, денежному штрафу в размере 10 рублей.

Для содействия уездным начальникам в исполнении столь разнообразных и многочисленных обязанностей им было дано по одному помощнику и от 1 до 5 участковых приставов, в обязанность которых входило наблюдение за деятельностью органов туземного «самоуправления», осуществление административно-политических функций в участках, на которые делились уезды.

Кроме того, при уездном начальнике имела канцелярия, состоящая из секретаря, одного или двух письмоводителей и переводчиков.

Согласно «Туркестанского» и «Степного» положения¹ кочевое население края, в том числе и киргизы, в каждом уезде распределялось на волости, а волости — на айльные общества.

Число хозяйств, входящих в состав волостей и айльных обществ, определялось областным управлением, в зависимости от местных условий, но с таким расчетом, чтобы оно не превышало: для волостей 2000, а для айльных обществ — 200 юртовладельцев². (ст. 109 Туркестанского и ст. 56 Степного Положений).

¹ Под словом «Туркестанское» надо подразумевать «Положение об управлении Туркестанским краем» 1886 г., под словом «Степное» — Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областей 1891 г. См. Материалы по истории политического строя Казахстана, т. I. А.-Ата, 1960 г.

² Юртовладелец — это кочевник, киргиз имевший отдельное жилище: юрту, землянку, дом, шалаш и др.

Административное деление, введенное царизмом, по признанию сенатора К. Палена, главным образом имело целью «...достигнуть у киргизов кочевников правильного определения числа плательщиков податей...»¹.

Главными распорядителями органов власти туземного «самоуправления» являлись в волости — волостной съезд выборных, а в аилах — айльные съезды (сходы).

Волостной съезд состоял из выборных от каждого аила, которые избирались айльными съездами (сходами) по одному от каждых 50 домохозяев. Выборы представителей (выборных) на волостной съезд производились на айльных съездах, состоящих из всех домохозяев в присутствии айльного старшины, простым большинством голосов, если на айльных съездах участвует не менее половины всех домохозяев аила. Время и место для созыва волостного съезда каждый раз определялись уездным начальником. Волостной съезд считался состоявшимся, если на нем присутствовало не менее 2/3 части всех выборных.

В компетенцию волостного съезда входили вопросы: выборы волостных должностных лиц — волостного управителя и его кандидата и биев, разрешение поземельных споров, возникающих между отдельными аилами, определение мер наказания, учреждение волостных училищ, назначение и раскладка местных сборов и повинностей, относящихся к целой волости, а также кибиточной подати, учет должностных лиц, проверка списков юртовладельцев на новое трехлетие, определение жалованья волостным управителям в соответствии с величиной и богатством волости в размере от 300 до 500 руб. в год за счет средств, собранных у населения и т. п.

В аилах распорядительным органом были айльные съезды (сходы) кочевников. Айльные съезды составлялись из всех юртовладельцев данного аила и проходили с обязательным присутствием волостного управителя.

На айльных съездах обсуждались и решались вопросы: избрание айльных старшин, семейные разделы, распределение зимовок между отдельными юртовладельцами и разбор земельных споров между юртовладельцами, раскладка всяких денежных сборов и всякого рода по-

¹ К. К. Пален, Сельское управление русское и туземное. Отчет по ревизии Туркестанского края, т. 13, СПб, 1910 г., стр. 12.

винностей, учет должностных лиц и назначение жалованья айльным старшинам, принятие мер к взысканию недоимок по налогу на началах круговой поруки и т. д. Исполнительными органами волостных съездов выборных и айльных съездов (сходов) являлись волостные управители, айльные старшины и их помощники.

Волостные управители избирались волостным съездом выборных сроком на три года. После избрания их съездом они представлялись уездным начальником на утверждение губернатору.

Губернатор имел право утвердить или не утвердить выборы. В последнем случае он мог или назначить новые выборы или утвердить волостного управителя по собственному усмотрению.

Выборы волостного управителя происходили таким образом, что каждые 50 юрт волости выбирали одного волостного выборного, которые, собираясь на волостной съезд, избирали волостного управителя. Выборы сопровождалась ожесточенной предвыборной борьбой. Дело в том, что административно-территориальное деление, установленное царским правительством, не соответствовало старому родоплеменному делению киргизского общества. Теперь мелкие роды объединились, а крупные разделились, лишние юрты сверх 2000 выделялись в другие волости. Таким образом, в составе волости оказывались не одно племя и не один род, а несколько родов. Поэтому, эксплуататорская верхушка каждого рода стремилась выставить своего кандидата, в результате чего перед выборами всегда обострялась групповая борьба за власть.

Для того чтобы получить лишнего выборщика, главы групп прибегали к приему новых членов или выделению новых юрт младшим, иногда малолетним членам семьи, а также к разделению аила на два.

Характеризуя предвыборную групповую борьбу, К. Пален пишет: «Пускаются в ход не только все дозволенные, но и недозволенные средства: прием новых членов, выделение новых кибиток, подкупы, подлоги в посемейных списках, заочное составление доверенностей от имени отсутствующих членов общества, баранта (барынта К. Н.) скота, похищение женщины, запугивание и даже лишение свободы избирателей противной партии или насильное недопущение их в место, назначенное для

сбора айльного съезда, наконец, ложные обвинения и фиктивные иски»¹.

Предвыборная групповая борьба приводила к затрате огромных средств на подкупы и предвыборную агитацию. Эти суммы собирались у народа и разоряли его. Массовые фиктивные перечисления, разделение юрто-владельцев, айлов и волостей вносили большую путаницу в землепользование. Нормальная жизнь в волости нарушалась на долгое время.

В результате ожесточенной групповой борьбы, подкупа и взяток на выборные должности проходили самые хитрые и ловкие дельцы. После избрания на должность волостного управителя они прежде всего старались возместить расходы, затраченные во время выборной кампании, самим лично, а также главарями группировок, обеспечивающих их избрание. Они прибегали к различным поборам — чыгым с населения под предлогом возмещения расходов, понесенных будто бы на общественные надобности. Опять-таки страдает незащищенный трудовой народ — букара.

В компетенцию волостного управителя входило: присутствие на айльных съездах (сходах) и на волостных съездах; наблюдение за убылью и прибылью населения; представление собранных айльными старшинами сборов в казначейство; сопровождение при перекочевках; исполнение правительственных распоряжений и судебных решений; надзор за своевременным поступлением всех сборов и исполнением повинностей и т. д.

Исполнительным органом айльного съезда (схода) являлись айльные старшины. Они избирались айльным съездом сроком на три года и утверждались уездным начальником. Айльные старшины получали жалованье в размере не выше 200 рублей в год, устанавливаемом айльным съездом, из сумм, собираемых по общественной раскладке вместе с податями. На айльных старшин были возложены функции: сопровождение айлов при перекочевках и предъявление при выходе этих айлов за пределы уезда местным властям свидетельств, полученных от уездного начальника, о числе откочевавших юрт; сбор налогов и представление их волостному управителю; проверка в течение трех лет совместно с волостными выбор-

¹ К. Пален, Сельское управление русское и туземное. Отчет по ревизии Туркестанского края... СПб, 1910 г., т. 13, стр. 97—98.

ными айльных списков юртовладельцев и представление проверенных списков в волостной съезд; наблюдение за прибылью и убылью юрт; доставление обвиняемых и свидетелей на съезды биев; созыв айльных съездов для избрания волостных выборных, присутствие на этом съезде и т. д.

Волостным управителям и айльным старшинам давались особые знаки для ношения ими при отправлении служебных обязанностей и выдавалась печать. Жалобы на неправильные действия волостного управителя и айльных старшин по наложению взысканий на подведомственных им лиц приносились уездному начальнику (ст. 102 Туркестанского и ст. 82 Степного).

Однако жалобы местного населения на действие волостного управителя и айльных старшин не всегда находили поддержку, так как волостными управителями и айльными старшинами бывали баи, манапы или их ставленники. Они всегда находили поддержку со стороны колониальных чиновников царизма.

Царское правительство подкупало, всячески поощряло и награждало наиболее усердных служителей туземной администрации, повышая их в чинах, наделяя землей в наследственное пользование, присваивая «почетные» звания, вручая ордена и медали и т. д.¹ Отсюда ясно, что жалобы населения оставались без ответа, наоборот, податели жалоб подвергались унижениям, оскорблениям и избиениям! Таким образом, киргизские баи и манапы, располагая властью, при поддержке и в тесном союзе с царскими чиновниками притесняли и жестоко эксплуатировали своих сородичей.

Судебное устройство. До вхождения Киргизии в Россию судебные функции исполнялись манапами и биями. Они творили суд по обычаям. Манапы с участием влиятельных биев разбирали наиболее важные категории дел, связанные с взаимоотношениями нескольких родов, с убийствами представителей феодально-родовой знати и т. д. Они являлись также второй инстанцией для суда биев. Специальным органом, разбиравшим уголов-

¹ Ст. 106 «Туркестанского», ст. 86 «Степного» Положений гласят: «За усердную службу, а также за знание русского языка должностные лица общественного управления из туземцев могут быть награждаемы, по усмотрению генерал-губернатора, почетными халатами и денежными выдачами».

ные и гражданские дела всех основных категорий, был так называемый суд биев. Более серьезные дела: брачные, об убийствах, дела о разных группах или родах, а также крупные доо — иски рассматривались иногда по обычаям на собраниях старейшин при съездах на той или аш.

Всякое дело кончалось уплатой айыпа или куна. Бии во всех случаях применяли гибкий адат — обычное право, которое изменялось не только по времени и месту, но и смотря по тому, к какой группе населения принадлежит виновный — манапству, бийству, духовенству или букаре, т. е. имело сословно-классовый характер. Специальных органов, исполняющих судебные приговоры, не было.

После вхождения Киргизии в состав России бии не были ликвидированы. Царское правительство ограничилось лишь частичным обновлением их состава и приспособило их к своим колонизаторским интересам. Во «Временном положении об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областями 1867 года» царизм не установил какую-либо систему суда в Туркестане. Более или менее строгая система судоустройства для местного населения Туркестана была установлена «Положением об управлении Туркестанским краем» 1886 года, которое с изменениями и дополнениями имело силу до Октябрьской революции, оно подробно регламентировало деятельность и устройство народного суда — биев. В Положении суду биев посвящена специальная глава III, второго раздела:

По этому Положению у киргизов действовали народные судьи — бии, избираемые одновременно с выборами волостного управителя на волостном съезде сроком на три года.

Выборы бия, так же как и выборы волостного управителя, проходили в условиях ожесточенной групповой борьбы, подкупа избирателей, убийств, выделения новых юрт и т. д. В результате этого в судьи попадали прислужники манапов, не соответствующие по своим познаниям и нравственным качествам званию судьи, преследующие только свои корыстные цели — извлечение выгод и сведение личных счетов.

«Народный суд стал арендой, — пишет К. Пален, — для сведения личных счетов и орудием эксплуатации населения его же избранныками, стремящимися за время своего нахождения в должности судьи вернуть с избытком под-

час весьма крупные суммы, затраченные на выборную кампанию»¹.

Таким образом, роль судьи сводится не к отправлению правосудия, а к поддержке своих сторонников, осуществляемой при помощи неопределенного по своему содержанию адата, — обычного права. Пользуясь гибкими и не имеющими определенной системы нормами обычного права, бии имели возможность привлекать трудовых людей к ответственности даже за совершенно не существующие ни в каких законах преступления и постановлять совершенно произвольные, явно несправедливые приговоры и решения.

Количество судей-биев волости определялось областным губернатором перед выборами с таким расчетом, чтобы количество биев в волости было не менее четырех и не более числа айльных обществ в волости (ст. 222 Туркестанского Положения).

Такие мелкие участки судей-биев в каждой волости ложились тяжелым бременем на население, так как жалованья от казны бии не получали, а получали «вознаграждение на основании существующих по сему предмету обычаев» (ст. 226 Туркестанского) бийлик с населения. Бийлик взыскивался в размере 10% иска и больше. По существу бийлик был узаконенной взяткой, ограблением трудового народа.

По «Положению» суды биев действовали в трех видах: а) единоличные судьи-бии. Бии рассматривали почти все уголовные и гражданские дела, возникающие среди местного населения, за исключением дел, указанных в статьях 141 и 142 «Положения об управлении Туркестанским краем». Перечисленные в этих статьях преступления (государственные, особо опасные, должностные и т. д.) были подсудны русским судам. Подсудность судам биев определялась по гражданским делам местом жительства ответчика, а по уголовным делам — местом совершения преступления. Жалобы на неокончательные приговоры и решения единоличных судей-биев могли приноситься в двухнедельный срок со дня объявления решения волостному управителю для представления в съезд волостных судей.

¹ Сенатор граф К. Пален, Народные суды Туркестанского края, Отчет по ревизии Туркестанского края... т. III, С-Петербург, 1910 г., стр. 8.

При исполнении служебных обязанностей бии одевали особые знаки, а также имели должностную печать;

б) волостной съезд судей. Он являлся второй инстанцией для биев — единоличных судей. Волостной съезд судей, состоящий из всех судей волости, созывался по мере надобности в сроки, определяемые уездным начальником. Явившиеся на съезды бии избирали из своей среды председателя, руководящего порядком разбора дела. Съезд считался законным, когда в нем участвовали не менее трех судей-биев.

Ведению волостных съездов судей подлежали пересмотр приговоров и решений единоличных судей-биев по жалобам.

Волостные съезды биев иногда по желанию уездного начальника рассматривали уголовные и гражданские дела по первой инстанции. Например, съезд биев Саяновской волости от 4 октября 1899 г. рассматривал иск киргиза Орозбека Адигине к Молтаеву¹ или съезд биев Курментинской волости от 20 мая 1899 года рассматривал иск киргиза Токтосуна Тавина к Тариқчин Куланбаю по первой инстанции².

Решения съезда считались окончательными, за исключением случаев, когда они выносились с превышением власти или по делам, не подсудным съездам.

Съезд судей, рассматривая жалобы на приговоры и решения биев, в большинстве случаев оставлял их в силе, ибо судьи считали своей обязанностью поддержать решение своих коллег;

в) Чрезвычайные съезды судей-биев. Они назначались по распоряжению губернатора для решения дел, в которых участвовали жители разных уездов или волостей (ст. 247 Туркестанского и ст. 117 Степного положений). Эти съезды составлялись из судей тех волостей, к которым принадлежали тяжущиеся или подсудимые, причем, кроме выбранных сторонами судей, в состав съезда входили еще судьи, назначенные уездным начальником. Заседание чрезвычайного съезда проходило в присутствии уездного начальника. На съезд приезжали волостные управители, бии всех уездов, истцы, ответчики, свидетели. Чрезвычайные съезды созывались ежегодно и рассматривали множество дел.

¹ ЦГА Казахской ССР, ф. 44, оп. 2, д. 3320, л. 1—13.

² Там же, ф. 44, оп. 2, д. 3150, л. 5.

Так, например, с 16 августа по 4 сентября 1880 года состоялся Чрезвычайный съезд биев Иссык-Кульского, Копальского и Верненского уездов¹, с 15 по 30.VI.1887 года проходил съезд Верненского, Джаркентского и Иссык-Кульского уездов, рассмотревший 575 различных дел: об убийстве, о краже, о куне, о жесире и пр.² С 6 по 20.VIII.1887 проходил съезд Токмакского и Иссык-Кульского уездов, рассмотревший 875 различных дел³, с 2 ноября по 9 декабря 1887 года проходил Чрезвычайный съезд биев волостей Иссык-Кульского уезда, рассмотревший 386 дел⁴.

Судьи, прибывшие на Чрезвычайный съезд, прежде всего выбирали из своей среды председателя и его товарища (помощника). Обычно председатель выбирался из судей одного уезда или волости, а товарищ — из других. После этого судьи приступали к составлению эреже, т. е. правил для руководства при предстоящем рассмотрении предъявленных съезду жалоб и претензий. В этих эреже (правилах) устанавливались: порядок судопроизводства, виды и размер наказания, сроки давности иска и т. д. Затем Чрезвычайный съезд биев приступал к непосредственному рассмотрению уголовных и гражданских дел.

Таков вкратце политический строй киргизов перед Великой Октябрьской социалистической революцией. Из этой краткой характеристики мы видим, что в рассматриваемый период киргизы экономически, политически и территориально были раздробленными, царизм не мог ликвидировать пережитки родовых отношений, киргизская феодальная верхушка — баи и манапы совместно с русскими кулаками беспощадно эксплуатировали трудовой киргизский народ. Однако труженики киргизы, будучи жестоко эксплуатируемыми, не потеряли надежды на светлое будущее. Великая Октябрьская социалистическая революция принесла киргизскому народу свободу, национальную консолидацию и дала право образовать свою национальную государственность.

§ 3. ИСТОЧНИКИ ПРАВА В КИРГИЗИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

Понятие источника права различается в материаль-

¹ ЦГА Казахской ССР, ф. 44, оп. 6, д. 1203, л. 1—15.

² ЦГА Казахской ССР, ф. 44, оп. 6, д. 3051, л. 78—80.

³ Там же, ф. 44, оп. 6, д. 3051, л. 113.

⁴ Там же, ф. 44, оп. 6, д. 3051, л. 140.

ном и юридическом смысле. Под источником права в материальном смысле подразумевается экономический базис общества, который непосредственно порождает правовые взгляды и соответствующие им правовые учреждения. Возникновение правовых взглядов, правовых норм и соответствующих им учреждений неразрывно связано с материальными условиями жизни общества, которыми определяется и вся совокупность общественных отношений.

Под источником права в юридическом смысле подразумеваются специфические формы выражения воли господствующего класса, придающие тем или иным правилам обязательную силу (значение норм права). Говоря об источниках права в дореволюционном Киргизстане, мы имеем в виду именно источники в юридическом смысле, т. е. в значении действовавших в Киргизии норм права.

Понятия источника права в материальном и в юридическом смысле тесно связаны между собой. Источник права в юридическом смысле тоже не есть просто форма без содержания, а является содержательной формой выражения воли господствующего класса. Воля господствующего класса становится источником права лишь тогда, когда она возведена в закон, имеющий обязательную силу для исполнения.

При характеристике источников права в Киргизии следует учесть то положение, что перед Октябрьской революцией в Киргизии действовали параллельно хотя и не в одинаковой степени нормы киргизского обычного права, мусульманского права — шарията, русского права. Роль и значение каждого из этих источников права менялись в соответствии с изменениями в области социально-экономических и политических отношений. Основные черты права в этих трех источниках были не одинаковыми, различными.

Поскольку все три источника права действовали в Киргизии одновременно, вполне закономерно существование известной взаимосвязи, взаимного влияния и взаимного переплетения норм этих источников. Поэтому для правильного понимания вопроса об обычном праве необходимо вкратце рассмотреть все три источника права, действовавших в Киргизии.

а). Понятие киргизского обычного права.

Буржуазные исследователи дореволюционного периода искажали классовую сущность феодального обычного права кочевых народов, рассматривая его как «бесклассовое», «общенародное» право, одинаково защищающее интересы всех членов общества, стремились показать его как право «народа», еще не вышедшего из стадии родовых отношений, в которых отсутствуют классы и классовая борьба. Так, например, И. И. Крафт писал: «Адат, или обычное право, киргизов в прежнее время отличалось замечательной простотою, соответствующей простоте и патриархальности их быта»¹.

Антинаучные положения буржуазных исследователей, идеализирующие киргизский адат (обычное право), отвечали интересам колониальной политики царизма.

Киргизский адат, как и адаты других народов, есть совокупность юридических обычаев, выражающих волю господствующего класса, санкционированных ими и обеспечиваемых в принудительном порядке, в целях охраны общественных отношений и порядков, выгодных и удобных господствующему классу, Киргизское обычное право установлено и санкционировано манапами, биями и другими представителями феодально-родовой знати для охраны патриархально-феодальных отношений. Адат был основным источником киргизского права вообще.

Киргизский адат создавался на базе своего базиса и изменялся, развивался в соответствии с изменением и развитием этого базиса. Экономика киргизского феодального общества, развивавшегося при сохранении значительных пережитков патриархально-родовых отношений, породила соответствующие правовые взгляды, правовые нормы и правовые учреждения. То, что было сказано в отношении характера общественно-политического строя киргизов, относится и к киргизскому обычному праву. Киргизское обычное право представляло собой по своей сущности феодальное право, а по форме — патриархально-феодальное. Обычное право киргизов служило исключительно интересам класса феодалов-баев, в ущерб интересам феодально-зависимого населения. Характер

¹ И. И. Крафт, Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях, Оренбург, 1898 г., стр. 19.

экономики с сильными пережитками патриархальщины получил свое отражение в системе правовых взглядов.

В нормах киргизского обычного права сохранились такие пережитки, как кровная месть, кун, барымта, калым, многоженство и т. д.

Правовые взгляды господствующего класса на дозволенные или недозволенные действия в киргизском обществе зачастую выступали под прикрытием патриархальной власти главы семьи, «родоначальника» — манапа. Феодальная классовая сущность ряда правовых институтов в киргизском обычном праве завуалирована пережитками патриархально-родовых отношений. Консервативный характер киргизского обычного права, обусловленный отсталостью экономики, приобретал устойчивый характер благодаря стремлению господствующего класса к сохранению патриархальных обычаев.

В киргизском обычном праве очень трудно отличить позднейшие его нормы от древнейших. Почти невозможно установить точно время появления тех или иных правовых обычаев.

Слабо различаются понятия гражданского правонарушения и уголовного права. Это обусловлено материальными условиями жизни. Киргизское обычное право столетиями развивалось на базе отсталого, натурального хозяйства, при низком уровне культуры народа. Это наложило определенный отпечаток на отдельные правовые нормы.

Источниками киргизского обычного права являлись: а) обычай (адат, үрп)¹, б) практика суда биев (бийлердин бүтүмү), в) Положения съезда биев («Эреже»). Все эти три источника между собой тесно связаны. Они постоянно дополняли, изменяли существующие правовые обычаи.

Обычай. Обычай, имеющий силу закона, санкциони-

¹ В литературе адат определяется как обычное право (БСЭ, т. I, Адат). Слово «адат» арабского происхождения, означает обычай. Правда, у арабов для обозначения понятия обычай есть и другое слово — урф, которое киргизы произносят үрп. У киргизов слово «адат» не тождественно обычному праву. Они под адатом понимают вообще обычай, т. е. шире, чем обычное право. Термин «адат» употребляется в смысле обычая-привычки, причем не делается разграничения между правовым и неправовым обычаем. Однако мы будем понимать адат в смысле обычного права, как это принято в советской литературе.

рованный устно господствующим классом, нигде не был специально зафиксирован, а передавался из уст в уста, от поколения к поколению в виде кратких изречений и пословиц. Обычно правовые нормы, имевшие силу закона, не были по своему содержанию одинаковыми в различных местностях, отличавшихся различными экономическими и бытовыми условиями жизни. Партитуляризм являлся одним из характерных черт киргизского права дореволюционного периода. Каждое крыло, племя, даже крупные родовые общины стремились иметь свои обычные правовые нормы. Однако эти различия не следует понимать в том смысле, что между правовыми нормами, действовавшими в различных местностях Киргизии, нет ничего общего. Несмотря на некоторые особенности юридических обычаев различных местностей, в общих чертах они были одинаковые. Н. И. Гродеков правильно отметил, что «главные положения из устного предания обычного права везде одинаковые. Детали варьируют по времени и месту». Так, нормы киргизского обычного права по всей Киргизии одинаково решали вопросы гражданского права, отношения между супругами, между родителями, детьми, усыновление и наследование, одинаково допускали возможность применения таких мер наказания, как кун (выкуп), айып (штраф) и т. д. Киргизское обычное право нельзя рассматривать как некую неизменяемую, постоянно действующую систему. Оно постоянно подвергалось изменениям в связи с развитием экономических отношений. Правовые отношения всегда «...коренятся в материальных условиях жизни»² и являются лишь юридическим выражением производственных отношений. Киргизское обычное право подвергалось существенному изменению в период господства кокандского ханства в первой половине XIX века в связи с усилением влияния мусульманского права — шариата. Оно значительно изменилось после вхождения Киргизии в состав России во второй половине XIX века.

Изменения в нормах обычного права, обусловленные как внутренним развитием киргизского общества, так и внешним влиянием, нашли свое отражение в практике суда биев — бийдин бутуму и в Положениях — «Эреже».

¹ Н. И. Гродеков, Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, т. I (юридический быт), Ташкент, 1889 г., стр. 22.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. I, стр. 6.

✓ Практика суда биев. Правовые обычаи киргизов, имевшие силу закона, постепенно дополнялись и изменялись практикой суда биев, являвшейся важным источником права. Один из дореволюционных русских авторов Рудаков, занимавшийся исследованием обычного права киргизов и других народностей, по этому поводу писал, что «судебная практика признается до некоторой степени источником права даже там, где суды руководствуются писанным законом, там же, где суд не связан положительным правом, а жизнь постепенно переходит к новым формам, будет порождать новые отношения и создавать новые интересы, столкновение которых будет находиться в суде, там судебная практика может явиться огромной правотворящей силой»¹.

Отдельные изречения или приговоры «знаменитых» биев, творивших суд и расправу над своими подчиненными, служили образцом для разрешения других аналогичных дел и тем самым иногда приобретали силу закона. Конечно, бии в своих решениях всегда отстаивали экономические и политические интересы господствующего класса, к которому они сами принадлежали. Так, от одного поколения к другому передавались как «мудрые», «оригинальные» отдельные высказывания и решения по разным вопросам Атаке—бия сарбагишцев. Бии часто ссылались при разрешении дел на решение влиятельных биев: Олжобая, Шералы, Шапана, Бириазара, Тыная, Мусы, Атаке и др. Решения, изречения этих биев усиленно пропагандировались среди населения феодально-байскими акынами, аксакалами и другими лицами, выражавшими интересы феодалов и оправдывавшими систему патриархально-феодальной эксплуатации народных масс.

Решения биев до II половины XIX века почти нигде не оформлялись письменно. Они находили отражение главным образом в фольклорных источниках. Со II половины XIX в. после вхождения в состав России приговоры суда бия записывались в кратких словах в особую книгу, а иногда оформлялись в виде письменного документа. Эти материалы, частично сохранившиеся, находятся в различных архивах Казахской и Узбекской ССР.

«Эреже». Это положение или руководящее постановление

¹ Цитируется по отчету капитана Давлетшина по командировке в Туркестанский край и степные области, СПб, 1901 г., стр. 19.

ние Чрезвычайного съезда биев. После принятия «Временного положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областями 1867 г.», «Положения об управлении Туркестанским краем 1886 года» на Чрезвычайных съездах биев одного или нескольких уездов, созываемых для разбора подсудных им уголовных и гражданских дел, вошло в практику, прежде чем начать разбор дела, выработать общие правила судопроизводства и материального права. Эти правила оформлялись письменно и подписывались всеми биями, участвовавшими в разборе дела на данном съезде. Они, носившие название «Эреже», имели силу закона для данного съезда. «Эреже» относится к письменному источнику права.

По повелению порядка составления «Эреже» Пален в своем отчете пишет, что «все прибывшие на съезд судьи прежде всего выбирают из своей среды председателя и товарища его, при этом в тех случаях, когда съезд образуется из судей различных уездов (междоуездный съезд) то председатель выбирается из судей одного уезда, а товарищ его — из другого. По исполнении этой очереди все судьи приступают к составлению «Эреже», т. е. сборника правил для руководства при предстоящем рассмотрении предъявленных съезду жалоб и претензий. В этих «Эреже» устанавливаются не только судопроизводственные правила, но и нормы материального обычного права как уголовного, так и гражданского»¹.

Чрезвычайный съезд биев созывался примерно один раз в год, а иногда по истечении нескольких лет. Съезд заседал месяцами и разбирал большое количество гражданских и уголовных дел, связанных с убийствами, барымтой, кражами, грабежами и т. д. Так, например, Чрезвычайный съезд биев Иссык-Кульского уезда заседал с 2 ноября по 9 декабря 1887 г., им было рассмотрено 386 дел².

Во многих «Эреже» более подробно излагались вопросы судопроизводства, гражданского и уголовного права. Так, «Эреже», выработанное на Токмакском съезде в 1893 г.³, состоит из 113 параграфов, где излагаются воп-

¹ Отчет сенатора К. К. Палена по ревизии Туркестанского края, 1908—1909 гг., СПб т. I стр. 49—50.

² ЦГА Казахской ССР, ф. 44, оп. 6, л. 3031, л. 140.

³ Типография Семиреченского областного правления, Верный, 1893 г.

росы о порядке судопроизводства и подсудности, о сроках давности уголовного преследования и видах и размерах наказания и т. д. «Эреже» Токмакского съезда до некоторой степени можно назвать «малым сводом обычного права».

«Эреже» служило руководством не только для биев данного Чрезвычайного съезда, но и для единоличных судов биев, для волостных съездов биев при решении ими гражданских и уголовных дел. «Эреже» являются важнейшим источником киргизского права во второй половине XIX и начале XX века. Нам кажется, что «Эреже» становятся источником права в Киргизстане не только после вхождения в состав России, и в более ранний период. «Эреже» носили характер соглашения между биями на их съезде для разрешения наиболее сложных дел. Однако эти соглашения раньше нигде не записывались, а поэтому для нас остаются недоступными. Только после вхождения в состав России «Эреже» составлялось письменно под непосредственным контролем чиновников царской администрации. «Эреже» — источник для изучения вопросов киргизского обычного права, находятся в архивах Казахстана и Узбекской ССР. К сожалению, они никем не изучены, не опубликованы, не систематизированы и не приведены в определенный порядок, не пущены в научный оборот. Тем не менее это весьма ценный источник киргизского права.

Таким образом источниками киргизского обычного права служат: а) адат (обычай), б) бийдин бүтүмү (практика суда биев) и «Эреже» (Положения).

Киргизское обычное право обслуживало патриархально-феодалные отношения и активно содействовало их укреплению. В киргизском обычном праве сохранились многочисленные пережитки патриархально-родовых обычаев (оч — кровная месть, кун — выкуп, барымта и т. д.), посредством их затемнялось сознание широких народных масс, что отвечало коренным интересам класса феодалов.

б) Действие шарната в Киргизии и его реакционная роль

Шарнат — арабское слово, означает закон. Под шарнатом подразумевается свод мусульманских религиозных, семейно-брачных, гражданских, уголовных и других

законов, разработанный на основе Корана — главного памятника наиболее реакционной религии — ислама.

Ислам возник в Аравии в VII веке в период феодализма. Господствующий класс Аравии использовал ислам для охраны и укрепления феодальных отношений, выгодных им. С помощью ислама беспощадно угнеталось и подавлялось феодально-зависимое население.

В Средней Азии, Казахстане и на Кавказе ислам первоначально насаждался арабскими завоевателями. Источниками шариата были: а) Коран, б) Сунна, в) Кыяс, Иджма¹.

Коран — священная книга мусульман, представляющая запись изречений основоположника исламской религии Мохаммеда (Магомеда). Коран разделяется на 114 сур (глав). Каждая глава, в свою очередь, делится на отдельные стихи — аяты. Между сурами и аятами нет ни логической связи, ни последовательности. Содержание глав часто не соответствует их названиям. Кроме того, в коране очень много неопределенных, противоречивых и запутанных догм. Это всегда играло на руку эксплуататорам, ибо во всех вопросах, затрагивающих интересы господствующих классов, шариат толковался с удобной феодалам точки зрения. Содержание Корана очень разнообразно. В нем содержится богословие, рассказы, поучения, наставления по поводу повседневной жизни, нормы материального, процессуального права и т. д.

Созданный в VII веке Коран позднее не мог отвечать всем требованиям развивающихся общественных отношений, и поэтому позже в дополнение к нему появилась сунна. Сунна — это предание об указаниях и действиях Махоммеда, переданное его сподвижниками своим ученикам и последователям для руководства. Сунна — сборник изречений Магомеда, не вошедших в коран и передававшихся устно. Сунна, являясь дополнением к корану, применялась тогда, когда в коране нет специальных указаний для решения тех или иных случаев практической жизни. Профессор Х. Сулайманова пишет: «В действительности сунна представляет собой результат законодательной деятельности стоявших у власти эксплуататорских классов, которые для закрепления и придания авторитета своему законодательству прикрывали его именем

¹ Юридический словарь, т. 2., М., 1956, «Шариат»; Т. М. Культеев, Уголовное обычное право казахов, Алма-Ата, 1955.

пророка»¹. Сунна имела силу закона наравне с кораном.

В дальнейшем сунна также не смогла отвечать новым требованиям. Тогда возник третий источник шариата — Иджма. Иджма — собрание признанных всеми мусульманскими юристами новых положений, т. е. мнение толкователей корана и сунны, признанных всеми мусульманами как закон. Конечно, эти новые положения принимались отнюдь не с согласия «всех мусульман». Правда, народ молчал, ибо не мог выступить против такого положения. Кто выступил против, тот наказывался жестоко как вероотступник. Молчание считалось знаком согласия. Иджма соответствовала духу корана и сунны.

Четвертым источником шариата признается Кыяс. Под кьясом подразумеваются решения, выводы, заключения, сделанные мусульманскими юристами-богословами по аналогии с кораном, сунной и иджмой. Исследователь Казахского уголовного обычного права Т. Культеев правильно отмечает, что по мере развития феодальных отношений и обострения классовой борьбы внутри страны первые три источника шариата перестали удовлетворять практическим потребностям господствующего класса и Кыяс становится наиболее действенным источником шариата².

В мусульманском мире толкованием законов занимались все представители духовенства, начиная от имамов³ и кончая рядовыми муллами. Каждый из них стремился приспособить правила корана и сунны к потребностям жизни, применить их в интересах господствующего класса, привилегированных слоев населения. В толковании законов различными авторитетами существовали многочисленные противоречия.

Таким образом, источником шариата были — коран, сунна, иджма, кьяс, содержащие предписания ислама и нормы светского законодательства. Следует отметить, что в шариате право и религия сливаются в одно понятие, право переплетено с религией. Отмечая переплетение феодального права с религией, Ф. Энгельс писал: «Средние века присоединили к богословию и подчинили

¹ Ученые записки юридического факультета САГУ, вып. II, Ташкент, 1956, стр. 12.

² Г. М. Культеев, Уголовное обычное право казахов, Алма-Ата, 1955 г., стр. 124.

³ Имам — высший духовный сан у мусульман.

ему все прочие формы идеологии: философию, политику и юриспруденцию»¹.

Многие буржуазные исследователи мусульманского права считали, что у всех народов, принявших исламскую религию, существует только норма шариата. Они признавали шариат основным и единственным источником права народов мусульманского Востока, в том числе киргизов, отрицали существование обычного права. Так, например, известный исследователь мусульманского права Н. Торнау писал: «Во всех мусульманских странах для последователей учения ислама действует и имеет законную силу одно право: право шариата... действие особого, обычного права, при существовании шариата, недопустимо...»². Такую же точку зрения поддерживал И. П. Остроумов³. Такие утверждения были подхвачены панисламистами, пантюркистами для пропаганды своих идей об «единой вере», «единой культуре», «едином правосознании народов мусульманского Востока».

В противовес всем этим взглядам шариат фактически был только одним из источников права дореволюционной Киргизии. Он, получив распространение в основном в период господства Кокандского ханства (первая половина XIX в.), оказывал значительное влияние на киргизское обычное право, однако не имел такого большого практического применения, как обычное право.

Однако в первой половине XIX в. в Киргизии роль и значение шариата в киргизском праве постепенно возрастает, в отдельных местностях некоторые нормы шариата начинают переплетаться с нормами обычного права. Киргизские феодалы наряду с обычным правом стали использовать и шариат как орудие укрепления своей власти. Но роль и значение шариата в Киргизии не следует переоценивать, тем более, что со второй половины XIX в. на территории Киргизии начинают действовать законы Российской империи.

Ислам и основанный на его догмах шариат являлись

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 674—675.

² Н. Торнау, Особенности мусульманского права, СПб, 1892 г., стр. 7.

³ И. П. Остроумов, Мусульманское законоведение, «Туркестанские ведомости», № 29, 1909 г.

орудием не только в руках киргизской знати, но и служил интересам Кокандского ханства в его агрессивной политике по отношению к Киргизии.

При помощи шариата эксплуататорский класс отравлял сознание трудящихся масс религиозным дурманом. Каждая феодальная группа представляла перед народом своего противника как «вероотступника», с которым можно безжалостно поступить во имя торжества веры. Так, шариат использовался феодалами для ведения междоусобных войн, для разжигания вражды между народами.

Под влиянием шариата существенные изменения произошли в институте присяги. Если по древним нормам киргизского обычного права местом для принятия присяги бывали могилы предков или какое-либо «священное» место — гора, озеро, горячий источник и другие, которое могло подействовать на воображение верующих людей, то под влиянием шариата основным способом присяги у киргизов стало целование корана по указанию муллы.

Под влиянием шариата значительно расширился в киргизском праве круг действий, признаваемых преступлениями против религии. Вообще перед Октябрьской революцией в киргизском праве почти не применялись «в чистом виде» нормы обычного права и норма шариата, они переплетались между собой.

Нормы шариата в киргизском праве наиболее широко применялись в области семейно-брачных отношений и в делах, связанных с преступлениями против религии.

С точки зрения шариата, истинной причиной всего совершающегося является деятельность бога-творца, «правителя вселенной, а высшим законодателем — сам аллах». Шариат был призван внушать неграмотным массам представление о мнимой «вечности» и «незыблительности» порядков, установленных феодалами. Богатство и бедность — веление аллаха, проповедует шариат. Шариат внедрял в сознание людей идеи о естественности существующих порядков. Он звал массы к отказу от борьбы за улучшение их материального положения, призывал народ примириться с гнетом и эксплуатацией, обещая потустороннюю лучшую жизнь. Шариат пытался обосновать бессилие человека перед богом. Догмы

шариата прививали угнетенному народу темноту и невежество, разжигали мусульманский фанатизм, защищали феодальные порядки и укрепляли власть эксплуататоров.

Шариат, основанный на правилах ислама (корана), являлся еще более реакционным, более тягостным для народных масс, чем феодальное обычное право. Нормы шариата отличались от норм обычного права своей бессмысленной жестокостью и изуверством. Суд по шариату открывал большие возможности для всякого рода злоупотреблений, вымогательств и взяточничества, чем суд по обычному праву. Это объясняется тем, что нормы обычного права более или менее были известны народу, в то время как знание «правил шариата» было исключительно привилегией и монополией муллы. Пользуясь тем, что народ имел слабое представление о мусульманском праве, что нормы шариата были вообще крайне запутаны, муллы по своему произволу решали дела, толкуя как им заблагорассудится «закон Мухаммеда».

Таким образом, шариат был одним из источников действовавшего права в Киргизии в дореволюционный период. Он оказал известное влияние на киргизское обычное право, в отдельных случаях произошло некоторое переплетение норм шариата с нормами обычного права. Это поддерживалось и поощрялось киргизской феодальной знатью, так как шариат служил закреплению патриархально-феодальных отношений. ✓

в), Распространение законодательства Российской империи в Киргизии.

Во второй половине XIX века с вхождением Киргизии в состав России произошло значительное изменение в экономике киргизского общества. Эти изменения получили свое отражение в отдельных нормах обычного права. Они были связаны с возникновением и развитием элементов капиталистической системы хозяйства, с развитием товарно-денежных отношений в Киргизии. В гражданско-правовых нормах обычного права появились нормы, регулирующие новые виды договоров (ссуда денег, задаток, проценты).

В частности, в Киргизии получил особое развитие договор ссуды. Обычно русские купцы выдавали денежные ссуды киргизским баям, которые по истечении уста-

новленного срока возвращали их скотом по заранее определенной цене.

В киргизском обычном праве появляются новые нормы, регулирующие земельные отношения, дальнейшее развитие получает семейное, наследственное и уголовное право. Царское правительство, считая для себя не выгодным ломать обычно правовые нормы киргизов, регулирующие господствующие патриархально-феодальные отношения, старалось лишь приспособить действующие в Киргизии обычно правовые нормы для осуществления своей колониальной политики.

Исходя из этого соображения, царское правительство официально признало киргизское обычное право одним из источников действующего права в Киргизии. Царское правительство в ряде своих законодательных актов, в частности во «Временном положении об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областями 1867 г.» (§ 181), «Положении об управлении Туркестанским краем 1886 г.» (ст. 208) и в других актах, санкционировало киргизское обычное право для разрешения дел в судах биев.

Царское правительство, санкционируя киргизское обычное право изданием специальных законов, в то же время распространяло на территории Киргизии отдельные общенеперские законы, тем самым ограничивая, а в некоторых случаях отменяя действие киргизского обычного права. Так, например, «Временным правилом от 2 июня 1898 г.» на территории Степных областей и Туркестанского края было распространено действие судебных уставов 1864 года¹.

К общенеперским законам относились все те законы, которые издавались для всей империи и, следовательно, распространялись на территории колоний, в том числе на территорию Киргизии. Общенеперские законы дополнялись и уточнялись указами сената, военного министерства, министерства внутренних дел, приказами генерал-губернатора и военных губернаторов. Посредством применения этих законов царское правительство имело возможность осуществлять жестокие репрессии в отношении киргизского народа. Царское правительство намеренно распространяло на киргизов наиболее реакционные законы. Дело в том, что в конце XIX века усили-

¹ ЦГА Казахской ССР, ф. 77, оп. 1, д. 219, л. 32.

лось сопротивление киргизского трудового народа колониальной политике. В связи с этим царизм широко применял каторжные работы, телесные наказания и ссылку в Сибирь.

Таким образом, источниками права в Киргизии дореволюционного периода были — обычное право, шариат и законодательство царской России, причем под действием последнего нормы обычного права ограничивались и вытеснялись.

§ 4. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ПРАВА ДЕРЕВОЛЮЦИОННОГО КИРГИЗСТАНА

а) Гражданское право.

Гражданское право дореволюционного Киргизстана по своей сущности являлось феодалным правом, регулирующим имущественные отношения в интересах эксплуататорских классов, закрепляющим господство светских и духовных феодалов и зависимое положение букары. Оно исходило из принципов священности и неприкосновенности частной собственности, деления граждан на привилегированных и непривилегированных, их фактического и юридического неравенства по имущественному состоянию, по полу, по принадлежности к той или иной национальности и вере. Оно было неодинаковым для феодалов и для феодально-зависимого населения, устанавливало для эксплуататоров права, а для трудящихся — обязанности. Оно, маскируясь пережитками патриархально-родового быта, устанавливало и закрепляло эксплуатацию человека человеком, стояло на страже защиты интересов эксплуататоров — манайов, баев, биев и духовенства.

Источниками гражданского права дореволюционного Киргизстана, как отметили выше, являлись: обычное право, шариат и законодательство царской России. Основные моменты гражданского права дореволюционного Киргизстана и отдельные его институты не были систематизированы, не были обобщены, классифицированы. Гражданское право не было кодифицировано. Бии, при рассмотрении дел, руководствуясь многочисленными обычаями, местами противоречивыми, а также приспособленным к местным обычаям шариатом, фактически произвольно выносили решения по гражданским делам.

Понятие гражданского правоотношения в дореволюционном Киргизстане охватывало почти все гражданско-правовые действия, совершаемые в среде населения. В качестве субъекта гражданских правоотношений выступали в основном физические лица (граждане), которые не были одинаково правоспособными и дееспособными. Правоспособность и дееспособность определялись по признаку имущественного положения, пола и вероисповедания.

Так, женщина была лишена всех политических прав, следовательно, она была ограничена и в гражданских правах, лишена была самостоятельности в гражданских правовых отношениях. Дееспособность замужней женщины осуществлялась мужем, а в случае его смерти — взрослыми сыновьями или другими родственниками из числа лиц мужского пола. Девушки вообще не имели права вступать в гражданские правоотношения.

Полной правоспособностью и дееспособностью обладали эксплуататоры, манайы, баи, бии и духовенство. Они имели неограниченное право собственности на пастбищные земли, на заключение всяких договоров, неограниченное право на наем рабочей силы и т. д. Основная часть населения — трудящиеся (букара) фактически была лишена основных имущественных и личных прав. Они имели право лишь на несколько голов мелкого скота, ободранную юрту, домашнюю утварь и одежду.

Объектом права являлись вещи и действия других лиц. Вещи подразделялись на движимые и недвижимые, на делимые и неделимые, на главную вещь и принадлежность, на дозволенные к употреблению (адал) и недозволенные к употреблению (арам). Личными правами неимущественного характера являлись право на имя (аты), под которым подразумевалось не фамилия, а имя собственное и имя отца, право на честь (намыс), которое гарантировалось в основном представителям имущих классов.

Право собственности. В дореволюционном Киргизстане основой производственных отношений была частная собственность. Частная собственность на главные средства производства — землю и на средства производства — скот являлась основой экономического и политического господства феодалов. Несмотря на то, что

шариат всю землю объявлял божественной, принадлежащей всем, царское правительство объявляло всю землю собственностью государства. Фактически в дореволюционном Киргизстане землей распоряжались светские и духовные феодалы на правах частной собственности. Другой формой собственности у киргизов — была частная собственность на скот. Возникновение частной собственности на скот относится к глубокой древности.

Скот представлял собой основное богатство киргизов и был для них главным источником существования. Имущественное положение киргизов прежде всего определялось численностью скота. Скот способствовал присвоению прибавочного продукта труда, усилению личной зависимости непосредственных производителей от феодалов.

Конечно, скот не был распределен равномерно между членами аильной общины. В собственности одной семьи имелось больше скота, у другой меньше, а у третьей — его совсем не было.

Скот — мал у киргизов являлся источником богатства. Все имущественные отношения основывались на малом — скот и мулк — имуществе.

Способами возникновения права на имущество были: договор купли-продажи, находка, дарение и наследование.

Право частной собственности защищалось государством и самими собственниками. В случаях нарушения права собственности оно могло восстанавливаться бием по жалобе потерпевшего. При этом требование собственника не могло быть отклонено по мотивам пропуска срока исковой давности, ибо такого института право дореволюционного Киргизстана не знало. В случае нарушения права собственности все зависело от бия. Он мог дать делу ход или прекратить его.

Обязательственное право. Содержание обязательства включает в себя право на одной стороне и обязанность на другой стороне или права и обязанности на стороне каждого участника правоотношения, например права и обязанности покупателя, продавца, нанимателя.

В киргизском обычном праве не существовало общего учения об обязательствах. Однако это не значит, что вообще не существовало обязательств.

Основаниями возникновения обязательства были — договоры, причинение вреда и неосновательное обогащение. Примером обязательства, возникающего из неосновательного обогащения, является обязательство возвратить полученное вследствие заблуждения или обмана.

В основном обязательство возникало из договоров. В киргизском праве понятие договора и понятие сделки сливалось. Оба понятия обозначались одним термином — келишим.

Договоры (келишим) делились на договоры, заключаемые в соответствии с шариатом и протившариатные (законные и противозаконные), совершенные по доброй воле (ыктыярдуу) совершающего лица и без таковой, совершенные дееспособными и недееспособными лицами. Как правило, для действительности договора по содержанию требовалось, чтобы он был заключен в соответствии с обычаем и шариатом, по взаимному согласию договаривающихся и притом дееспособными лицами. Однако эти требования фактически не всегда соблюдались. Часто имело место заключение договора под влиянием обмана (при купле-продаже), крайней нужды (при займе).

Предметом договора могло быть всякое имущество или действие, кроме признанных по шариату как арам (недозволенные к употреблению). Так, например, недействительными признавались договоры по купле-продаже спиртных напитков, свиного мяса, кожи и другие. Участники договора могли включить в сделку по обоюдному согласию и по их усмотрению условия о сроке, о платеже, об обеспечении обязательства и т. д.

Средствами обеспечения договоров являлись: задаток (секелет), залог (салым), поручительство (кепилдик). Поручительство имело два вида. Поручительство за человека, т. е. за действие человека, и за имущество. В первом случае поручитель обязуется исполнить сам те действия, от исполнения которого уклонился ответчик. Во втором случае поручитель обязуется в случае уклонения должника сам удовлетворить кредитора своим имуществом. В этом отношении у киргизов существовала поговорка: «Эрге кепил өлөт. Малга кепил төлөйт» (поручитель за человека позорится, за скот уплатит).

Поручителями могли быть дееспособные лица мужского пола, обладающие собственностью. Объектом за-

лога мог быть мал или мулк, а иногда личность самого должника и членов его семьи. Предметом задатка могли быть скот, деньги, вещи, кроме признанных как арам.

Договоры заключались устно, просто посредством словесного обещания, или облекались в более торжественную форму посредством присяги, или же заключались при свидетелях. Словесные договоры юридической силы не имели, и неисполнение своего слова или обещания считалось делом бесчестным, недостойным порядочного человека, т. е. договоры опирались на моральные факторы. «Убадасы жокто иман жок», т. е. «кто не сдержит свое слово, у того нет совести». Участники договоров почти всегда придерживались взятых на себя обязательств, ибо последствия нарушения обязательств по договорам рассматривались как отказ от своего слова, который мог повлечь за собой публичное обвинение в нечестности, чего в особенности боялась трудящаяся часть населения.

Заключение письменных договоров иногда практиковалось в основном в кругу крупных феодалов, многие из которых имели своих мулл. Письменные договоры заключались особенно при купле-продаже и хранении, когда участвовали иноземные купцы.

Договоры могли совершаться и через представителей (окул). В отношении малолетних, несовершеннолетних, душевнобольных и женщин представителями являлись их отцы, дети и близкие родственники мужского пола, а также лица, назначенные бием в качестве представителя.

Киргизское право предусматривало небольшое число видов договоров: купли-продажи, хранения, ссуды, дарения, имущественного и личного найма.

Договор купли-продажи (сатып алуу-сатуу), как наиболее широко применявшийся договор в дореволюционном Киргизстане, являлся одним из важнейших факторов экономической жизни страны. Он служил целям экономической связи села с городом, производителей продукции с потребителем. Договор купли-продажи считался заключенным, когда стороны подали руки и произнесли ряд установленных слов и покупатель уплатил деньги или передал условленный скот. При совершении купли-продажи присутствие свидете-

лей было не обязательно. В дореволюционном Киргизстане была более развита базарная торговля по сравнению с магазинной.

Объектом договора купли-продажи являлись в основном скот, предметы домашнего обихода и личного потребления. Предметом договора являлись только такие вещи, которые могли быть осмотрены, измерены или пересчитаны, переданы из рук в руки. При заключении и исполнении договора продавец должен был указать на недостатки продаваемого товара. В случае обнаружения у купленного скота или вещи недостатка; не объявленного при продаже, покупатель мог требовать расторжения договора.

Мена (алмашуу). Договор мены рассматривался как разновидность договора купли-продажи. Он у киргизов был очень развит. Этот договор широко применялся в отношениях между ремесленниками и скотоводами (кочевниками). Участниками этих договоров были и торговцы, разъезжавшие с различными товарами по айлам. Предметом договора являлись ткани, ювелирные изделия, предметы домашнего обихода, поставляемые ремесленниками и купцами, скот, кожа и шерсть, поставляемые кочевниками-скотоводами.

Договор мены оформлялся устно путем обмена.

Своеобразной формой договора мены был тартуу (приношение). Тем или иным лицам, прежде всего состоятельным, делались тартуу (приношения): хороший скакун, ценный мех, искусно изготовленные ремесленные и ювелирные изделия, хорошо сшитые одежда и обувь и т. д. — с целью получить взамен другую нужную вещь или скот. Лицо, получившее тартуу, должно было отдать приносившему тартуу то, что он просит. При этом, конечно, учитывались — качество, количество и ценность тартуу. Прав К. Усенбаев, который пишет, что «ввиду отсутствия внутреннего рынка путем тартуу или другими видами обмена киргизский ремесленник мог реализовать свои изделия»¹.

Наем (джалдоо). Этот договор охватывал как имущественный, так и личный наем. Киргизское право

¹ К. Усенбаев, Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства, Фрунзе, 1961, стр. 85.

знает оба вида найма. Предметом договора имущественного найма был скот. Предметом договора личного найма у киргизов был наем слуг для пастьбы скота, полевых работ и домашних услуг. Обычно срок найма был годовым. Слуги получали часть платы вперед (обычно половину условленной платы). Отношения между нанимателем и слугами носили следы патриархальных отношений. Наниматель мог бранить и бить слугу. Слуга, бранивший или бивший своего хозяина, подвергался айыпу. В конце XIX века с проникновением зачатков капиталистических производственных отношений договор найма получает свое дальнейшее развитие. Растет численность промышленных и сельскохозяйственных наемных рабочих. Так, например, в 1913 году в Южной Киргизии насчитывалось 2939 годовых и 567 сезонных сельскохозяйственных рабочих (только в киргизских районах), в Северной Киргизии — 5636 годовых и 662 сезонных сельскохозяйственных рабочих¹.

Так развивалось число наемных рабочих. Шел процесс формирования рабочего класса в Киргизии.

Заем (карыз). Этот договор охватывал весьма различные по экономической и социальной сущности отношения. Заем возникал из отношения между лицами, когда в повседневном быту что-либо «одалживалось», без обязательств уплатить проценты за пользование предметом займа (бытовой заем) и из других правовых отношений: например купли-продажи в кредит или в рассрочку, из отношений по найму и т. д. Договор займа бывал без процентов и с процентами. Договор займа с процентами использовался, особенно в период Кокандского господства, ростовщиками в целях извлечения прибылей. Кеден, не имея возможности сразу уплатить при покупке, обращались к суткорам-ростовщикам, брали в долг деньги под большие проценты, заключали кабальные сделки.

Ссуда (көтөрмөгө беруу). Договор ссуды практиковался преимущественно по отношению к скоту. Богатый киргиз, манап давал беднякам скот для езды, для удоя, для перекочевков, с условием возвращения его. За ссуды проценты или вознаграждения не получали. Толь-

ко в случае потери или истощения ссудодатель мог требовать стоимость полноценного скота.

Хранение (аманат). Этот договор носил черты дружеской услуги. Вещи отдавались на хранение или родственникам или лицам, известным своей честностью. Наличие свидетелей было не обязательно. Вещи, отданные на хранение, должны были быть возвращены их владельцу при первом требовании. Виновные в злостной растрате или продаже отданных на хранение вещей возмещали полную стоимость и платили айып (штраф). Если вещи, отданные на хранение, погибли вследствие стихийного бедствия, то хранитель освобождался от ответственности. За хранение плата не вносилась. Своеобразной формой хранения являлся белек. Белек — передаваемый через кого-то подарок.

Дарение (сыйлык). У киргизов дарение было весьма распространенным институтом. Всякий торжественный случай обязательно сопровождался подарками. Дарение широко применялось между друзьями. Киргизы дружили иногда только с целью обмена подарками. Такая дружба называлась достамыр (побратимство). Достамыр (побратимство) заключался посредством объятий грудью. Друзья должны были всегда друг другу помогать. Дос может взять у доса без спроса все что ему угодно, и никаких расчетов между друзьями не полагалось. Достамыр переходил по наследству.

В обязательном праве киргизов существовал особый институт сүйүнчү. Это — обязанность уплатить подарок за хорошее известие. Сүйүнчү платили, когда извещают о каком-нибудь радостном событии — о рождении ребенка, особенно сына, о возвращении пропавшего имущества, поимке и уличении вора и т. д. Размер сүйүнчү зависел от важности доставленного известия или действия в пользу данного лица, а также от его щедрости. Сүйүнчү нигде не был записан, являлся моральной обязанностью, ставшей традицией киргизского общества.

б) Брачное и семейное право.

Семейное право дореволюционного Киргизстана отражало в себе общественно-правовые отношения, присущие феодализму. Оно исходило из господства частной собственности, эксплуатации человека человеком, нера-

¹ Рукописные фонды АН Киргизской ССР, инв. № 21.

венства полов, господства мужа над женой и отцовской власти над всеми членами семьи (пережиток патриархата).

Брачно-семейные отношения киргизов преимущественно регулировались нормами шариата и отчасти правилами адата (обычая).

Правовые нормы шариата и адата, регулировавшие область брачно-семейных отношений, закрепляли рабское положение женщины в обществе и в семье. Догмы шариата утверждали, что женщина—существо низшее с ограниченными физическими и умственными способностями. Женщина была лишена всяких прав, жестоко эксплуатировалась физически и духовно угнеталась, была лишена права на светское образование, пребывала в плену религиозных суеверий. Женщина была лишена права принимать участие в брачном договоре. Ее выдавал замуж отец, брат или кто-нибудь из родственников, выполняющих обязанность опекуна. Невесту лишь ставили в известность, что ее выдают замуж, часто даже не говоря, кто ее жених. Протест, ее несогласие на вступление в брак рассматривались как нарушение адата. Никаких юридических актов о браке не существовало. Ограничивались обрядом религиозного бракосочетания, совершаемым муллоу.

Заключение брака по киргизскому праву не имело своей определенной установленной системы, сопровождалось разными обрядами. По шариату совершеннолетними для вступления в брак считались мальчики 12 лет и девочки 9 лет. У киргизов совершеннолетними считались девочки 13—15 лет, юноши 16—18 лет¹.

Брак состоял из нескольких этапов: сватовство (куда түшүү), уплата выкупа за невесту (калым), венчание (нике кью). Сватовство—это первоначальное соглашение между родителями жениха и невесты о женитьбе, о размере калыма. Это формальное предложение делалось через почетных сватов (кудалар), причем сватами делались подарки отцу невесты. Отказ от сватовства считался тяжким оскорблением для стороны жениха и служил часто причиной продолжительной групповой вражды. В период договора сватовства жених и невеста могли находиться еще в колыбели. Такое

¹ А. Джумагулов, Семья и брак у киргизов Чуйской долины, Фрунзе, 1960, стр. 33.

раннее сватовство вызывалось побуждениями породниться с влиятельными, авторитетными семьями и получить калым.

Между сватовством и венчанием проходило определенное, иногда длительное время. За это время жених должен был уплатить выкуп за невесту (калым). Калым переходил в непосредственное распоряжение отца или опекуна невесты на правах частной собственности. Размер калыма был различным. Он зависел от социального положения, от состоятельности жениха и невесты и их родителей, а также от достоинства невесты.

После уплаты калыма, в случае смерти жениха невеста переходила к одному из его братьев, близкому родственнику, а в случае смерти невесты за жениха отдавали ее младшую сестру. Брак завершался венчанием (нике-кью), обычно сопровождаемым тоем (праздником), широкой оглаской.

При венчании мулла или грамотный человек в присутствии людей, прочитав молитву, передавал сначала жениху, затем невесте пиалу с водой, при этом мулла спрашивал: туттуңбу? (согласны?). Жених и невеста, глотнув воды из пиалы, должны были отвечать: туттум (согласны). Невеста, идущая к браку не по своей воле, не всегда отвечала положительно. Поэтому молчание невесты, ее насмешливая улыбка или даже тихий плач могли быть приняты за согласие на вступление в брак.

Брачные должны были быть равными друг другу по имущественному состоянию, по происхождению и по званию. Возраст и состояние здоровья при определении такого равенства во внимание не принимались. Мужчина из бедной семьи, какие бы не были у него личные качества, не мог жениться на богатой невесте.

Жених без родственников или имеющий недостаточное имущество для уплаты калыма переходил к тестю, что для жениха было унижительным. Таких женихов называли куч күйөө.

Препятствием для вступления в брак служили: близкая родственная связь по мужской линии (ближе семи степеней), различие в вероисповедании¹, психическая или другая неизлечимая болезнь, неравенство в проис-

¹ У киргизов мужчины могли жениться на невесте другой веры, так как считалось, что влияние мужа будет способствовать вовлечению еще одной новообращенной в ряды правоверных, а женщинам вообще запрещалось выходить замуж за человека другой веры.

хождении, социальном положении, имущественном состоянии. По шарнату киргиз мог иметь законно до четырех жен, однако это в киргизском праве не соблюдалось. Представители имущих классов были в состоянии платить калым для «приобретения» нескольких жен, даже больше четырех. Увлечение богатых многоженством имело двойную подоплеку: с одной стороны, для удовлетворения их извращенных половых страстей, с другой, — для умножения даровой рабочей силы в своем хозяйстве.

Бедняки, не имея возможности уплатить калым, с трудом могли жениться один раз, причем в более старшем возрасте. Им приходилось очень долго трудиться, испытывать большие лишения, чтобы жениться.

В бедных семьях бесправие женщин проявлялось слабее, чем у богатых, не подчеркивалось резко неравенство полов, было сильнее естественное проявление любви, уважение друг к другу. Тем не менее даже бедняк, будучи привязан к своей одной жене, не мог преступить норм шарната и адата.

Отношения между супругами у киргизов характеризовались наличием сильных пережитков патриархальных отношений. Жена находилась на положении вещи, объекта собственности мужа, не имела никаких имущественных прав.

Жена должна была находиться в полном повиновении у мужа и выполнять все его требования и приказания. Муж имел право наказывать свою жену.

Брак прекращался разводом и смертью. Причиной развода являлись: бездетность, прелюбодеяние, неспособность к брачному сожителству, длительная разлука, смерть. Правом на развод пользовались только мужчины. Мужу, пожелавшему развестись с женой, стоило только сказать слово талак (развод), и брачный союз между супругами без всякого юридического оформления считался расторгнутым. Шарнат установил много правил о разновидностях талака. Для окончательного развода муж должен произнести трижды талак (уч талак). Талак совершался на собрании аксакалов в каждом айле. Аксакалы как знатоки адата мирили спорящие стороны, давали советы членам своего айла, частично судили. Отношение между родителями и детьми определялись тем, что отец, глава семьи, пользовался

неограниченной властью над своими детьми. В случае убийства детей виновные не подвергались наказанию. Дети не имели права противостоять своим родителям. Отец имел право продавать своих детей, подарить свою дочь постороннему, выдавать своих дочерей замуж против их воли. Дети обязаны были содержать своих родителей и во всем их слушаться. У киргизов отец к дочерям относился более снисходительно, вежливо, обычно распорядился через мать, ибо дочь считалась членом семьи временно — кыз конок. После замужества девушка переходила под власть мужа.

По киргизскому праву после смерти отца устанавливалась опека над несовершеннолетними детьми. После отца опекуном, конечно, являлась мать. Однако, если она выходила замуж за родственника мужа, то следовательно, он считался опекуном. В случае отказа матери выходить замуж за родственника мужа и выхода за другого детей отдавали на попечение ближайших родственников. Опекун отвечал за имущество и за воспитание опекаемых. По достижении совершеннолетия (бойго жеткенде) опекун отвечал перед опекаемым по поводу расхода имущества.

Усыновление (асырап алуу).

Киргизскому праву было известно усыновление, которое производилось при свидетелях и сопровождалось обрядами. В киргизском эпосе «Манас», имеющем мировую известность, красочно рассказывается об усыновлении родителями Манаса будущего его сподвижника Алмамбета¹. На этом примере можно хорошо проанализировать и установить порядок усыновления у киргизов.

Акт усыновления совершался в присутствии сородичей и сопровождался обрядом, заключавшемся в том, что приемная мать усыновляемого дает пососать свою грудь усыновляемому. Так приемный ребенок становится молочным братом родного сына. Обычно усыновляли сыновей. Усыновление происходило как в младенческом, так и старшем возрасте, примерно до 15 лет. Усынов-

¹ Труды Института языка, литературы и истории, Кир. ФАН СССР, вып. II, Фрунзе, 1948 г.

ленному давали новое имя, и он принимал имя приемного отца.

Усыновленный приравнивался родному сыну и пользовался всеми его правами.

Наследственное право (мураздоо). Основанием открытия наследства является смерть главы семьи. Все оставшееся после умершего имущество доставалось не выделенным сыновьям, обычно младшему сыну. Отец при жизни старался женить старших сыновей и наделить их известным количеством скота, юртой и домашней утварью, так называемой энчи (доля). Но если он не успел выделить своих сыновей, то имущество переходило в распоряжение его брата (если дети малолетние) или к старшему сыну. Если же возникала необходимость отделения братьев, то они семейную собственность делили между собой, при этом доля каждого из них определялась по договоренности или по усмотрению старших.

В киргизском праве известны наследование по закону и по завещанию. Законными наследниками считались жена, дети, близкие родственники.

В случае отсутствия наследников из мужчин наследство получали дочери (их мужья). Если после умершего оставалась единственная его незамужняя дочь, то она, наследуя все имущество, должна была выбирать между близкими родственниками опекуна, так как женщина не имела права вступать в имущественные отношения. При выходе замуж опекун получал в свою пользу калым, а имущество ее отца делилось между родственниками.

Киргизское право знает наследование по завещанию (керез менен калтыруу). В отдельных случаях киргизы перед смертью распоряжаются, завещают (керезин айтып) по своему усмотрению часть имущества или определенную вещь передать постороннему. Такое распоряжение внешне носило форму дарения. Но оно отличалось от дарения тем, что вещь переходила третьему лицу после смерти завещателя. Глава семьи, оставшийся после смерти отца, был обязан обязательно выполнять завещания и передать вещь. Завещания делались устно, обычно при свидетелях. Исполнителями завещания являлись сын, брат и близкие родственники наследодателя. Завещание мог отменить только сам насле-

додатель при своей жизни. Завещание признавалось недействительным в случае гибели имущества (мал или же мулк) или смерти наследника, наступившей раньше смерти завещателя.

По киргизскому праву при наследовании младший сын находился в более благоприятном положении, так как он наследовал юрту и все оставленное отцом мал и мулк.

в) Уголовное право.

Для уголовного права киргизов, как права феодализма, характерна система голого насилия, формальное и фактическое неравенство различных социальных слоев перед законом. Однако классовая природа киргизского феодального права была завуалирована многочисленными пережитками патриархально-родового быта. Так, по нормам киргизского обычного права преступлением формально признавалось причинение материального и морального ущерба потерпевшему или его сородичам. Фактически преступлением признавалось общественно-опасное с точки зрения господствующего класса деяние.

У киргизов понятие преступления слабо отличалось от понятия гражданского правонарушения. Потерпевший назывался истцом, а преступник ответчиком. Последствия, явившиеся результатом как преступных действий, так и гражданских правонарушений, назывались зьян (вред).

Киргизское право различало общественно опасные (наказуемые деяния) от общественно не опасных (ненаказуемых) действий. Различные объекты преступных посягательств, исходя из классовой природы данного объекта, оценивались и защищались не одинаково. Наиболее тяжким преступлением (өтө оор кылмыш) считались посягательства на личность, честь и достоинство манапов, биев, родовых старшин, также против главы семьи. Понятие посягательств против манапов и биев по существу означало действие, направленное против их политического господства. Измена своему манапу, дезертирство с поля сражения считалось тяжким преступлением. Это говорит о том, что у киргизов существовало понятие политического преступления.

В киргизском обществе иногда уголовный характер

преступления строго не разграничивается от нарушений религиозных предписаний. Киргизы считали, что человек, совершивший преступление (кылмыш), вместе с тем совершает грех (күнө), т. е. совершает противобожественный поступок, или, наоборот, противобожественный поступок зачастую рассматривался как преступление.

Смещение юридического понятия преступления с религиозными представлениями вполне соответствовало интересам господствующего класса феодалов, использовавшего религию как свою опору для удержания трудового народа в повиновении, темноте и невежестве. Однако из этого не следует делать заключения, что киргизы вовсе не различали общественно опасных действий от безразличных и противорелигиозных поступков. «Народ отличает, — писал Н. И. Гродеков, — дурной поступок от греха»¹.

Киргизское уголовное право знало две формы вины: умышленную (карасанатайлык) и неумышленную (байкабастык). Преступление, совершенное умышленно, признавалось более тяжким, чем преступление, совершенное по неосторожности.

Киргизское обычное право не знало точно определенного возраста, с которого виновный мог быть привлечен к уголовной ответственности. Но обычно этот возраст определялся в 13—15 лет. В. Тронов писал, что «малолетние, не достигшие 15 лет, взысканию не подвергаются и не считаются преступниками»²: Киргизскому обычному праву известна необходимая оборона (аргасыз коргонуу) и крайняя необходимость (өтө зарылдыктан). Так, например, принудительное взятие лошади для преследования воров, когда владелец лошади отказывался дать ее добровольно,

Угроза, подготовка преступления, как правило, не влекли за собой уголовной ответственности.

Покушение на преступление влекло за собой уголовную ответственность только в том случае, если оно предполагало тяжкое преступление, например, убийство.

При совершении преступления в соучастии привлекались к уголовной ответственности главным образом ис-

¹ Н. И. Гродеков. Киргизы, Кара-киргизы Сыр-Дарьинской обл., т. I, (юридический быт), Ташкент, 1889 г., стр. 141.

² В. Т р о н о в, Обычай и обычное право киргизов, Записки ИРГО по отделам этнографии, т. XVII, вып. II, СПб, 1891 г., стр. 76.

полнители. Это было выгодно киргизской феодальной знати, так как манапы, баи и бии нередко являлись организаторами, подстрекателями и пособниками разного рода преступлений. Некоторые из них открыто содержали людей, которых использовали для воровства и тому подобных преступных действий. Представители феодальной верхушки не привлекались к ответственности как второстепенные лица, непосредственно не принимавшие участие в преступлении, хотя хорошо знали о нем. Они не привлекались к ответственности и за попустительство, так как по киргизскому праву умолчание о совершенных преступных деяниях не считалось преступлением.

Виды преступления. I. Преступления против личности.

Киргизское право, как часть феодальной надстройки, обеспечивало охрану личности представителей господствующего класса — феодалов. Личность киргизских трудящихся фактически не охранялась. Положение непосредственных производителей: кедей, малай, джатакчи и других не отличалось от крепостных крестьян, власть феодалов в отношении их была неограниченной. Личность феодала защищалась лучше, чем личность букары. Многие преступные действия, направленные против жизни, здоровья, чести и достоинства трудящихся масс и женщин, не считались преступлениями и не влекли за собой никакого наказания. Так, оскорбления, побои, незаконное лишение свободы и другие произвольные действия киргизских феодалов по обычному праву не считались преступлениями. Личность представителей феодальной знати ставилась на первом месте. За посягательство на жизнь, здоровье и честь киргизских феодалов предусматривались повышенные наказания.

По киргизскому праву известны следующие виды преступлений против личности: 1. Убийство. 2. Телесное повреждение. 3. Оскорбление.

Убийство. Киргизское право делит убийства на наказуемые и ненаказуемые. До второй половины XIX века ненаказуемыми убийствами считались: убийство родителями своих детей, мужем своей жены и ее любовника, уличенных в прелюбодеянии, убийство вора, разбойника, убийцы, застигнутого на месте преступления, и др. Киргизское обычное право различает убийство по злому умы-

слу и убийство по неосторожности. Последнее влекло меньшее наказание. По характеру защищаемого объекта различалось: убийство при отягчающих вину обстоятельствах, при смягчающих вину обстоятельствах, обыкновенное убийство. К убийствам при отягчающих обстоятельствах относились: убийство «почетных людей», родителей, мужа женою, беременной женщины. Обстоятельствами, облегчающими вину являлись: убийство манапами рядовых членов общества¹, убийство, совершенное во время гнева, вызванного действиями самого потерпевшего, жены мужем.

В киргизском обществе самыми распространенными были убийства на почве мести и феодальных междоусобиц. Убийство на почве мести возникало в результате споров из-за пастбища, кражи, оскорблений манапов. Мсть зачастую превращалась в длительную феодальную междоусобицу.

По нормам обычного права за убийство полагалась смертная казнь, однако с согласия родственников убитого допускалась замена смертной казни кун (выкуп). Для тех, кто не в состоянии был уплатить кун, разрешалась замена смертной казни отдачей виновного или его родственников в рабство.

В киргизском обычном праве телесное повреждение известно под названием «залал». Различалось тяжкое телесное повреждение (оор залал) — лишение какого-либо органа тела, т. е. потеря руки, ноги, уха, носа, глаза и т. д. и легкие (жеңил залал). Под легкими телесными повреждениями подразумевались легкие раны, не связанные с потерей какого-либо органа тела. Тяжкие телесные повреждения приравнивались к лишению половины жизни и виновные платили полкуна. За легкие назначался айып. Размер куна и айыпа зависел от классово-имущественного положения потерпевшего и виновного. При назначении наказания учитывался умысел.

Оскорбление (шылдындoo) — преступление, направленное на личность, на честь и достоинства личности. Оскорбления бывали наказуемые и ненаказуемые. К ненаказуемым относились оскорбления, совершаемые «почет-

¹ 15.XII.1892 г. манап Чекир Кулов (волостной управитель Пржевальского уезда) убил бедняка Агача Сатыгулова за то, что он уклонился от уплаты бийлика. Однако Ч. Кулов не понес никакого наказания. См. ЦГА Казахской ССР, ф. 44, оп. 2, д. 374, л. 1—100.

ными людьми (манапами, биями и др.) против чести рядовых членов общества, родителями против своих детей, мужем против жены и т. д. Это говорит о том, что в киргизском феодальном обществе честь и достоинство людей охранялись не одинаково. Наказуемым считались — обида словами или действием манапа, бия, волостного управителя, представителей духовенства, детьми родителей, чужой жены. Обида, нанесенная женщине, рассматривалась как обида ее мужу, родителям ее и мужа, а также как действие, направленное против семейной собственности мужчины, так как жена покупалась как вещь, как собственность.

В «Эреже», утвержденном на Токмакском съезде биев в 1893 году была установлена ответственность за оскорбление словесно или действием должностных и прочих почетных лиц. Оскорблениями считались брань, несоблюдение должного почтения по отношению к манапам и другим представителям феодальной знати, выдергивание бороды, лишение женщин косы, отрезание хвоста у лошади; непочтительные отзывы о предках и т. д. Тяжкими оскорблениями считались выдергивание бороды и отрезание хвоста у лошади, на которой ездил пострадавший. Оскорбление наказывалось айыпом. Киргизскому праву известна также клевета (жала).

2. Преступления в области семейно-брачных отношений.

Семейно-брачные отношения у киргизов преимущественно регулировались нормами шарията. Шарият узаконил рабское положение женщины в обществе и в семье. При характеристике преступлений в области семейно-брачных отношений надо исходить из этого положения. К этой группе относятся: изнасилование женщины, прелюбодеяние и похищение женщины.

Изнасилование (зордуктоo). Уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за изнасилование женщины, были направлены не на охрану личной свободы и половой неприкосновенности женщин, а защищали семейные права мужчин. Изнасилование женщины рассматривалось как вторжение в чужое семейство, действие, позорящее честь ее родителей, мужа. За изнасилование замужней женщины виновные платили айып, а ви-

новного в изнасиловании незамужней девушки заставляли жениться на ней, уплатив ее родителям калым и сверх того айып за бесчестие. Размер айыпа зависел от имущественно-правового положения потерпевшей и виновного.

Прелюбодейние. Всякое нарушение супружеской верности женщиной считалось преступлением, строго осуждалось и наказывалось. Нарушение супружеской верности мужчиной у киргизов не рассматривалось как преступление. Мужчина, совершивший прелюбодейние, привлекался к ответственности не за нарушение супружеской верности, а за вторжение в чужое семейство. Наказание применялось как в отношении женщины, совершившей измену, так в отношении ее соблазнителя — мужчины. За измену наказывали строго. Женщине-изменнице применяли позорящее наказание, иногда смертную казнь. Мужчин-соблазнителей привлекали к айыпу, а также к телесному наказанию.

Позорящее наказание за прелюбодейние состояло в том, что виновных раздевали догола, густо намазав им лицо сажеей, водили вокруг айла в присутствии многочисленной толпы людей.

Похищение женщины. Вообще похищение (увоз) женщины не считалось преступлением. Преступлением считалось похищение (увоз) чужой жены или насильственный увоз девушки без согласия родителей, так как это рассматривалось как покушение на права мужа и ее родителей и затрагивали честь мужа или отца. Похищение чужой жены наказывалось строже, чем похищение незамужней девушки. За похищение чужой жены виновные наказывались телесным наказанием и платили айып, а за похищение незамужней девушки виновный должен был жениться на ней, заплатив отцу калым и сверх того айып.

3. Преступление против имущественных отношений.

В киргизском праве были известны понятия кражи — уурудук, грабежа — талоончулук, разбоя — каракчылык.

Кража (уурудук). Несмотря на то, что киргизы сурово преследовали воров, кража являлась довольно распространенным явлением. Основным предметом кражи у киргизов был скот. Кража других предметов являлась

редким явлением. Особенно было распространено конокрадство. Конокрадство в основном совершалось профессиональными ворами-конокрадами, зачастую находившимися под покровительством феодальной знати. Мананы, бан, айльные старшины и аткаминеры часто сами являлись инициаторами скотокрадства. За кражу виновные наказывались возвращением краденого и плюс к тому — айыпом, телесным наказанием, а после вхождения Киргизии в состав России — тюремным заключением и высылкой.¹

Грабеж (талоончулук). Отличительной чертой грабежа являлось применение насилия. По нормам обычного права под грабежом подразумевался всякий открытый насильственный захват чужого имущества. Обычно под грабежом понималось ограбление людей (тоноп алуу), находившихся в пути следования, а также насильственный захват имущества, с вторжением в чужой дом. Грабеж наказывался возвращением ограбленного и айыпом. Следует отметить, что грабеж у киргизов в отдельных случаях переплетался с барымтой. После вхождения Киргизии в состав России рассмотрение дел о грабежах было изъято из подсудности биев и передано общеперским судам. Под разбоем (каракчылык) подразумевалось всякое вооруженное нападение на айлы, насильственный захват имущества, угон скота, с опасностью для жизни и здоровья потерпевшего.

К преступлениям против имущественных отношений относилось также повреждение и уничтожение чужого имущества. Сюда входит поджог имущества, истребление и увечье чужого скота. За этот вид преступления с виновного в пользу хозяина имущества взыскивали действительную стоимость причиненного ущерба, а также виновный подвергался айыпу различных размеров.

4. Преступления против порядка управления.

Понятие этого вида преступления возникло во второй половине XIX века под влиянием русского права, в связи

¹ Киргиз Шамеке Медкинов — профессиональный конокрад, действовавший в пределах Пишпекского уезда, неоднократно судившийся за воровство, в 1903 г. был выслан в Балхаш, см. ЦГА Казахской ССР, ф. 44, оп. 2, д. 4391, л. 1—13.

с изменениями в области социально-экономических отношений. Сюда относятся: 1. Ложный донос. 2. Ложные показания. 3. Подлог документов. 4. Распространение ложных слухов. 5. Нарушение общественного спокойствия. 6. Нарушение порядка на общественных празднествах.

К этим видам преступлений применялись наказания: телесные, айып, удаление из общины, арест до 7 дней. Следует отметить, что ложный донос переплетался с клеветой. Объектами ложного доноса и клеветы в основном оказывались бедняки. Манапы, бии, аткаминеры прибегали к ложным доносам и клевете в отношении отдельных представителей трудящихся, добиваясь удаления их из общества как неугодных им людей. Феодалская знать лгала и клеветала также друг на друга. Особенно распространение получила клевета и ложный донос со второй половины XIX века с введением так называемых «выборных начал» местного управления.

Стремясь занять должности волостных управителей, айльных старшин, биев или не допустить своих противников на эти «выборные» должности, феодалская знать часто использовала клевету и ложные доносы, обвиняя друг друга в краже, в получении взяток и т. п.

5. Преступления против религии.

Киргизская феодалская знать всегда старалась использовать в своих интересах религию, поэтому преступления против религии сурово карались. «Религия,— писал В. И. Ленин,— есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах... Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами также неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь... Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живет чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие»¹.

Под преступлением против религии в киргизском праве подразумевались действия, нарушающие религиозные

нормы шариата. Преследование виновных за преступления против религии велось в основном представителями мусульманского духовенства. Дела, связанные с преступлениями против религии, рассматривались главным образом не в судах биев, а ходжами и муллами. Муллы, находившиеся в домах феодалов, в угоду своему хозяину творили суд над виновными, нарушившими религиозные нормы шариата.

В мусульманской литературе (даже в коране) отсутствует строгая система преступлений против религии. По шариату всякое отклонение от предписаний ислама признавалось преступлением против религии и влекло за собой строгое наказание. В Киргизии не только рядовые члены общества, но и представители киргизской феодално-родовой знати имели смутное представление об основных нормах шариата. Это давало возможность муллам истолковывать шариат как им нужно и выгодно.

К преступлениям против религии относились: богохульство, вероотступничество, умолчание о совершенном богохульстве, разрытие могилы, повреждение могильных памятников и др. Самым опасным считалось богохульство. Под этим подразумевалось: публичное сомнение в существовании бога, надругательство над ним, кощунство над священной книгой ислама — кораном, над могилами святых, нарушение клятвы, данной перед кораном.

Виновные в этих преступлениях подвергались: смертной казни, телесным и позорящим наказаниям, изгнанию из общины. После вхождения Киргизии в состав России смертная казнь перестала применяться и меры наказания вообще значительно смягчились. Одним из наказуемых видов преступления против религии было вероотступничество. Сюда относился переход от мусульманской веры к другой вере. Следует отметить, что после вхождения Киргизии в состав России принятие христианства перестало считаться преступлением.

Преступление против религии считалось большим грехом, наказуемым самим богом. Муллы старались внушать массам, что всякое нарушение предписания ислама вызывает гнев аллаха и может принести большое несчастье — джут, болезни, падеж скота и другие бедствия. Этим самым представители киргизской светской и духовной феодалской знати добивались укрепления своего властвования над угнетенными массами.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 65—66.

Наказание. Оно являлось важнейшим орудием в руках господствующего класса — феодалов и активно содействовало укреплению феодального базиса в Киргизии. Нормами киргизского обычного права, хотя и в ограниченных пределах, потерпевшему представлялось право по своей инициативе преследовать обидчика и мстить ему за нанесенные обиды. В киргизском праве сохранились пережитки патриархально-родового начала в виде кровной и частной мести (өч), право потерпевшего на самосуд над обидчиком, самоудовлетворение потерпевшего за обиды посредством барымты, власть главы семьи в отношении членов семьи, коллективная ответственность сородичей за преступление, совершенное кем-либо из ее членов и др. Однако после вхождения Киргизии в состав России они стали постепенно исчезать под влиянием русского законодательства.

У киргизов частная месть приобретала некоторые черты наказания, применяемого судом биев. Мечь допускалась нормами обычного права в отношении виновного или его родственников, не имеющих возможности откупиться от мести имущественным вознаграждением обиженному, а также в случае, когда стороны (потерпевшая и виновная) отказывались от примирения. В условиях феодализма месть могли осуществлять лишь более сильные и влиятельные люди. В тех случаях, когда в качестве мстителя выступали богатые и влиятельные люди, суды биев, слепо выполняя волю этих людей, ограничивались одобрением их самоуправных действий.

Однако следует отметить, что киргизское общество уже давно пережило стадию неограниченной кровной мести. Кровавая расправа допускалась лишь за убийство и могла быть смягчена судом с согласия родственников убитого. Она могла быть заменена имущественным вознаграждением. Мечь также имела свою классовую подоплеку. Потерпевшая сторона, не имеющая достаточных сил, авторитета, имущественного влияния, не решалась пойти на осуществление мести из-за опасения вновь подвергнуться жестокому преследованию со стороны влиятельных людей.

В условиях патриархально-феодальных отношений право на самосуд над обидчиком и право на самоудовлетворение за обиды посредством барымты использова-

лись киргизской знатью в качестве орудия против своих классовых противников, давало им возможность произвольно наказывать неугодных им людей.

Основной целью наказания было: удовлетворение обиды, возмездие и получение материальной выгоды.

В киргизском праве известны следующие виды наказаний:

1. Смертная казнь.
2. Кун (выкуп).
3. Айып (штраф).
4. Позорящие наказания.
5. Телесные наказания.
6. Отдача обидчика в услужение потерпевшему.
7. Отдача обидчика на произвол потерпевшего или его родственника.
8. Конфискация у обидчика всего имущества.
9. Изгнание из общины.

Смертная казнь применялась очень редко и назначалась за умышленное убийство, за богохульство, за неоднократное воровство. Существовали различные способы осуществления смертной казни: удушение, перерезание горла, избивание камнями, иногда осужденный умерщвлялся ближайшими родственниками убитого, коим выдавали его на произвол. Смертная казнь могла быть заменена с согласия потерпевшего или его близких родственников другими мерами наказания — куном.

Смертная казнь во второй половине XIX века вообще не предусматривалась.

Кун (выкуп). Самый распространенный вид наказания в киргизском праве. Царское правительство, считаясь со стремлением киргизской знати сохранить кун, а также учитывая и некоторую пользу в этом для себя, не только не отменило кун, но и санкционировало своим законом в качестве основной меры наказания, применяемой судами биев. Дело в том, что, независимо от приговоров царских судов за убийство с наказанием в виде смертной казни, каторжных работ или ссылке, потерпевшая сторона обращалась к своим манапам и биям и требовала кун. Это заставило царское правительство узаконить кун.

Кун у киргизов является тем же, что вира и головщина в древнерусском государстве. Кун уплачивался скотом, вещами, деньгами, людьми. У киргизов размеры куна определялись скотом, который служил как бы своеобразным мерилом всех ценностей. Размеры куна носили ярко классовый характер. Кун не имел своего твердо установленного размера, он устанавливался в

зависимости от классового, имущественного и правового положения в обществе потерпевшего и виновного. Так, например, сарбагышцы за убийство главного манапа Ормона бугинцами от них потребовали кун в размере 1000 лошадей или сто девушек на лошадях во главе с дочерью манапа Боромбая¹, а размер куна за убийство рядового киргиза составлял лишь 25 баранов².

Безусловно, кун представлял значительную материальную выгоду для эксплуататорского класса. Однако не следует его переоценивать, что нередко допускается в трудах исследователей, посвященных вопросам истории Киргизии. Так, К. Усенбаев приравнивает кун к олджо — находке³. Это неправильно. Переоценка материальной стороны куна приводит к ослаблению значения куна, как меры уголовного наказания, являющийся орудием господствующего класса. Кун является мерой уголовного наказания. Извлечение материальной выгоды из куна представителями господствующего класса являлось лишь одной из сторон куна.

Со второй половины XIX века с развитием торгово-денежных отношений суды стали взыскивать кун деньгами. За кун вместо денег или скота иногда выдавали одному из родственников убитого девушку без калыма для вступления с ней в брак.

Айып (штраф). Это широко распространенный вид наказания в киргизском обществе. Айып не совсем соответствует слову штраф. Айып то же самое, что продажа и урок вместе взятые в «Русской правде». Айып — наказание, налагаемое судом за преступление, но вместе с тем это и вознаграждение, взыскиваемое в пользу потерпевшего или его родственников и манапа. Айып назначался почти за все виды преступлений. Размеры айыпа были различны в зависимости от времени, местности, имущественного положения и знатности. Они зависели главным образом от суда биев. По нормам обычного права бывали тогуз айып, что означало девять голов скота. В зависимости от характера совершенного преступ-

ления и социально-правового положения потерпевшего и виновного айыпы бывали: төө баштаган тогуз (девять голов скота во главе верблюда), ат баштаган тогуз (во главе коня), уй баштаган тогуз (во главе коровы). Бывали случаи, что за более важные преступления айыпы достигали трех тогузов и выше. Айыпы бывали аттан, т. е. лошадь и шуба, или бират (лошадь), или тон (шуба, халат). Взыскиваемый судом айып делился на несколько частей. Часть айыпа шла в пользу потерпевшего, часть в пользу манапа, кроме того, взыскивался бийлик, т. е. вознаграждение бия за разбирательство дел.

Айып не являлся просто возмещением причиненного ущерба, а был наказанием за содеянное преступление, которое применялось судом в целях охраны существовавшего порядка, угодного и выгодного господствующему классу. Так, айып, назначенный за воровство, значительно превышал стоимость похищенного.

Царская администрация смотрела на айып не только как на меру, защищающую интересы потерпевшего, но и как средство, позволяющее поддерживать установленный правопорядок в колониальной Киргизии. Поэтому она всячески поддерживала и широко применяла его за различные преступления и проступки. Айып служил делу укрепления системы колониального и феодально-байского гнета в Киргизии и оставался вплоть до Октябрьской революции.

Телесные и позорящие наказания применялись за преступления против личности, за имущественные преступления и за некоторые другие категории преступлений. Наиболее часто употребляемым способом телесных наказаний у киргизов было публичное наказание камчой (нагайкой) толщиной в средний палец. Удары обычно наносились при народе, по обнаженной спине. Число ударов определялось решением биев, в зависимости от характера и тяжести преступления. Оно должно быть не менее 6 и не больше 90¹.

Телесные наказания применялись также в виде избивания палкой, сучком. Позорящие наказания состояли в том, что виновного водили вокруг айла, сопровождающие били его плетью, оглашая при этом, за что быют.

¹ К. Усенбаев, Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства, Фрунзе, 1961, стр. 131.

¹ А. Хасанов, Из истории Киргизии XIX в., Фрунзе, 1959, стр. 37.

² Г. С. Загряжский, Кара-киргизы, «Туркестанские ведомости», 1874, № 45.

³ К. Усенбаев, Присоединение Южной Киргизии к России, Фрунзе, 1960, стр. 31.

Телесные наказания применялись лишь в отношении немущих. Манапы, бии, представители духовенства освобождались от телесного наказания.

Выдача виновного потерпевшему применялась в основном взамен куна или айыпа. В тех случаях, когда виновный и его родственники были не в состоянии уплатить кун или айып или родственники отказывались уплатить, то виновного отдавали на определенный срок или бессрочно в распоряжение потерпевшего для отработки куна или айыпа. В этих случаях виновный фактически становился рабом, так как обычно ему приходилось отрабатывать всю жизнь. Эти меры наказания являлись одним из методов феодальной эксплуатации.

За некоторые преступления, например за вероотступничество, за изнасилование, за сокрытие преступника и другие, изгоняли виновного из общины с изъятием всего имущества.

После вхождения Киргизии в состав России в системе киргизского права появились новые виды наказания, которые не были известны раньше: тюремное заключение, ссылка в определенную правительством местность, отдача под надзор и другие.

Киргизское право знает отягчающие и смягчающие вину обстоятельства. «Безумие от рождения и глухонемые, — как отмечал Н. Гродеков, — за совершение преступления не наказываются и родственники за них не ответственны»¹. Отягчающими вину обстоятельствами признавали, если преступление ущемляет: а) интересы почетных людей — манапов, биев, царских чиновников, мулл и др.; б) если преступление совершено внутри своей общины; в) против главы семьи; г) повторно и неоднократно; д) при помощи оружия; е) во время стихийных бедствий.

Смягчающими вину обстоятельствами признавали: а) совершение преступления почетными людьми в отношении букары; б) преступление главы семьи в отношении членов семьи; в) явка с повинной и собственное признание (раскаяние обвиняемого); г) совершение преступления в первый раз; д) повлекло незначительный ущерб или отсутствие вредных последствий; е) совершение преступления в порыве гнева за обиду;

¹ Н. Н. Гродеков, указанная работа, стр. 143.

ж) преступление, с момента совершения которого прошло много времени. Срок давности уголовного наказания вообще не устанавливался киргизским обычным правом.

Судопроизводство. Киргизское право не знало различия между гражданским и уголовным судом. Процессуальные нормы были одинаковы при решении как гражданских, так и уголовных дел. Первичной судебной инстанцией был суд биев. Постоянно действующих судебных мест не существовало. Разбор дел происходил там, где указывал бий. Туда истец приезжал с ответчиком. На основании статьи 214 Положения об управлении Туркестанским краем подсудность определялась по гражданским делам местом жительства ответчика, а по уголовным — местом совершения преступления. Бии принимали к разбирательству все дела, т. е. их компетенция не была ограниченной. Ответчики имели право отвода судей. Разбирательство дела проходило в основном устно, так как бии в большинстве случаев были неграмотными. Вообще бии должны были выносить решения письменно.

Процесс по киргизскому праву носил состязательный характер. Обе стороны должны были доказать свою правоту. Предварительная проверка почти не проводилась.

Доказательствами были: 1) собственные признания стороны; 2) показания свидетелей, очевидцев; 3) вещественное доказательство; 4) присяга.

Свидетелями не могли быть: несовершеннолетние, сумасшедшие, люди, известные своим дурным поведением.

Присяга бывала двух родов: очистительная (со стороны обвиняемого) и подтверждающая (со стороны потерпевшего). Первая употреблялась очень часто. Способы принятия присяги бывали различные. Самым тяжелым видом присяги являлось то, что присягатель, по указанию муллы, взяв в руки коран (священную книгу мусульман), целуя ее, произносит слова: «кудай урсун, куран урсун» (пусть накажет бог, коран). Бывали и легкие способы. Например, присягатель, обращаясь к потерпевшему, должен публично произнести слова: «калп айтсам ант урсун» (если я за неправду присягаю, то пусть за нее умру).

Среди всех доказательств предпочтение давалось

признанию стороны, вещественному доказательству. Присяга алкорану стояла на втором месте, так как киргизы были плохими магометанами и не особенно устранились предписания корана.

После судебного разбирательства бий склонял стороны к примирению и затем выносил решение. Решения бия должны были исполняться своевременно, добровольно. Если осужденный не исполнял приговор и решения суда или уклонялся, истец или обвинитель имел право произвести барымту, т. е. способ исполнения приговора и решения суда и удовлетворения иска.

Барымта. Это специфический институт в системе киргизского обычного права. Она является порождением патриархально-феодалного строя, пережитком рядовой организации, слабости центральной государственной власти и крайней децентрализации власти.

При изучении барымты как легального захвата имущества, как способа взыскания, цель которого — защита своего права нужно иметь в виду, что термин барымта имел у киргизов самый разнообразный смысл. Значение этого термина настолько широко, что он употребляется для обозначения почти всякого насильственного овладения чужим имуществом, независимо от цели захвата. Барымта есть захват чужого имущества, главным образом скота. Цель захвата может быть различна: это может быть вызовом, поводом для межродовой борьбы и феодальной войны, актом враждебной расправы со стороны потерпевшего, игнорирующего суд, или не рассчитывающего на помощь суда. Барымта может быть правомерным способом понудить ответчика явиться в суд, способом заставить его выполнить приговоры суда или понудить его к согласию на пересмотр уже состоявшегося решения. Таким образом, барымта у киргизов имеет широкое понятие. Барымта понимается, с одной стороны, как нарушение права, а с другой, — как способ восстановления нарушенных прав. К сожалению, у нас нет источников, всесторонне освещающих моменты возникновения барымты и раскрывающих его содержание.

Нам кажется, барымту надо рассматривать как са-мопомощь, как способ восстановления, защиты нарушенного права. Основаниями для барымты были — отказ ответчика от судебного рассмотрения спора, отказ

судей в правосудии, т. е. отказ в принятии дела или неприемлемая судебная волокита, отказ ответчика исполнять уже состоявшееся решение.

Барымта связана с бессилием судебных органов, слабостью административной власти, сохранением сильных пережитков патриархально-родового быта и феодальной раздробленностью. Если бы не было раздробленности и была сильная государственная власть, если бы государственная власть располагала аппаратом, способным обеспечить принудительное привлечение ответчика к суду и выполнение им судебного решения, то не было бы условий для барымты, она полностью была бы запрещена. Тогда истец без барымты свое нарушенное право восстановил бы через административные и судебные органы.

Барымта производилась легально, открыто, так как правосознание киргизов признавало барымту законным способом решения спора. Удачная барымта могла повлечь за собой примирение или контрбарымту, а не личную расправу. Вообще барымта не преследовала цель непримиримой вражды, хотя она часто была ее последствием. Взаимная контрбарымта часто порождала вражду между отдельными родами или отдельными феодалами. Объектом барымты главным образом был скот, а также вещи и деньги. Что касается захвата людей, который часто упоминается в архивных материалах, то нам кажется, такой захват с барымтой нельзя смешивать. Это был просто захват заложников.

Необоснованная барымта была наказуема. При отсутствии для барымты обычно правовых оснований, совершившие барымту должны были полностью вернуть все незаконно полученное и удовлетворить требования потерпевших о возмещении всякого рода ущерба, причиненного в связи с барымтой.

Важным является вопрос об использовании барымты неимущими киргизами. Позднее, в XIX веке, в связи с небывалым для того времени обострением классовой борьбы, беднота и батраки пытались использовать барымту как форму экспроприации богатей. Они под видом барымты угоняли скот богатей — баев и манатов, прибегали к самовольному захвату скота и вещей феодалов.

Тогда господствующий класс стал стремиться поста-

вить барымту в один ряд с воровством, грабежом и начал требовать вести борьбу с барымтой, как институтом, угрожающим частной собственности. Господствующий класс стал вздыхать о преимуществах государственного порядка, о сильной административной и судебной власти, способной обеспечить неприкосновенность собственности.

В связи с этим меняется отношение царского правительства к барымте. Если оно раньше поощряло и умело использовало барымту (особенно в пограничной полосе) для колониализма, то теперь под давлением местных феодалов постепенно отказывается от нее. Царское правительство даже устанавливает в законодательном порядке уголовную наказуемость барымты¹. Однако оно не смогло решительно бороться с барымтой. Барымта продолжала существовать до Великой Октябрьской социалистической революции, хотя и в более измельченном виде.

Измельчение барымты имело место в XIX веке. В отличие от прежних времен, когда возможность барымты связывалась либо с наличием обычно правовых для нее оснований, либо с произволом знатных феодалов, позднее всякий обиженный, обокраденный или недовольный приступает к барымте.

Барымта сохранилась только во взаимоотношениях между отдельными лицами.

Одной из причин распространенности и живучести барымты является дезорганизация общественно-политической жизни Киргизстана под воздействием колониальной политики царизма и деморализация господствующих классов киргизского общества. Лишенные своей национальной государственности, организованности, сильной административной и судебной власти, киргизские феодалы всякий насильственный захват чужого имущества оправдывали барымтой.

Барымта у киргизов была, таким образом, легальным способом защиты нарушенного права, обеспечения правосудия, и в этом смысле она регулировалась киргизским обычным правом.

¹ См. «Временное положение об управлении в Степных областях», 21 октября 1868 г., Материалы по истории политического строя Казахстана, том I, Алма-Ата, 1960 г., стр. 329.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА II.

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В КИРГИЗИИ (октябрь 1917—1918 гг.)

§ 1. ПОБЕДА ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ПЕРЕХОД ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РУКИ СОВЕТОВ В КИРГИЗИИ.

До Октябрьской социалистической революции киргизский народ страдал под двойным гнетом: со стороны колонизаторов в лице царских чиновников и кулачества и со стороны своих феодалов — баев и манапов. Господство этих хищников привело киргизский народ к массовому обнищанию. Положение трудящихся Киргизии было очень тяжелым.

Царизм установил в Киргизии, как и во всем крае, режим национально-колониального гнета. Территория Киргизии была раздроблена. Политически киргизы были бесправны. Экономически киргизская букара все более разорялась и нищала. Царизм всячески тормозил развитие культуры и просвещения в киргизском обществе, преследуя таких передовых и талантливых представителей киргизского народа, как Токтогул Сатылганов. Первая мировая война еще больше подорвала хозяйство киргизов, положение которых стало невыносимым.

В этих условиях накапливалась ненависть народа к царизму. Наблюдается пробуждение киргизского народа к сознательной политической борьбе. Возникает в отдельных местностях антиколониальное и аграрное движение. Самым значительным событием явилось народно-освободительное восстание киргизов 1916 года, которое сливалось с движением других народов Средней Азии.

Восстание киргизского народа 1916 года явилось проявлением назревшего в России революционного кризиса перед Февральской революцией. Оно в силу стихийности и неорганизованности было подавлено, но, несмотря на это, сыграло положительную роль в ослаблении сил царизма.

В феврале 1917 года рабочий класс и крестьянство России при поддержке трудящихся ранее угнетенных национальностей свергли самодержавие.

После свержения самодержавия трудящиеся массы, в силу недостаточной своей организованности, не смогли взять власть в свои руки. Власть перешла в руки буржуазии и она образовала Временное правительство.

Временное буржуазное правительство не хотело обеспечить мира, а продолжало ненавистную народу империалистическую войну, не конфисковало помещичьих земель, не решило национального вопроса.

При Временном правительстве не произошло никаких изменений в социально-политическом строе киргизов.

Киргизия оставалась разобщенной и экономически, и политически, и территориально. Власть манაпов над букарой полностью сохранилась.

Манапы продолжали править над букарой и судить их, собирать многочисленные налоги и сборы, распределять кочевья, осуществлять судебные функции, рассматривать уголовные и гражданские дела и назначать наказания по адату.

Временное буржуазное правительство сохраняло в Киргизии прежние порядки, власть оставалась в руках верхушки феодальной аристократии. Не была упразднена туземная администрация, установленная царизмом. Оно не принимало мер по борьбе с разрухой и голодом, а, наоборот, проводило мобилизацию в действующую армию, собирало «добровольные» пожертвования, продолжало проводить колониальную политику в отношении угнетенных народов окраин, преследовало киргизов-участников восстания 1916 года, запрещало беженцам-киргизам вернуться на свои земли. «Вернувшиеся из Китая на свои обжитые места киргизы были угнаны в горные районы Нарына»¹. Намеченный при царизме

план выселения киргизов из Пишпекского и Пржевальского уездов в Нарынский (горный) район был одобрен Туркестанским комитетом Временного правительства, который был образован 7(20) апреля 1917 года¹.

При активном содействии представителей Временного правительства чиновники и кулаки, ссылаясь на убытки, понесенные в 1916 году, налагали развёрстки и самочинно взыскивали их с беднейшего населения. Например, Пржевальский «Комитет по возмещению убытков» предъявил киргизскому населению счет к уплате на 25 млн. рублей².

Народ не хотел мириться с этим, росла активность и организованность масс. Он готовился к вооруженному восстанию, к свержению Временного буржуазного правительства, к осуществлению социалистической революции.

Для победы социалистической революции необходимо было разоблачить перед трудящимися империалистическую природу Временного буржуазного правительства и доказать необходимость передачи всей власти Советам рабочих и солдатских депутатов, необходимо было прояснить политическое сознание широких трудящихся масс, организовать их и повести на борьбу за победу социалистической революции. Это смогла сделать только большевистская партия, ибо только она оставалась верной народу.

Под влиянием разъяснительной работы большевиков, постепенно в Киргизии стали образовываться социал-демократические группы. В апреле 1917 года такие группы образовались в Пишпекке, в Оше, в Кызыл-Кие и др. местах.

Если в первое время эти группы объединяли большевиков и меньшевиков, то с лета 1917 года большевики стали создавать свои самостоятельные организации. Такая группа возникла в Пишпекке. Руководил ею революционер рабочий-механик А. Н. Иваницын.

Большую роль в распространении большевистских взглядов в массах сыграли солдаты, возвращавшиеся в Киргизию после демобилизации или по болезни. Некоторые из них привозили большевистские газеты, листов-

¹ История Киргизии, Фрунзе, 1956, т. II, стр. 7—8

² Я. А. Чубуков, Революционная борьба в северных районах Киргизии (1917—1918 гг.), Фрунзе, 1941 г., стр. 10.

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Киргизии. (1917—1920 гг.). Документы и материалы. Фрунзе, 1957 г., стр. 11.

в Киргизии, большевизация Советов. Трудящиеся массы все больше и больше разочаровывались во Временном правительстве.

Борьба между силами революции и контрреволюции изо дня в день обострялась. Недовольство политикой Временного правительства и борьба против него нарастали в Киргизии.

Осенью 1917 года на почве голода начались волнения в Пишпеке, киргизское дыйканство и русское крестьянство отказывались подчиняться правительственным властям.

Вместе со всей страной Киргизия приближалась к социалистической революции.

Большевистская партия, руководствуясь решениями V съезда РСДРП(б), активно готовила вооруженное восстание, создавала Красную Гвардию. В октябре при Петроградском Совете был создан военно-революционный комитет. Партия большевиков при подготовке и проведении Октябрьской социалистической революции умело объединила в один общий революционный поток общенародное движение за мир, демократическое движение крестьян за землю, национально-освободительное движение угнетенных народов за национальное равноправие и социалистическое движение рабочих за установление диктатуры пролетариата.

24 октября (6 ноября), под руководством большевистской партии, петроградские рабочие, революционные солдаты и матросы подняли вооруженное восстание против Временного буржуазного правительства.

В ночь с 25 на 26 октября (с 7 на 8 ноября) штурмом был взят Зимний дворец и арестовано Временное правительство.

Социалистическая революция в России победила. В день победы, 25 октября (7 ноября) 1917 года, вечером в Смольном открылся II Всероссийский съезд Советов. Съезд Советов принял обращение к рабочим, солдатам и крестьянам, где говорилось: «Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки»¹.

На съезде был избран Всероссийский Центральный

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 215.

Исполнительный Комитет — ВЦИК и создано первое правительство Советского социалистического государства — Совет Народных Комиссаров во главе с великим В. И. Лениным.

Социалистическая революция быстро, «триумфальным маршем», прошла по всей стране, охватив и Туркестанский край и входившую в него Киргизию.

В Ташкенте 1 (14) ноября 1917 года сила контрреволюции была сломлена, Туркестанский комитет Временного правительства был арестован и государственная власть перешла в руки Советов. Это имело важное значение для развертывания социалистической революции во всем крае.

Исключительно важное значение для установления Советской власти в Киргизии имел III съезд Советов Туркестанского края, работавший с 15 по 22 ноября (с 28 ноября по 5 декабря) 1917 года. III съезд Советов Туркестана провозгласил переход всей власти в крае к Советам и избрал Совет Народных Комиссаров Туркестанского края, а СНК Туркестана обратился с призывом ко всем трудящимся края¹ создавать советскую власть на местах, рассылал инструкции и распоряжения местным советам, распространял по краю декреты Центрального Советского правительства.

Третий съезд Советов Туркестанского края принял резолюцию об организации власти на местах. На местах вся власть должна перейти в руки Советов рабочих, солдатских, крестьянских и мусульманских депутатов.

Переход государственной власти в руки Советов в Киргизии начался с ноября 1917 года и в отдельных районах затянулся до середины 1918 года. Это объяснялось тем, что, во-первых, территория Киргизии тогда входила отдельными частями в разные области и уезды Туркестанского края, слабо связанные между собой, во-вторых, на территории Киргизии отсутствовали крупные промышленные центры, следовательно, была слаба руководящая роль пролетариата и его партии, в-третьих, киргизы тогда еще вели кочевой и полукочевой образ жизни и господствовало феодальное хозяйство с пере-

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Киргизии (1917—1920 гг.), Документы и материалы, Фрунзе, 1957 г., стр. 36.

житками родового быта, что также мешало распространению власти Советов.

Решающую роль в обеспечении победы социалистической революции и установлении власти Советов в Киргизии сыграла победа Великой Октябрьской социалистической революции в России и Ташкенте (центре края) и руководящая роль партии большевиков.

Вместе с русскими рабочими, солдатами за победу социалистической революции активно боролась киргизская беднота. Киргизская беднота и трудящиеся других местных национальностей, длительное время тесно соприкасавшиеся с русскими рабочими, постепенно выросли до уровня понимания своих классовых задач, до осознания своей главной задачи — установления Советской власти. Поэтому, как только рабочие и солдаты начали вооруженное восстание, под знамя социалистической революции встали широкие слои местного трудового населения.

Было бы ошибкой считать, что революция в Киргизии проведена по указанию из центра, без деятельного участия местного населения. Такая революция, если бы она и победила, была бы непрочной и кратковременной.

Трудящиеся Киргизии, пробужденные к политической жизни еще в годы первой русской революции, в годы первой империалистической войны, встретили Октябрьскую социалистическую революцию как революцию угнетенных, как свое кровное дело и грудью встали на ее защиту. Социалистическая революция в Киргизии победила при активном участии местного населения. Власть Советов была избрана самими трудящимися Киргизии, а не экспортирована из России. Однако, отдавая должное активному участию в революции трудящихся местных национальностей, нельзя забывать огромную помощь русского рабочего класса.

В условиях чрезмерной экономической и культурной отсталости края и незначительности организованной части местного населения, без помощи русского передового пролетариата выступление трудовых масс Киргизии против эксплуататорского строя не могло бы привести к победе.

Русские рабочие, выполняя свой интернациональный долг, протянули руку братской помощи трудовым массам Туркестана, в том числе Киргизии, и совместными

усилиями опрокинули феодальный и буржуазно-помещичий строй в крае. В борьбе за установление и укрепление власти Советов крепла и закалялась дружба русского и киргизского народов.

Социалистическая революция в Киргизии, успехи социалистического строительства, расцвет экономики и культуры Киргизстана блестяще подтвердили положение В. И. Ленина о том, что «с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»¹.

С победой Октябрьской социалистической революции и установлением Советской власти в Петрограде и Ташкенте, развернулась борьба за установление Советской власти и в Киргизии. Установление Советской власти на территории Киргизии произошло не везде одинаково, а своеобразно, в зависимости от соотношения революционных и контрреволюционных сил в каждом конкретном случае. В районах, где имелось значительное влияние рабочих и большевиков, где эксплуататоры не имели достаточных сил, чтобы оказать вооруженное сопротивление, Советская власть победила мирным путем, путем завоевания рабочими и крестьянами под руководством большевиков прочного большинства в Советах (в Пишпеке, Сулюкте, Кызыл-Кие). Следует подчеркнуть, что мирный переход власти в руки Советов произошел не самотеком, а в результате всесторонней подготовительной работы большевиков. Они этого добились путем правильного проведения политики создания широкого блока всех революционных сил, завоевав на свою сторону рабочих, солдат и трудящихся крестьян. Отдельные Советы рабочих и солдатских депутатов (Сулюкта) образовали военно-революционные комитеты, многие Советы рабочих и солдатских депутатов, Советы крестьянских депутатов (Пишпек, Талас) имели отряды Красной гвардии и вооруженную дружину из рабочих, солдат и местного киргизского населения, которые непосредственно руководили борьбой трудящихся за переход власти в руки Советов. Опираясь на рабочие организации и революционные дружины, Советы брали власть в свои руки.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 219.

Там же, где были значительные силы контрреволюции, где влияние большевиков было сравнительно слабое, особенно в отдельных районах Южной Киргизии, где трудовой народ был больше всего забит религиозным фанатизмом, совершение социалистической революции и переход власти в руки Советов приняла затяжной характер. Так, в январе 1918 года в Пржевальске представители буржуазии образовали земскую управу и не хотели признать Советской власти. Это продолжалось до марта 1918 года.

Во многих районах юга Киргизии баи и манапы и мусульманское духовенство организовывали басмачество и сопротивлялись установлению Советской власти. Власть в этих районах перешла в руки трудового народа в результате вооруженного подавления сопротивления эксплуататорских классов. Здесь борьба за Советскую власть усложнилась и затянулась.

Марксисты всегда предпочитают мирный путь революции, который позволяет избежать лишних жертв, разрушений производительных сил, но никогда не абсолютизировали его. Марксисты признают путь вооруженного восстания, путь вооруженного подавления эксплуататоров, когда они оказывают революции вооруженное сопротивление. Этот путь также никогда марксистами не абсолютизировался.

В зависимости от расстановки классовых сил в период революции один из этих путей может стать главным, решающим, а второй — дополняющим. В Октябрьской социалистической революции в России решающим из них был путь вооруженного восстания, но там, где классовые враги не сумели оказать вооруженного сопротивления, власть переходила в руки Советов без кровопролития — мирным путем. Так было и в Киргизии.

Советская власть в Киргизии раньше всего была установлена в Сулюкте и Кызыл-Кие, где важную роль сыграли шахтеры-рабочие угольных копий. Рабочие угольных копий Сулюкта и Кызыл-Кия шли в первых рядах борьбы за установление Советской власти. 11 ноября 1917 года состоялось расширенное заседание рабочих и солдатских депутатов совместно с другими демократическими организациями города Ходжента Ходженского уезда Самаркандской области Туркестанского

края, куда входила Сулюкта. На заседании было принято решение о переходе власти в руки Советов. С этого времени на Сулюктинских копях власть перешла в руки Советов рабочих депутатов.

В Ферганской области (куда входили Ошский и Джалал-Абадский уезды) русская и национальная буржуазия, феодальные круги и муллы оказывали значительное сопротивление переходу власти к Советам и тянули в сторону кокандских автономистов. Однако трудящиеся массы, беднота Ферганы и шахтеры Кызыл-Кия дали решительный отпор контрреволюции.

В начале декабря 1917 года состоялся Ферганский областной съезд Советов, который, вопреки бешеному сопротивлению эсеров и меньшевиков, принял решение о переходе в Фергане всей власти к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов¹.

После областного съезда власть на местах: в аилах, волостях и уездах Ферганы начала переходить к Советам. 7 декабря власть перешла к Советам рабочих и солдатских депутатов в Кызыл-Кие, а с 14 декабря в Ошском уезде высшим органом власти стал Совет солдатских депутатов.

В декабре и январе власть перешла к Советам в Джалал-Абаде и других районах юга Киргизии.

В ноябре 1917 года установилась советская власть в районе Таласской долины, входившей тогда в Аулие-Атинский уезд Сыр-Дарьинской области. Аулие-Атинский Совет, возглавляемый большевиками и пользующийся большим доверием масс, еще 25 октября 1917 года отстранил от власти уездного комиссара Временного правительства, а 6 ноября Совет полностью взял власть в свои руки. 6 декабря на заседании Аулие-Атинского Совета была зачитана телеграмма из Ташкента, в которой говорилось: «В Ташкенте власть перешла к Советам. Сконструирован Всетуркестанский исполнительный комитет из 17 лиц: два — от краевого Совета крестьянских (депутатов), три — от краевого Совета рабочих и солдатских депутатов... Временное правительство низложено»². После этого Аулие-Атинский Совет постановил: «...эту телеграмму передать по монографу в Пишпек и

¹ «Наша газета», № 161, 30 декабря 1917 года.

² Т. Елеуов, Установление и упрочение Советской власти в Казахстане, Алма-Ата, 1961 г., стр. 262.

Мерке в Совет солдатских и рабочих депутатов. Указать, что телеграмма получена непосредственно из Ташкента, минуя государственный телеграф, и просить передать в Пржевальск, Верный...».

Такому раннему установлению Советской власти в Таласе, по сравнению с другими районами Киргизии, способствовали близость революционного Ташкента, наличие революционно-настроенных солдат и активная деятельность местных большевиков.

После взятия власти Аулие-Атинский Совет рабочих и солдатских депутатов широко развернул свою деятельность по созданию Советов в аялах, аулах, волостях.

1 декабря 1917 года состоялся Аулие-Атинский уездный съезд Советов крестьянских депутатов. Съезд обсудил вопрос о власти, 31 голосом против 8, при одном воздержавшемся признал всю полноту власти за Советами рабочих солдатских и крестьянских депутатов¹.

Съезд принял решение о слиянии Совета крестьянских депутатов с Советами рабочих и солдатских депутатов, об образовании одного общего исполнительного комитета в составе 12 человек — по 3 от каждого Совета. 3 декабря 1918 года состоялся съезд трудящихся киргизов Аулие-Атинского уезда, который вынес решение об упразднении Киргизского комитета и постановил влить киргизских депутатов в Совет рабочих и солдатских депутатов. Образовался Аулие-Атинский уездный Совет рабочих, солдатских, крестьянских и мусульманских депутатов. Упразднение Киргизского комитета, где орудовали феодально-байская верхушка и буржуазно-националистические элементы, избрание представителей киргизских трудящихся в состав уездного Совета свидетельствуют об активном участии трудящихся коренного населения в установлении Советской власти.

В Семиречье, куда входили северные районы Киргизии, Пишпекский и Пржевальский уезды, в отличие от других областей края, установление Советской власти началось с уездных городов. В областном центре г. Верном Советская власть установилась позже, в марте 1918

¹ Т. Елеуов, Установление и упрочение Советской власти в Казахстане, Алма-Ата, 1961 г., стр. 264.

года. Это объясняется тем, что там контрреволюция располагала значительными вооруженными силами и победить ее было нелегко. В установлении Советской власти в северной Киргизии, а также во всем Семиречьи большую роль сыграл Пишпек. В Пишпек (ныне г. Фрунзе) Советская власть установилась раньше остальных районов северной Киргизии, и это имело огромное значение для других. Через Пишпек проходили основные пути, связывающие Семиречье с Ташкентом и другими областями края. Через него проходили возвращавшиеся в Семиречье из армии демобилизованные солдаты.

В Пишпек и уезде существовали рабочая организация «Союз рабочих и ремесленников» и союз «Букара». Здесь вела активную подпольную деятельность группа большевиков.

В Пишпекском уезде уже с сентября начало развертываться массовое революционное движение против Временного правительства. В ноябре и декабре в Семиречье через Пишпек стали возвращаться демобилизованные солдаты, большинство которых участвовало в революционных событиях в крупных городах России и Ташкенте. Многие из них были настроены по-большевистски и по пути следования проводили митинги, беседы, усиливая революционное движение масс.

Огромное революционизирующее влияние на трудящихся оказывали декреты Советской власти центра и обращение СНК Туркестанского края к населению от 21 ноября (4 декабря) 1917 г. о проведении в жизнь декретов Совнаркома РСФСР, где говорилось: «Призываем все население края сплотиться вокруг новой народной власти в борьбе с хозяйственно-экономической разрухой, в борьбе за укрепление завоеванных прав и торжество социализма... Совет примет все меры к распространению идей свободы, равенства и братства в среде мусульманского трудового населения...»¹.

Население начало отказываться подчиняться старым властям. Тогда контрреволюционеры Пишпека, видя, что старые правительственные органы власти народ не признает, образовали в начале декабря 1917 года т. н. «Со-

¹ Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане, Сб. документов, Ташкент, 1947 г., стр. 219.

вет Союзов»¹, который был объявлен высшей властью в уезде. Контрреволюционеры пытались ликвидировать Пишпекский Совет рабочих и солдатских депутатов путем дезорганизации его работы и роспуска его. Но депутаты от рабочих и солдат не допустили этого. Тем временем недовольство среди рабочих, сельской и городской бедноты усиливалось, вместе с тем росли симпатии к Советской власти.

Решающим моментом в борьбе за власть Советов в Пишпекском уезде являлся массовый митинг, созванный в г. Пишпек 31 декабря 1917 года (13 января 1918 года).

31 декабря 1917 года (13 января 1918 года) большевики созвали в Пишпек массовый митинг, где участвовало более 1000 человек, в основном рабочие Чуйской оросительной организации, кожзавода, пивоваренного завода, мельниц, солдаты-фронтовики, члены союза бедноты «Букара» и др. На митинге был избран новый состав Пишпекского Совета из большевистски настроенных депутатов.

По предложению большевиков на митинге было решено образовать для охраны и поддержания порядка в городе и уезде народную дружину. Этим было положено начало образования Красной гвардии в уезде.

На следующий день 1-го (14) января 1918 года состоялось первое заседание Пишпекского Совета Народных депутатов нового состава. Новый состав Совета единогласно постановил «Присоединиться к центральной власти Петрограда и Ташкента»². Эту дату можно считать днем провозглашения Советской власти в северной Киргизии. Был избран председатель Пишпекского Совета. Председателем Пишпекского Совета народных депутатов был избран коммунист Г. И. Швец-Базарный. Благодаря этому руководство в Совете перешло от эсеров к большевикам. Пишпекский Совет властно входил в жизнь. Трудящиеся уезда приветствовали и поддерживали Пишпекский Совет. Собравшийся 15 (28) января 1918 года продовольственный съезд Пишпекского уезда

¹ «Совет Союзов» являлся объединяющим центром контрреволюционных организаций г. Пишпека: Киргизского комитета «Алаш», Узбекского комитета «Шуро-Исламия» и объединением верхушки торгово-буржуазных слоев татар и дунган.

² Великая Октябрьская социалистическая революция гражданская война в Киргизии (1917—1920 гг.), Документы и материалы, Фрунзе, 1957 г., стр. 49—50.

вынес решение о ликвидации контрреволюционного «Совета Союзов» и признании власти только Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов¹. В селах и аилах с этого времени широко развернулось советское движение. Так, 2 (15) января 1918 года жители Бакинской волости Пишпекского уезда переизбрали Совет², в состав Совета были избраны большевики; 6 (19) января 1917 года представители сел Тлеубердинской волости Пишпекского уезда переизбрали из большевиков исполнительный орган Союза «Букара»³. Таким образом, ежедневно укреплялись волостные и аильные советы, росло влияние большевиков. Эсеры и меньшевики, потерпев поражение, перестали являться на заседания Совета. Они были бессильны оказать сопротивление и просили помощи в Верном в центре области. Однако II-й Семиреченский областной съезд крестьянских депутатов, состоявшийся 2—10 (15—23) января 1918 года, высказался за Советскую власть. Вслед за этим на сторону Советской власти встал Пишпекский уездный крестьянский съезд, собравшийся в Пишпек в середине января 1918 г. Съезд крестьянских депутатов Пишпекского уезда 15 января постановил: «Упразднить «Союз Советов» и всю власть передать в Совет солдатских и рабочих депутатов, влив в таковой депутатов от крестьян по одному от каждой тысячи и не менее одного от каждого населенного пункта»⁴.

Это было полным поражением Пишпекской контрреволюции. С этого времени Пишпекский Совет стал еще более решительно брать управление уездом в свои руки, а в волостях и аилах власть переходила к Советам.

11 (24) февраля 1918 года в Пишпек собрался съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. На съезд приехали делегаты от каждого села и аила, от каждой городской организации. Работа съезда продолжалась в течение полумесяца. Основными вопросами, обсуждавшимися на съезде были: продовольственный

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Киргизии (1917—1920 гг.), Документы и материалы, Фрунзе, 1957 г., стр. 55.

² Там же, стр. 50.

³ Там же, стр. 53.

⁴ Там же, стр. 55.

вопрос, земельная собственность, признание Советской власти Петрограда и Ташкента¹. Первый вопрос был вызван недостатком хлеба в городе и голодом в уезде.

Съезд избрал Президиум уездного исполкома, уездного комиссара по административным делам и руководителей секций: промышленной, земельной, финансово-налоговой, продовольственной, военной и нарсуда.

После съезда власть в уезде повсеместно начала переходить в руки Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Так, граждане села Вознесенского Пишпекского уезда, собравшись на сход 12(25) февраля 1918 года, постановили признать Советскую власть и оказать ей полное содействие в проведении в жизнь демократических начал и копию данного постановления послать для сведения в Пишпекский Совет народных депутатов².

5(18) марта 1918 года граждане села Новороссийского Пишпекского уезда, собравшись на сход, признали Советскую власть и избрали своих представителей в Пишпекский уездный и Токмакский участковые Советы народных депутатов³.

18(31) марта 1918 года объединенное заседание Токмакского участкового Совета народных депутатов совместно с представителями организаций, признавая Советскую власть, постановило подчиниться Пишпекскому уездному Совету и в дальнейшем выполнять все его распоряжения в интересах трудового народа⁴.

Несколько позднее установилась Советская власть в Пржевальском уезде. Пржевальск был оторван от краевого и областного центра из-за отсутствия связи и бездорожья. Уезд был заселен крупными зажиточными кулаками, значительной была торговая буржуазия. Кулацко-зажиточный слой русских сел был тесно связан с киргизскими феодалами — баями, манапами. Рабочая прослойка почти отсутствовала. Оформленной большевистской организации не было. Были отдельные большевистски настроенные солдаты и местные жители. Контрреволюционные

люционные силы всячески подавляли попытки революционных элементов установить Советскую власть. В противовес Советам они создали в уезде Земское собрание из колонизаторов, преследовали всех тех, кто сочувствовал большевикам, не хотели признавать Советскую власть.

Но сопротивление контрреволюционеров было обречено на провал. Усиливалось стремление трудящихся уезда установить Советскую власть. Решающее значение в этом деле играло установление Советской власти в областном центре в г. Верном, отсюда 5 марта 1918 года поступила телеграмма с сообщением, что Верный признал Советскую власть. 4 марта 1918 года в г. Верном состоялось заседание областных организаций Семиреченской области — по 4 представителя от областного крестьянского совета, войскового круга, почтово-телеграфного комитета, киргизского комитета «Алаш», сартовского комитета «Шуро-исламия», татарского комитета «Курултай», дунганского комитета и др. Заседание единогласно приняло постановление: «признать Центральную Советскую власть в лице Народных Комиссаров»¹.

С этого времени положение антисоветских сил в Пржевальске стало безнадежным и влияние Советов стало расти. Опираясь на поддержку Верного и Пишпека, революционные элементы усилили работу в массах, распространяли листовки, созывали митинги, призывая трудящихся поддержать Советскую власть.

Так, в марте 1918 года в г. Пржевальске революционеры-солдаты С. Н. Иванов и М. И. Чернов организовали митинг и объяснили, что Советская власть уже существует в Ташкенте и в Верном, и предложили собравшимся пойти в казармы и разоружить солдат².

20 марта 1918 года в Пржевальск прибыл Н. С. Шокарев с полномочиями из Верного, который вечером этого же дня созвал митинг в казармах. Солдатам было объявлено о свержении Временного правительства и об установлении Советской власти. Таким образом, власть в Пржевальске стала советской, но ее организаторы не сумели решительно ликвидировать аппарат Временного правительства.

¹ Воспоминания участников революционных событий и гражданской войны в Киргизии, Фрунзе, 1957 г., стр. 31.

² ЦГА Киргиз. ССР, ф. 89, оп. 3, д. 5, л. 385.

³ ЦГА Киргиз. ССР, ф. 89, оп. 3, д. 5, л. 621.

⁴ Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Киргизии (1917—1920 гг.), Документы и материалы, Фрунзе, 1957 г., стр. 79.

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Киргизии (1917—1920 гг.), Документы и материалы, Фрунзе, 1957 г., стр. 68—70.

² Воспоминания участников революционных событий и гражданской войны в Киргизии, Фрунзе, 1957 г., стр. 90.

25 мая 1918 года из областного Совнаркома (из г. Верный) поступило распоряжение переименовать Пржевальское уездное земское собрание в уездный Совет депутатов, а земскую управу — в уездный Совнарком, первое заседание которого состоялось 27 мая 1918 года, избравшее состав нового советского уездного Совнаркома¹.

Так, буржуазно-кулацкие органы управления в Пржевальске были ликвидированы и власть перешла к Советам, хотя и своеобразным путем. Первый состав Совнаркома Пржевальского уезда был сильно засорен буржуазно-кулацкими и байско-манапскими элементами. В связи с этим в конце июня 1918 года в Пржевальск прибыли из Верного представители областного Совета, Верненской большевистской организации и отряд красноармейцев для замены уездного Совнаркома уездным Советом, избранным самими трудящимися, и для окончательного установления Советской власти.

26 июня в г. Пржевальске начал свою работу уездный съезд Советов. Съезд слушал доклады о сущности, целях и задачах Советской власти, о программе партии большевиков. 1 июля 1918 г. уездный Совнарком был переименован в Совет рабочих и крестьянских депутатов. Съезд избрал Президиум уездного исполкома и его секции. Так, в Пржевальске власть окончательно была передана в руки Советов. Активными участниками борьбы за установление Советской власти в Пржевальске были П. Д. Гречко, Р. П. Маречек, И. Я. Терно и другие.

В марте и апреле 1918 года развертывалась революция в Нарынском уезде. В апреле 1918 года при активной поддержке революционно настроенных киргизов, с участием большевика Х. Мусабаяева, были отстранены от управления представители Временного правительства. 8 апреля 1918 г. состоялся участковый съезд Советов солдатских, крестьянских и мусульманских депутатов Нарынского участка, который провозгласил Советскую власть и избрал исполком Совета народных депутатов.

Повсюду борьбой за установление Советской власти руководили большевики, к которым массы трудящихся проявляли огромное доверие. Переход власти в руки Советов проходил быстро, ежедневно росли и умножались Советы. К 5 мая 1918 года в Киргизии были созданы: 41

волостной, 114 сельских и 53 айльных Советов¹. К первой половине 1918 года Советская власть установилась почти во всех уездах и городах Киргизии.

Вслед за уездными центрами и городами Советская власть устанавливалась в русских переселенческих селах и киргизских аилах. Основной революционной силой здесь явились крестьянская и айльная беднота, во главе масс стояли сельские большевики, революционно настроенные бывшие фронтовики, киргизские джигиты-тыловики.

Борьба за победу Советской власти в селах и аилах была нелегкая, она имела свои особенности и трудности. Продолжительное время существовали старые органы Временного правительства: волостные и сельские комитеты, земские управы, волостные управители и айльные старшины.

Во главе этих учреждений находились эсеры, кулаки, бан, манапы, буржуазные националисты. Бан, манапы и мусульманское духовенство пользовались пережитками родового быта и экономической и культурной отсталостью масс в борьбе против социалистической революции в аиле. Это затрудняло организацию Советской власти на местах. Приходилось преодолевать огромные трудности, связанные и с кочевым бытом киргизского аила.

Все трудности были учтены большевиками Киргизстана в своей работе по организации Советской власти на местах. С переходом власти в руки Советов в городах и уездных центрах большевистские организации и Советы этих городов направляли своих агитаторов, инструкторов из рабочих и революционных солдат в волости, поселки и аилы для разъяснения сущности Советов и организации Советской власти.

Эти агитаторы рассказывали айльной бедноте и крестьянам о победе социалистической революции, об образовании Советского правительства во главе с В. И. Лениным, о декретах о мире и земле, о ленинской «Декларации прав народов России», предоставившей всем угнетенным народам равенство и суверенность, право на свободное самоопределение, о призыве Ленина к крестьянам «самим брать всю власть на местах в свои руки»².

¹ Борьба классов, № 8, 1963 г., стр. 16.

² В. И. Ленин и, Соч., т. 26, стр. 264.

¹ Воспоминания участников революционных событий и гражданской войны в Киргизии, Фрунзе, 1957 г., стр. 91.

Советская власть в русских переселенческих селах Киргизии установилась раньше, чем в киргизских айлах, так как расстановка классовых сил в селах после Октябрьской революции была несколько иная, чем в айле. Накануне и в дни Октябрьской революции в села вернулось значительное количество солдат с фронта, из госпиталей, отпускников. Это были революционно настроенные солдаты, которые хорошо знали события в центре России и на фронте. Многие из них принимали участие в свержении власти буржуазии в центральных районах России и возвращались домой с опытом революционной борьбы. Они, естественно, не могли мириться с положением на местах, где «все еще царил капитал».

Борьба за организацию Советской власти в волостях и селах Киргизии развернулась с первых дней победы социалистической революции и вылилась в широкое движение народных масс, которые проявляли большую творческую деятельность. Повсеместно проходили собрания граждан, где обсуждались вопросы о революции, о Советской власти, об организации Советов и о передаче власти в руки Советов и т. д.

Приведем несколько примеров из истории перехода власти в руки Советов в Пишпекском и Пржевальском уездах. Так, 24 июня 1918 года собрание граждан села Чернореченского Пишпекского уезда, обсудив вопрос о власти, единогласно постановило признать Советскую власть и обязались проводить в жизнь идеи большевиков. Собрание избрало местный волостной Совет крестьянских депутатов из 5 человек¹. Образование сельских Советов крестьянских депутатов и выборы в сельские исполнительные комитеты проводились на общем собрании граждан Пишпекского уезда, села Аильчинского — 24 июня 1918 года, села Восточно-Малтабарского — 25 июня 1918 года, сел Чортонбаевского и Джангарского — 26 июня 1918 года, села Торткульского — 27 июня 1918 года, села Бекетаевского — 28 июня 1918 года².

В приведенных документах, представляющих собой материалы первых собраний трудящихся крестьян сел после победы Октябрьской социалистической революции,

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Киргизии (1917—1920 гг.), Документы и материалы. Фрунзе, 1957 г., стр. 100.

² Там же, стр. 101—102.

отражена организация Советской власти в селах, видно активное участие трудящихся, крестьян в решении важных социальных вопросов. Документы свидетельствуют о преданности сельской бедноты Советской власти, о ее непреклонной решимости проводить в жизнь декреты Советского правительства и вести борьбу за новую жизнь в деревне. Но впереди еще предстояла упорная борьба за укрепление сельских Советов, за очищение их от эсеровских и кулацких элементов, пробравшихся в Советы, за создание крепких Советских организаций в деревне. Это был, несомненно, более длительный и сложный процесс, происходивший в 1918—1920 годах в обстановке острой борьбы бедноты с контрреволюционерами, врагами революции.

Создание низовых советских органов в Киргизии весной и летом 1918 года проходило повсеместно. Признавалась Советская власть, создавались крестьянские Советы, избирались исполкомы Советов, росло влияние большевиков в Советах.

Нужно отметить, что крестьянские Советы на местах организовывались в ожесточенной борьбе с кулачеством, стремившимся захватить местные органы в свои руки. В ряде мест в волостные и сельские Советы, вследствие неорганизованности и политической неопытности бедноты, попадали враждебные элементы. Однако по мере того как местные Советы пополнялись пролетарскими кадрами и приобретали опыт управления, они начинали вести решительную борьбу против кулаков и очищать от них советские органы.

Несмотря на эти трудности, в результате правильного понимания народом идей Советской власти и творческой активности самих трудящихся масс были созданы крестьянские советы как органы пролетарской диктатуры в деревнях Киргизии.

Более длительным и сложным был процесс организации Советской власти в киргизском айле. Как было отмечено, в киргизском айле господствовали докапиталистические отношения. Киргизский народ в экономическом и культурном отношении был отсталым. Все это сказывалось при установлении Советской власти. Однако, несмотря на это, после победы Октябрьской революции киргизские трудящиеся, при братской помощи русского пролетариата, практически приступили к организации и

упрочению Советской власти в лице крестьянских Советов в аилах. Безусловно, организация Советской власти в аилах сопровождалась колоссальными трудностями.

В. И. Ленин, разработавший учение о крестьянских Советах, говорил, что «крестьяне, находящиеся в полуфеодальной зависимости, отлично могут усвоить идею Советской организации и осуществить ее на деле... Идея Советской организации проста, и может быть применяема не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям... крестьянские Советы, Советы эксплуатируемых, являются средством, пригодным не только для капиталистических стран, но и для стран с докапиталистическими отношениями»¹.

История организации и первые шаги крестьянских Советов в киргизском аиле являются одним из ярких проявлений претворения в жизнь ленинских идей о крестьянских Советах, руководимых Коммунистической партией.

Сразу же после Октябрьской революции в аилах развернулась борьба за установление Советской власти, за осуществление лозунга «Вся власть Советам!» Только в Советской власти трудящиеся аила видели единственный выход из своего тяжелого, рабского положения.

У киргизских трудящихся не хватало кадров для того, чтобы сразу организовать айльные Советы. В аилы возвращались киргизы-тыловики, но они не имели такой политической закалки, какую приобрели фронтовики, возвращавшиеся в русские поселки. Местных большевистских партийных организаций в аилах не было, основная масса населения была неграмотна. Все это создавало трудности для организации первых низовых Советов в аилах. Но, несмотря на это, борьба в аилах за власть Советов развертывалась, идея Советской власти побеждала.

Всюду на митингах и собраниях, посвященных установлению Советской власти, трудящиеся аила отстраняли от власти старых правителей и единодушно решали вопрос о переходе власти в руки Советов, приветствовали героический рабочий класс России, освободивший страну от власти эксплуататоров.

Для первых месяцев организации Советской власти в аилах было весьма характерным, как указывал

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 218.

В. И. Ленин: «Митингование именно наиболее угнетенной и забитой, наименее подготовленной массы трудящихся, переход ее на сторону большевиков...»¹.

Советская власть в киргизском аиле устанавливалась под руководством рабочего класса и Коммунистической партии. Большевики Киргизии, уездные и волостные Советы пришли на помощь айльной бедноте, возглавив ее борьбу за организацию Советской власти на местах, посылали агитаторов-коммунистов, инструкторов-организаторов низовых Советов. На помощь айльной бедноте пришли и представители русского народа — рабочие и революционные крестьяне, бывшие фронтовики, которые рассказывали киргизским трудящимся, как они установили в городах и селах Советскую власть, организовали Советы. Борьбу айльной бедноты за установление власти Советов возглавили и киргизские рабочие, которые были наиболее тесно связаны с населением аила.

Установлением Советской власти в аилах занимались революционно настроенные киргизские джигиты. Например, О. Масадьков — в аиле Чала-Казак; М. Ногойбаев — в аиле Кегетинском Пишпекского уезда, М. Токбаев — в ряде аилов того же уезда, М. Сатыбалдиев — в аилах Джалал-Абада, Ж. Абдырасулов, М. Мадымаров, А. Султанов — в аилах Узгенского района, И. Бектемиров — в киргизских аилах Ходжентского уезда, Г. Эшбеков — в аилах Ляйлякского района и другие².

В процессе установления Советской власти на местах выработывались и уточнялись права и функции айльных и сельских Советов, выработывались положения, содержание которых соответствовало целям и задачам Советского государства.

Таким образом, несмотря на серьезные трудности, Советская власть в волостях и аилах Киргизии успешно устанавливалась в форме Советов крестьянских депутатов. Она устанавливалась самими трудящимися массами под руководством Коммунистической партии и рабочего класса. Волостные и айльные крестьянские Советы как органы диктатуры пролетариата в киргизских аилах с первых же дней своей организации стали претворять в

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 241.

² См. Воспоминания участников революционных событий и гражданской войны в Киргизии, Фрунзе, 1957 г.

жизнь политику Советской власти и защищать завоевания Октябрьской революции.

Сельские и анльные Советы являлись действительной опорой Советской власти в деревне. Анализ многочисленных документов и материалов полностью подтверждает этот наш вывод.

В состав первых волостных и анльных Советов избирались главным образом представители бедняков. При выборах эксплуататорские элементы — царские чиновники, кулаки, крупные бан-манапы лишались права избирать и быть избранными. Это дало возможность большевикам Киргизии оградить низовые Советы от открытого проникновения классово чуждых элементов.

Так, ленинская идея Советской власти и крестьянских Советов в 1918 году одержала победу в киргизском анле.

К середине 1918 года в ожесточенной борьбе с силами контрреволюции Советская власть победила на всей территории Киргизии, и государственная власть перешла в руки Советов.

Трудящиеся массы Киргизии восторженно приветствовали Советскую власть, которая несла им свободу от жестокого социального и национального угнетения.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции, установление и укрепление советской власти на местах вызвали большую тревогу среди иностранных империалистов и яростное сопротивление внутренней контрреволюции. Империалисты в борьбе с Советской властью в Средней Азии, в том числе в Киргизии, решили использовать басмачество. Так, в июле 1918 года в Южной Киргизии из басмаческих шаек была создана «Белая мусульманская армия», на знамени которой было написано: «отделение Туркестана от Советской России»¹. Этим лозунгом империалисты хотели привлечь на свою сторону трудящихся дыйкан. Но безуспешно.

Басмаческие шайки возглавлялись манапами, баями, муллами или закоренелыми разбойниками. Идейными вдохновителями басмачей были буржуазные националисты и мусульманское духовенство.

Английские империалисты, возлагая большие надежды на басмачей, всячески оказывали им помощь, особенно вооружением.

¹ История Киргизии, Фрунзе, 1956 г., т. II, стр. 72.

Но эти надежды не оправдались. Советская власть в Туркестане оказалась крепкой, ибо ее поддержали широкие массы трудящихся.

Октябрьская социалистическая революция нанесла сильный удар по кулакам, манапам и баям, являвшимся опорой царизма, лишила их политических прав и подорвала экономическую силу, а также отняла экономические и политические привилегии. Поэтому кулаки, манапы и бан стремились всеми мерами восстановить старые порядки и ликвидировать Советскую власть. Они активно вступали в белогвардейские отряды, уходили в басмачество, организовывали саботаж и поднимали антисоветские мятежи.

Например, антисоветский мятеж кулаков имел место в селе Дмитриевка Таласской долины в 1917 году; в селах Беловодском, Сокулук, Карабалты Пишпекского уезда в декабре 1918 года. Выступление кулацко-басмаческих банд на юге Киргизии состоялось в октябре 1919 года. Оно было подготовлено английским консулом Эсертоном и бывшим царским консулом Успенским, находившимся в г. Кашгаре (Китай) и др. Все они были ликвидированы своевременно.

Трудящиеся Киргизии, ведя тяжелую борьбу с контрреволюцией и басмачеством, которые имели целью ликвидировать Советскую власть, вместе со всем советским народом отстаивали завоевания Великой Октябрьской социалистической революции и постепенно укрепляли советскую власть.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти в Киргизии осуществлялись в рамках общих закономерностей, составляя органическую часть общего процесса социалистической революции в стране. Вместе с тем они имели свои трудности и особенности, которые обуславливались степенью экономического и культурного развития и конкретной расстановкой сил в крае. Одной из особенностей Киргизии является то, что если в России главную социальную опору Советов составлял русский революционный рабочий класс, то в Киргизии социальную основу Советов составляло руководимое рабочим классом трудовое крестьянство¹.

¹ А. Алтышбаев, О некоторых особенностях формы перехода народов Средней Азии к социализму, Фрунзе, 1959 г., стр. 23—40.

Это, однако, не значит, что в Киргизии в период победоносного шествия Великого Октября совершенно не было рабочих и что здесь не было Советов рабочих депутатов. Они были. Но ввиду малочисленности пролетариата подавляющее большинство Советов в этот период, особенно в киргизских аилах, являлись Советами крестьянских депутатов.

§ 2. СЛОМ СТАРОГО И СОЗДАНИЕ НОВОГО, СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА

Вопрос о власти является главным во всякой политической революции. В. И. Ленин в своей работе «Государство и революция» указывал, что «все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать».

Этот вывод есть главное, основное в учении марксизма о государстве¹.

Огромную роль в сломе старой государственной машины и переходе власти в руки местных Советов сыграли революционные комитеты, образованные в уездных центрах Киргизии в дни Октябрьской революции. Они организовали Красную гвардию, рабочие дружины и, опираясь на поддержку рабочей и крестьянской бедноты, сломали сопротивление эксплуататорских классов, свергли местные органы власти Временного правительства и объявили о переходе государственной власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

В первые дни после Октябрьской революции в уездах и волостях Киргизии были ликвидированы должности уездных комиссаров, крестьянских начальников, земские управы, переселенческие органы, земельные комитеты, думы и другие. Следует отметить, что некоторые органы старого аппарата, как-то: земские управы, земельные комитеты, думы, судебные органы, волостные управления, аильные старшины — ликвидировались не сразу, во многих местах они продолжали функционировать, подчиняясь Советам. Но постепенно и они были ликвидированы, а на их месте созданы советские органы. Многие из них ликвидировались тогда, когда созывались первые съезды

Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и создавались отраслевые исполнительные органы Советов.

Анализ материалов о строительстве Советов Киргизии показывает, что в первое время не только не было единой структуры областных, уездных и волостных Советов, но и единого названия. Во многих областях и уездах по примеру центральных органов власти стали создаваться Советы народных комиссаров. Совнаркомы были образованы в Пржевальском уезде Семиреченской области, Ошском уезде Ферганской области. В Аулие-Атинском уезде Сыр-Дарьинской области, куда входила Таласская долина, были организованы просто комиссарнаты.

В уездах, кроме исполкомов, были еще уездные, волостные и аильные комиссары.

К лету и осени 1918 года во многих уездах Совнаркомы были упразднены, все комиссары или руководители управлений уездных советских учреждений непосредственно подчинялись исполкомам.

Так начали создаваться, формироваться местные органы Советской власти на территории Киргизии. Огромное значение для создания и укрепления советского аппарата на местах — уездах, волостях и аилах Киргизии — имели директивы Совнаркома Туркестанского Края и создание Совнаркомов областей. Так, 9 декабря 1917 года Сыр-Дарьинский областной Совет утвердил «Положение об организации Сыр-Дарьинского областного Совета Народных Комиссаров». Совнарком состоял из председателя, товарища председателя, двух комиссаров по внутренним делам; комиссаров: земледелия и водопользования, финансов, здравоохранения, труда, по военным делам, юстиции, народного просвещения, путей сообщения, почты и телеграфа. 10 декабря 1917 года Совнарком Туркестанского края утвердил «Положение о местных Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», сыгравшее большую роль в советском строительстве на местах и регламентирующее деятельность местных Советов. В Положении указывалось, что деятельность Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов должна быть объединена; крестьяне, как русские так и местные, должны объединяться в Советы крестьянских депутатов; офицеры и солдаты должны представлять одну общую избирательную курию. В Положении также перечисля-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 378.

лись секции (комиссариаты), образуемые при местных Советах¹.

Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в центре и на местах являлись центрами, вокруг которых сплачивались трудящиеся массы для организации Советской власти, подавления сопротивления свергнутых классов, для окончательной ликвидации старого аппарата и создания нового, налаживания хозяйственной жизни и т. д. Советы на местах образовывались путем выборов или на общих собраниях села или аила. Аильные Советы выбирались на собраниях трудящихся. На этом же собрании выбирались делегаты в вышестоящий Совет. Затем делегаты, избранные на аильных и сельских собраниях, выбирали волостные Советы, которые состояли из одного или двух представителей от каждого аила. На волостных съездах образовывались волостные комиссариаты или секции и избирались делегаты на уездные советы. На комиссаров была возложена ответственная задача по проведению в жизнь всех декретов и постановлений вышестоящих органов Советской власти, решение земельных, административных, продовольственных и других вопросов. Комиссары прежде всего смещали прежние административные органы в селах, аилах и волостях, обновляли состав низовых исполнительных комитетов, организовывали помощь голодающим, открывали для них питательные пункты и т. д.

Волостные и аильные комиссары одновременно являлись председателями волостных и аильных исполнительных комитетов. Комитеты во главе с комиссарами выполняли в волостях и аилах все административные и хозяйственные функции низовых Советов. Естественно, в тех условиях состав волостных, сельских и аильных комиссаров был неоднороден. Комиссары избирались из солдат, из представителей бедного и среднего слоев крестьянства. Местами в составе местных Советов оставались кулаки, эсеры, старые волостные, аильные должностные лица.

Такой состав Советов не мог не оказать влияния и на состав избранных комиссаров. Такие комиссары саботи-

¹ «Туркестанские ведомости», 13 декабря 1917 г. № 193, или Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Киргизии (1917—1920 гг.), Документы и материалы, Фрунзе, 1957, стр. 44—45.

ровали выполнение законов и постановлений Советской власти, извращали политику большевистской партии по земельному и национальному вопросам, блокировались с кулаками и баями. Трудящиеся села и аила, естественно, не мирились с этим положением, проявляли недоверие к подобным комиссарам.

В связи с этим уездные советы отстраняли подобных волостных комиссаров от должности, самых злостных судили, а на их место назначали новых.

Засоренность части аильных, сельских и волостных Советов феодально-байскими элементами отрицательно повлияла и на выборы отдельных уездных Советов. Так, например, в апреле 1918 года большинство членов Аулие-Атинского уездного Совета оказалось выбранным «от более имущего класса», в результате чего Аулие-Атинский Совет был распущен и было решено «избрать Совет исключительно из пролетарской части населения»¹. Такие случаи наблюдались и в других уездах Киргизии, например в Пржевальском.

Все это не могло не создать серьезных трудностей. Эти трудности и препятствия преодолевались в упорной борьбе. Советы на местах постепенно очищались от чуждых элементов и становились подлинно народной властью.

Органы старого государственного аппарата были сломлены на областных и уездных съездах Советов, проведенных весной и летом 1918 года. Съезды Советов передавали власть в руки народа. Они имели огромное значение в организации Советской власти на территории Киргизии, в создании первых советских государственных органов в областях, уездах, волостях, селах и аилах в лице Советов рабочих, солдатских, крестьянских и мусульманских депутатов и обеспечили переход власти в руки Советов. Следует подчеркнуть, что с переходом государственной власти в руки Советов ликвидировался старый государственный аппарат и одновременно создавались органы Советского государства. Эти две стороны единого революционного процесса надо рассматривать вместе.

6—7 (19—20) декабря 1917 года Ферганский областной съезд Советов, куда входила южная часть Киргизии (Ошская область), принял решение о признании высшей властью Совет Народных Комиссаров, образо-

¹ «Наша газета», 1918 г., 1 мая.

ванный на III-м съезде Советов Туркестанского края¹. 1 декабря 1917 года состоялся Аулие-Атинский уездный съезд Советов крестьянских депутатов (куда входила Таласская долина). Съезд, обсудив вопрос о власти 31 голосом против 8, при одном воздержавшемся, признал всю полноту власти за Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов². 11 февраля 1918 года состоялся съезд Советов Пишпекского уезда, на котором делегаты от айлов, сел и волостей приветствовали победу Советской власти. В конце июня 1918 года состоялся Пржевальский уездный съезд Советов, где уездный Совнарком был упразднен и организован Совет рабочих и солдатских депутатов³.

Съезды Советов не только обсуждали вопрос о создании органов Советского государства, хотя он был главным вопросом, но и другие жизненно важные вопросы: об укреплении местных советских органов, земельный и продовольственный, о хлебе и другие. Таким образом, в первой половине 1918 года на съездах Советов на местах создавались органы диктатуры пролетариата и трудового крестьянства в лице Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. К управлению советскими государственными органами постепенно начали привлекаться трудящиеся городов, сел и айлов, шло дальнейшее укрепление Советов.

Советы стали основой политической организации, ядром советского государственного аппарата, единственным и всеохватывающим носителем государственной власти. В первые месяцы своего существования Советы проделали большую работу по слому органов старого аппарата и созданию нового советского государственного аппарата, по организации системы местных органов и формированию воинских частей, в области борьбы с продовольственными трудностями.

Разрушить до конца старую государственную машину, укрепить новое Советское государство нельзя было без вооруженной силы, без армии. Поэтому на основе декрета ВЦИК от 16 декабря 1917 года «Об уравнивании всех

военнослужащих в правах и об упразднении всех чинов и званий в армии, начиная от ефрейтора и кончая генеральским, всех титулований, всех орденов и других знаков отличия и всех отдельных офицерских организаций», 22 декабря 1917 года Совнарком Туркестанского края издал приказ о неуклонном исполнении указанного декрета и о роспуске всех служащих штаба Туркестанского военного округа.

Это имело огромное значение для ликвидации старой армии и создания новой армии в Киргизии. В Киргизии сначала создавались революционные дружины, боевые отряды, вооруженные отряды, в последствии переросшие в Красную армию. Создание Красной армии в Пишпекском уезде началось с организации революционной дружины (14) 1 января 1918 года Советом солдатских, рабочих и крестьянских депутатов.

Революционная дружина образовалась из солдат, уволенных со службы, как с фронта так и с тыла. В Кызыл-Кие создание Красной армии началось с организации постоянного боевого отряда¹, в Джалал-Абаде, Сулюкте и Оше — вооруженного отряда из добровольцев² и т. д. Из этих отрядов формировались подразделения Красной гвардии. В начале 1918 года отряды Красной гвардии создавались всюду — в Пишпеке, Токмаке, Оше, Джалал-Абаде и др. Красная гвардия формировалась из рабочих в возрасте от 18 до 45 лет. Руководство Красной гвардией сосредоточилось в специально образованных для этого гвардейских секциях при Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Примером этого служит гвардейская секция Пишпекского уездного Совета народных депутатов.

В гвардейские секции входили избранные представители отдельных отрядов Красной гвардии, по два представителя от исполкома Советов, военный комиссар и его помощник, избираемые общим собранием красногвардейцев. Отряды Красной гвардии подчинялись указаниям секции и действовали в полном согласии с исполкомом Совета. Положение о Красной гвардии предусматривало «...строгую товарищескую дисциплину,

¹ «Наша газета», 9 декабря 1917 г., № 152.

² Т. Елеуов, Установление и упрочение Советской власти в Казахстане, Алма-Ата, 1961 г., стр. 264.

³ Воспоминания участников революционных событий и гражданской войны в Киргизии, Фрунзе, 1957 г., стр. 92.

¹ Воспоминание участников революционных событий и гражданской войны в Киргизии, Фрунзе, 1957 г., стр. 142.

² Там же, стр. 157, 163.

нарушать которую никто не вправе, и ничем не наруши-
мое взаимное уважение»¹.

Красногвардейцы пользовались большим доверием
среди трудовых масс, как защитники народа. Так, на-
пример, в марте 1918 года беднота с. Новопокровского
Пишпекского уезда обратилась к отряду Красной гвар-
дии в Пишпеке помочь ей отобрать хлеб у кулаков для
голодающих. С такой же просьбой защиты от кулаков,
от басмачей обращались бедняки и батраки многих
аилов, сел и волостей. Красногвардейские отряды помо-
гали им, являясь надежной опорой Советской власти в
борьбе с враждебными ей силами.

Контрреволюционеры всячески пытались сорвать
укрепление власти Советов. Они организовывали бас-
маческие отряды, антисоветские мятежи в отдельных
местностях, срывали выборную кампанию, отчаянно
сопротивлялись. В этих условиях Красной гвардии было
трудно справиться с огромными задачами обороны моло-
дого Советского государства от многочисленных врагов.

Однако, несмотря на это, она с успехом выполняла
свою роль. Красная гвардия являлась переходным эта-
пом к созданию новой, Советской регулярной армии.
Постепенно красногвардейские отряды реорганизовы-
вались в части Рабоче-Крестьянской Красной армии.

15(28) января 1918 года СНК РСФСР издал декрет
о создании Красной армии, «...которая явилась оплот-
ном Советской власти». Совнарком Туркестанского края
приказом от 27 марта 1918 года распустил старую ар-
мию в Туркестане и признал необходимым создание но-
вой, Рабоче-Крестьянской Красной армии. После этого
повсеместно в крае, в том числе в Киргизии, началось
формирование частей Красной армии. Для этого созда-
вались вербовочные бюро, велась разъяснительная ра-
бота о целях и задачах Красной армии, образовались
особые отделы для приема заявлений от желающих
вступить в новую армию добровольцев. Лица, желаю-
щие вступить в Красную армию, должны были предста-
вить рекомендацию о политической сознательности от
партийных или профсоюзных организаций и заводских
комитетов.

Советы обратились к рабочим, солдатам и крестьян-

ской бедноте с призывом вступать в ряды Красной ар-
мии, разъясняя им, что освобождение рабочих и кре-
стьян есть их собственное дело. И Красная армия
доказала это на деле.

Весной 1918 года в Киргизии повсеместно формиро-
вались части Красной армии. Красная армия явилась
подлинно народной армией, армией дружбы и интерна-
ционализма. Красная армия сыграла решающую роль в
упрочении Советской власти на местах, в разгроме
контрреволюционных выступлений.

Разрушение старой армии и создание новой Красной
армии явилось важным мероприятием в создании и
укреплении Советского государства.

Одновременно с роспуском старой армии трудящие-
ся массы разрушали, отдали на слом полицейские уп-
равления и участки, переименованные Временным пра-
вительством в милицию. Совет Народных Комиссаров
Туркестанского края 24 ноября 1917 года приказом по
краю передал в ведение исполкома Совета рабочих и
солдатских депутатов всю военную и гражданскую ми-
лицию. В приказе гражданско-административного уп-
равления СНК Туркестанского края от 21 февраля
1918 года было сказано: «Ввиду организации в Туркес-
танском крае гражданской милиции настоящим воен-
ная милиция (Временного правительства — К. Н.)
упраздняется и дольствие по этому положению ей
прекращается с сего числа»¹. Это были первые шаги
партии и Советского правительства по созданию проле-
тарской народной милиции в крае. Народная милиция
оказалась одним из органов управления Советского
государства.

Важным мероприятием по разрушению старого и
созданию нового государственного аппарата было уничи-
тожение старых судебных органов и создание советско-
го судебного аппарата.

В. И. Ленин в своем наброске статьи «Очередные
задачи Советской власти» указывал: «Суд был в капи-
талистическом обществе преимущественно аппаратом
угнетения, аппаратом буржуазной эксплуатации. Поэто-
му безусловной обязанностью пролетарской революции
было не реформировать судебные учреждения..., — а

¹ В. А. Сапегина, Борьба за создание Советского государст-
венного аппарата в Туркестане, Ташкент, 1956 г., стр. 134.

¹ «Наша газета», 5 января 1918 года, № 4.

совершенно уничтожить, смести до основания весь старый суд и его аппарат»¹.

В «Нашей газете» 9 декабря 1917 года был опубликован стенографический отчет первого судебного процесса народно-революционного суда по делу генерального комиссара Временного правительства по Туркестану Доррера и других, обвинявшихся в контрреволюционном выступлении против Советской власти. Этот суд являлся первым народно-революционным судом, созданным по инициативе революционных масс после Октябрьской революции в Туркестане.

Первые советские суды были созданы по инициативе революционных масс Киргизии. Формы этих судов были разнообразны. Обычно они избирались Советами, местами—непосредственно самим населением на короткий срок и действовали по указанию местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Эти суды сыграли в первые дни существования Советской власти большую роль в борьбе с врагами революции. Революционные суды решали дела, руководствуясь декретами Советского правительства, революционной совестью и революционным правосознанием. К Киргизии полностью относилось указание В. И. Ленина о том, что «...революционные массы, после 25 октября 1917 года, вступили на верный путь и доказали жизненность революции, начав устранять свои, рабочие и крестьянские суды, еще до всяких декретов о роспуске буржуазно-бюрократического судебного аппарата»².

Огромная роль в ликвидации старого суда и создании нового принадлежала местным Советам. Под руководством большевиков они возглавили революционную инициативу народных масс в организации советских судов. Не дожидаясь директив из центра, трудящиеся массы во главе с местными Советами создавали на местах свои революционные суды, в основу которых был положен принцип выборности судей из среды трудового народа, а также участие в суде народных заседателей. Такие суды носили разные названия.

Первым законодательным актом об упразднении старых эксплуататорских судов и создании нового советского суда в Киргизии явился приказ СНК Туркес-

танского края от 12 декабря 1917 года, изданный на основе декрета о суде № 1 СНК РСФСР 22 ноября 1917 года. «Упраздняются, — говорил приказ, — существующие ныне общие судебные учреждения, как-то: окружные суды, судебные палаты и военные суды всех наименований. Упраздненные установления заменяются судами, образуемыми на основе демократических выборов. Окружные суды, как и мировые съезды, упраздняются окончательно»¹.

18 декабря 1917 года «Наша газета» сообщала, что СНК края упразднил старые судебные установления. Газета писала, что «приостанавливается действие существующего ныне института мировых судей с заменой их местными судами в лице постоянного местного судьи и двух очередных заседателей, приглашенных на каждую сессию по особому списку очередных судей...»².

Указанным приказом были упразднены и институты судебных следователей и частной адвокатуры. Обвинителями и защитниками допускались все неопороченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами. Производство предварительного следствия по подсудным делам возлагалось на местных судей. Приказ установил основные демократические принципы организации и деятельности нового суда: выборность судей, права обвиняемого на защиту, гласность процесса и т. д.

Следует отметить, что разрушение старых и создание новых судов в Киргизии протекало в трудных условиях, так как мероприятия Советской власти по ликвидации старого суда и созданию на его месте нового, как и следовало ожидать, были враждебно встречены классовыми врагами. Трудящиеся массы Киргизии, Советы и военно-революционные комитеты вели решительную борьбу с сопротивлением эксплуататоров и старых судебных чиновников. Ликвидируя старые судебные органы, Советское государство временно суд биев. Однако суд биев при Советской власти был не тем, каким он являлся в дореволюционном Киргизстане. Его деятельность протекала под контролем местных органов Советской власти, ограничивших его компетенцию. Вместе с тем Советское правительство проводило ряд

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 191.

² В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 236.

¹ ЦГА Узбекской ССР, ф. 25, оп. 1, д. 19, л. 32.

² «Наша газета», № 141, от 18 декабря 1917 года.

мероприятий, направленных на подготовку условий ликвидации биев. После установления Советской власти в Киргизии не производились выборы в суды биев. Государство не выплачивало последним какого-либо вознаграждения. Более того, Советы запретили биям взимать бийлик — плату за судебное разбирательство.

Большая работа была проведена по ликвидации сопротивления контрреволюционеров. Контрреволюционеры (местные националисты, белогвардейцы, эсеры, меньшевики и др.), поддерживаемые и руководимые американско-английскими империалистами, всячески сопротивлялись любым мероприятиям Советской власти, пытались восстановить господство эксплуататоров. Заговор, контрреволюционный саботаж, террористические акты против партийных, советских и общественных работников, контрреволюционная агитация и пропаганда и т. д. являлись формами борьбы контрреволюционеров против Советской власти.

В борьбе с этими элементами и в укреплении революционного порядка на местах огромное значение имело создание Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) и революционных трибуналов.

В январе 1918 года председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский обратился ко всем Советам об учреждении местных отделов ВЧК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. В телеграмме Ф. Э. Дзержинского указывалось: «Обнаглевшая контрреволюция готовит заговор против Советской власти и готовит покушение на видных деятелей революции. Ею мобилизованы все контрреволюционные силы... Для беспощадной и самой решительной и быстрой ликвидации контрреволюционного заговора ВЧК по борьбе с контрреволюцией при СНК предлагает всем Советам и комитетам немедленно создать отделы по борьбе с контрреволюцией»¹.

В соответствии с этим указанием ЦИК Туркестанской АССР приказом от 9 сентября 1918 года учредил при ЦИК Чрезвычайную следственную комиссию (ЧСК) по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. Органы ЧК Туркестана, руководимые коммунистической партией, с помощью и при поддержке трудящихся раскрыли многочисленные контрреволюци-

онные заговоры, разоблачали саботажников, вредителей, заговорщиков и т. д.

Наряду со старой армией, полицией и судом слому было предано переселенческое управление, основной целью которого была защита интересов переселяемых из центра России кулаков и размещение их на плодородных землях местного населения, т. е. таким образом вытеснять в горы местных жителей и проводить колонизаторскую политику.

Учитывая, что деятельность переселенческого управления являлась контрреволюционной и совершенно не отвечала нуждам сельского населения, Совнарком края, после обследования и обсуждения деятельности управления, приказом по краю от 3(15) января 1918 года упразднил его. Таким образом, был разрушен еще один орган колонизаторского управления. После ликвидации каждого органа старой государственной машины крепче становился советский государственный аппарат в Туркестане, в том числе в Киргизии.

Следует подчеркнуть, что многие переселенческие управы свергались силой восставшего трудового народа без декретов и приказов местных органов Советской власти. Слом старого переселенческого управления означал фактическую ликвидацию антинародной колониальной политики царизма и буржуазного Временного правительства.

Немного иное отношение было к органам городского и земского самоуправления. Земские самоуправления были созданы в Туркестане лишь накануне февральской революции 1917 года и носили буржуазный характер, проявлявшийся как в их составе, так и в их деятельности. Они маскировали свое подлинное лицо кажущейся народностью и демократичностью. Поэтому трудящиеся массы сразу не смогли распознать классовую сущность земства и известное время сохранили в них веру. А это сказывалось на решении вопроса о судьбе земских органов. Контрреволюционные силы первое время пытались использовать это и всеми силами старались сохранить земские органы, окопались в них. В силу этого земские управы в некоторых уездах существовали продолжительное время после Октябрьской революции. Например, Пржевальская земская управа была ликвидирована в мае 1918 года.

¹ ЦГА Узбекской ССР, ф. 25, оп. 1, д. 34, л. 2.

В этих условиях важное значение имело проводившееся партией и Советами разоблачение политики окопавшихся в земствах контрреволюционных элементов, широкая разъяснительная работа большевиков среди населения о характере Советской власти, о классовой природе буржуазных органов самоуправления.

По мере того как трудящиеся массы понимали контрреволюционную сущность органов земского самоуправления, эти органы распускались самими трудящимися или органами Советской власти по требованию трудящихся.

В тех районах Киргизии, где в ходе совершения социалистического переворота земские органы были достаточно разоблачены, Советская власть проводила их ликвидацию немедленно. Так было, например, в Пишпеке. В Пишпеке слом старого государственного аппарата, включая и органы земского самоуправления, начался сразу, одновременно с установлением Советской власти. В январе 1918 года Пишпекский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов распустил городскую думу и управу. Основанием их ликвидации служило в первую очередь несоответствие интересам трудящихся.

Вместе со всем царским государственным аппаратом ликвидировалась и туземная администрация¹ как часть общего государственного аппарата, созданного для проведения колониальной политики царского и Временного буржуазного правительства через эксплуататорскую верхушку местного населения.

Разрушая и уничтожая старую государственную машину, Советская власть одновременно создавала новые органы Советского государства, не присущие буржуазному государству и невиданные до сих пор, которые быстро вырастали и крепились, охватывая собой всю деятельность молодого Советского государства.

Одним из таких органов был Высший Совет Народного хозяйства, созданный по декрету ВЦИК, опубликованному 5 декабря 1917 года. На этот орган была возложена хозяйственно-организаторская функция Советского государства.

В Туркестанском крае Совет народного хозяйства был создан приказом Совета народных комиссаров Туркестана 22 марта 1918 года при Совнаркоме. Краевой

¹ См. первую главу данной работы.

Совет народного хозяйства организовывал и регулировал всю экономическую жизнь края. Наподобие краевого Совета народного хозяйства создавались Советы в областях, уездах. Так, исполнительный комитет Совета народных депутатов Пишпекского уезда постановлением 24 июля 1918 года организовал уездный Высший Совет народного хозяйства, в который вошли комиссии: земледелия, народного хозяйства, продовольствия¹.

Одновременно с ломкой старого колонизаторского государственного аппарата отменялись старые правовые нормы царского правительства. Происходило правовое оформление первых социалистических преобразований. Создавалась основа советского гражданского, брачно-семейного, трудового, земельно-колхозного, уголовного, судебного права. Возникло и постепенно развивалось социалистическое право в Киргизии.

* * *

Для глубокого понимания и анализа истории возникновения и совершенствования государственности и права Советского Киргизстана необходимо иметь углубленное представление об общественно-политическом строе и праве киргизов до революции, о том как победила Октябрьская революция и как установилась Советская власть на территории Киргизии.

В связи с этим в данном выпуске автор рассматривает экономическую разобщенность, территориальную раздробленность, отсутствие своей национальной государственности и господство феодализма в киргизском обществе до революции, а также действие на территории Киргизии чуждых местному населению норм реакционно-мусульманского права и законодательства царского самодержавия.

Далее автор показывает, что только благодаря Октябрьской революции и Советской власти разобщенный и раздробленный, угнетенный и бесправный, подавленный и отсталый киргизский народ получил право на самоопределение. Победа Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти были

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Киргизии. Документы и материалы. (1917—1920 гг.). Фрунзе, 1957 г., стр. 113.

основами создания киргизской национальной государственности.

Таким образом, настоящий выпуск является как бы вступлением к остальным выпускам истории государства и права Киргизской ССР.

Следующий выпуск посвящается созданию киргизской советской национальной государственности и ее правовому оформлению, который, кстати, уже вышел отдельной монографией¹.

Последующие выпуски посвящаются отдельным этапам развития государственно-правового строительства Советского Киргизстана.

О Г Л А В Л Е Н И Е

От автора	3
Введение	
§ 1. Предмет и метод истории государства и права Киргизской ССР	5
§ 2. Периодизация и система истории государства и права Киргизской ССР	10

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I. Общественно-политический строй и право дореволюционного Киргизстана

§ 1. Общественный строй	17
а) Особенности социально-экономического строя	17
б) формы собственности	32
в) классовое строение киргизского общества	38
§ 2. Политический строй	58
§ 3. Источники права Киргизии дореволюционного периода	70
а) понятие киргизского обычного права	72
б) действие шариата в Киргизии и его реакционная роль	77
в) распространение законодательства Российской империи в Киргизии	82
§ 4. Основные черты права дореволюционного Киргизстана	84
а) гражданское право	84
б) брачное и семейное право	91
в) уголовное право	97

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава II. Великая Октябрьская социалистическая революция и установление Советской власти в Киргизии (октябрь 1917—1918 гг.)

§ 1. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и переход государственной власти в руки Советов в Киргизии	115
§ 2. Слом старого и создание нового Советского государственного аппарата	140

¹ К. Нурбеков, Возникновение Киргизской Советской национальной государственности, Фрунзе, 1964 г.